

Мировое развитие. Выпуск 9

Человеческое измерение мировой экономики и политики

Москва
ИМЭМО РАН
2013

УДК 327
339
ББК 65.5
66.0
Человеч 392

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Редакционный совет продолжающегося издания «Мировое развитие»:
Ф.Г. Войтоловский, Н.И. Иванова, Л.Г. Истягин, А.В. Кузнецов, И.С. Королев, Н.А. Косолапов,
Э.Г. Соловьев, Е.С. Хесин
Редакционная коллегия Выпуска 9:
Ф.Г. Войтоловский, Ю.Д. Квашнин, А.В. Кузнецов,
Н.В. Тоганова, С.В. Уткин

Рецензенты: к.э.н. Э.В. Кириченко, к.пол.н. Э.Г. Соловьев

Человеч 392

Человеческое измерение мировой экономики и политики (Мировое развитие. Выпуск 9). – М.:
ИМЭМО РАН, 2013. – 152 с.

ISBN 978-5-9535-0374-7

Очередной выпуск продолжающегося издания «Мировое развитие» подготовлен на основе материалов одноименной Всероссийской научной конференции, состоявшейся в ноябре 2011 г. в ИМЭМО РАН при поддержке Комиссии РАН по работе с молодежью. В конференции приняли участие молодые специалисты в области мировой экономики и международных отношений, политологи и социологи из институтов Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, а также из ведущих центральных и региональных вузов. Все статьи выпуска посвящены различным проявлениям роли человека и общества, а также значению социальных факторов в глобальных, региональных и национальных процессах, развивающихся в экономической и политической сферах, а также в области международной безопасности. Особое внимание уделено социальным составляющим взаимосвязей между экономическими и политическими тенденциями, проявляющимися на национальном, международном и транснациональном уровнях. Издание предназначено для исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся социальными и гуманитарными аспектами современной мировой экономики и политики.

This volume of IMEMO's series «**Global Development**» is based on the agenda of the conference «**Human dimension for global economy and international politics**» which was held at IMEMO in November 2011. The collection unites articles of the new generation of Russian political scientists and economists researching various aspects of human and social issues of global, regional and national economic and political processes, as well as human security implications of international politics. Special attention is focused on social components of different of political and economic ties and relations among national, international and transnational actors and institutions and their interdependence. This edition is intended for researchers, political and economic analysts, high-school teachers, post-graduate students, as well as for journalists and a broader range of interested audience.

Продолжающееся издание ИМЭМО РАН «Мировое развитие»

Выпуск 1 (2005). ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы
Выпуск 2 (2007). Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность
Выпуск 3 (2008). Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность
Выпуск 4 (2008). Конфликты экономических и политических интересов на постсоветском пространстве
Выпуск 5 (2009). Россия в мировой экономике и международных отношений
Выпуск 6 (2010). Кризисные явления в мировой экономике и политике
Выпуск 7 (2012). Экология и энергетика: локальные ответы на глобальные вызовы
Выпуск 8 (2012). Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0374-7

© ИМЭМО РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Оглавление

Социально-политические последствия глобальной экономической неопределенности	4
Кулакова В.К. Защита прав потребителей финансовых услуг в США: экономические и политические аспекты	4
Левашов П.А. Продолжение глобального кризиса и социальные протесты в европейских странах	11
Тоганова Н.В. Германия и помощь Греции: экономический прагматизм против политической необходимости	17
Квашнин Ю.Д. Греция перед вызовом нелегальной иммиграции	21
Социальные и гуманитарные факторы мировой политики	30
Войтоловский Ф.Г. Проблемы легитимации внешнего вмешательства в гражданские силовые конфликты	30
Евтихевич Н.С. Гуманитарные аспекты внешней политики Канады	39
Братерский А.В. Роль экспертного сообщества в формировании стратегии США в Центральной Азии	47
Блащаница А.В. Христианские сионисты и их роль в развитии американо-израильских отношений	53
Новые механизмы взаимовлияния обществ, государств и корпораций	57
Никода К.В. Социальный эффект от участия корпоративного сектора в инфраструктурных проектах развивающихся стран	57
Кокорина Е.В. Экономический имидж государства как фактор его национальной конкурентоспособности	65
Скрягина С.Ю. Корпоративное волонтерство в практике корпоративной социальной ответственности	74
Фактор личности в международных процессах	82
Олейнов А.Г. Методологические основы экономического анализа субъектности индивида в международных отношениях	82
Вода К.Р. Влияние внешнеполитических концепций японских премьер-министров на развитие отношений КНР и Японии	91
Русакова Т.Ю. Фактор У.Чавеса: поляризация политических позиций	96
Национальные и международные аспекты формирования европейской идентичности	100
Кузнецов А.В. Языковые барьеры в Европейском Союзе	100
Бадаева А.С. Сфера образования как инструмент формирования европейской идентичности	110
Хавронин С.Б. Североевропейское общество как институциональная предпосылка развития наукоемкого бизнеса	119
Боженко В.В. Влияние демографических и социально-экономических факторов на политику расширения ЕС	130
Зайцева А.Л. Агропродовольственный комплекс ЕС как область реализации конкурентной политики	139

Социально-политические последствия глобальной экономической неопределенности

Кулакова В.К.*

Защита прав потребителей финансовых услуг в США: экономические и политические аспекты

В США уже давно успешно функционирует система защиты потребителей лекарственных средств, пищевых продуктов, детских игрушек и других товаров, однако системы защиты потребителей финансовых услуг до недавнего времени не существовало. Кризис 2007 – 2010 гг. повлек за собой реформу системы финансового регулирования в США, важнейшее место в которой занимает идея защиты потребителей на финансовых рынках и создания соответствующего ведомства. Эта идея вошла в проект финансовой реформы, представленной администрацией президента Обамы в 2009 г.¹, в законопроекты Палаты представителей и Сената и в окончательную версию Закона Додда–Фрэнка о реформе финансового сектора и защите потребителя, подписанного Обамой 21 июля 2010 г.²

Необходимость активного государственного регулирования финансово-экономической сферы является одним из постулатов кейнсианского направления экономической мысли. Однако основания для активной государственной политики в области защиты потребителей финансовых услуг разрабатывают экономисты, придерживающиеся институционального подхода. Также исследователи обращаются к методам бихевиоризма, заимствованным из социологии. Дж. Кэмпбелл и Х. Джексон указывают на то, что рядовые потребители часто бывают не в состоянии самостоятельно принять правильное решение (максимизировать свое микроэкономическое поведение) из-за того, что ориентированы на решение проблем сегодняшнего дня; из-за когнитивной ограниченности в обработке информации о финансовых продуктах; из-за снижения роли старших когорт населения (их опыт теряет актуальность из-за быстрого развития финансовой сферы), а также множества других причин психологического и социально-экономического характера.³ В результате возникают дисбалансы в распределении материальных благ, и значительно снижается эффективность работы финансового рынка.

Противники концепции защиты прав потребителей финансовых услуг, в том числе представители неоклассической школы, рассматривают потребителя финансовых услуг как рационального агента, способного к принятию правильных решений, а финансовые рынки ими видятся как способные к эффективному саморегулированию. Соответственно, защита прав потребителей финансовых услуг представителям этого направления экономической мысли представляется нецелесообразной и даже вредной. К тому же защита потребителя финансовых услуг лежит в смежной облас-

* Кулакова Василиса Константиновна – к.полит.н., н.с. ЦСАИ ИМЭМО РАН

¹ Financial Regulatory Reform. A New Foundation: Rebuilding Financial Supervision and Regulation. Department of the Treasury. June 2009.

² Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act, P.L. P.111-203

³ Campbell J.Y., Jackson H.E., Madrian B.C., Tufano P. Consumer Financial Protection. // Journal of Economic Perspectives. 2011. Vol. 25. N1, P.91–114

ти, на стыке вопросов экономики и социологии, которые не интересуют представителей данного направления.

В политической дискуссии мнения экспертов по поводу защиты прав потребителей на финансовых рынках разделились достаточно четко по партийной линии. Демократы, в целом, поддерживают данную идею и направление политики, в то время как республиканцы выступают с ее критикой. Демократы объясняют необходимость активного вмешательства государства в данную сферу, апеллируя к понятию «справедливости», особенно близкого среднему классу и малоимущим слоям. Именно эта часть общества особенно сильно пострадала и от финансового кризиса в целом, и от отдельно взятых нарушений со стороны финансовых компаний. Республиканцы, в том числе занимающие посты в органах власти, считают, что активная политика в области защиты потребителя, как и вся финансовая реформа, приведет к сокращению кредитования, к банкротству мелких банков и других финансовых компаний, подпадающих под регулирование нового органа. Эти идеи апеллируют к той части электората республиканцев, для которых важны принципы частного предпринимательства, свободного рынка.

Концепцию создания отдельного органа по защите прав потребителей на финансовых рынках еще в 2007 г. выдвинула Э. Уоррен – профессор Гарвардской школы права, специалист по проблемам банкротства в США и исследователь американского среднего класса.⁴ Она заявляет не только о необходимости и справедливой защиты прав потребителя на финансовых рынках, но и о том, что регулирование данной области послужит развитию этих рынков и ускорит инновации на них. Она проводит аналогию с тем, как контроль качества промышленных и пищевых товаров привел к резкому повышению их безопасности и внес лепту в технический прогресс. Уоррен много внимания уделяет психологическим проблемам, с которыми сталкиваются потребители финансовых услуг в США – это постоянное чувство беспокойности, стыда за неспособность заплатить по долгам в текущем месяце, потребность скрыть от собственного окружения и семьи визиты коллекторов и другие проблемы.

Ирония переплетения экономических и политических аспектов данной проблемы заключается в том, что как ученый-экономист Уоррен подвергается жесткой критике со стороны некоторых коллег, обвинения доходят вплоть до заявлений о ее непрофессионализме. Однако, несмотря на это, ее идея создать орган по защите потребителей финансовых услуг не только была воплощена на практике, но и стала ведущим направлением всей финансовой реформы. Уоррен имеет огромную популярность в американском обществе, высокий уровень личного доверия к ней стал причиной назначения ее в ноябре 2008 г. председателем Комиссии по парламентскому надзору (Congressional Oversight Panel), созданной для контроля над выполнением Закона об экстренной стабилизации экономики 2008 г. и инициированной этим законом Программы помощи проблемным активам (TARP). Затем Уоррен служила исполняющей обязанности директора Бюро по защите потребителей финансовых услуг на начальном этапе его функционирования. Она также чрезвычайно популярна как политик: в ноябре 2012 г. она стала сенатором от штата Массачусетс от демократов, победив республиканца С. Брауна.

⁴ Warren E. Unsafe at Any Rate // Democracy. 2007. N5. Summer.

Во время разработки законопроектов по финансовой реформе в соответствующих комитетах Конгресса США и во всем американском обществе разразилась горячая дискуссия по всем многочисленным направлениям реформы, в том числе и по идее создания Бюро по защите потребителей финансовых услуг. Обама в своем проекте финансовой реформы предлагал создать полностью независимое ведомство по защите прав потребителей, с широчайшими полномочиями. Однако воплотить это на практике администрации не удалось. В процессе работы над законопроектами выдвигались предложения включить данное ведомство в структуру министерства финансов США, но тоже безрезультатно. В итоге Бюро по защите потребителей финансовых услуг было создано в структуре Федеральной резервной системы США. Законом Додда-Франка предусмотрено финансирование нового органа посредством выделения части дохода ФРС.

Новому органу даны полномочия по формированию нормативной базы и исполнению выпущенных подзаконных актов. Он также может осуществлять надзор за исполнением уже действующих федеральных законов по защите потребителей финансовых услуг. В задачи нового ведомства также входит: рассмотрение жалоб от потребителей и принятие мер по ним; повышение финансовой грамотности; исследования в области поведения потребителей; мониторинг финансовых рынков на предмет выявления рисков для потребителей. Ведомству передаются функции по защите прав потребителя, которые раньше выполнялись всеми другими регулирующими органами (ФРС, Федеральная корпорация страхования депозитов, Управлением контролера денежного обращения и др.). Юрисдикция Бюро ограничена рынками потребительского кредитования, оно не регулирует процесс инвестиций или страховую отрасль. К тому же, Бюро по защите потребителей финансовых услуг является единственным в стране регулятором, новые правила которого могут быть отменены или переписаны Советом по надзору за финансовой стабильностью.

К первому юбилею Закона Додда-Франка была завершена организационная работа по созданию Бюро, и 21 июля 2011 г. функции по защите потребителей финансовых продуктов были переданы всеми регуляторами единому ведомству и оно начало свою работу. Однако до появления на своем посту директора сфера деятельности нового ведомства ограничивалась только банковскими компаниями. В первый же день своей работы Бюро разослало в банки ознакомительные письма в рамках своей «Программы надзора за банками» (Bank Supervision Program), которая будет распространяться на 111 банков (депозитарных институтов) с активами более 10 млрд. долл. Эти компании в сумме держат 80% активов банковского сектора⁵. В рамках данной программы Бюро начало расследование того, как компании налагают комиссию за пользование овердрафтом.⁶

В сложностях назначения директора нового ведомства проявились особенности взаимоотношений президента Обамы и республиканского Конгресса. Первым и.о. директора была назначена Э.Уоррен – автор идеи создания независимого орга-

⁵ Consumer Financial Protection Bureau Outlines Bank Supervision Approach. CFPB Will Begin Its Examination Program for Large Banks on July 21. 7/12/2011. (www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/tg1236.aspx)

⁶ Wyatt E. Consumer Inquiry Focuses on Bank Overdraft Fees // The New York Times. 2012. February 22. (www.nytimes.com/2012/02/22/business/bank-overdraft-fees-to-be-scrutinized-by-consumer-bureau.html)

на по защите прав потребителя. Кандидатура директора должна была быть утверждена Сенатом, а республиканский Сенат не утвердил бы кандидатуру Уоррен из-за чрезмерной, по мнению республиканцев, либеральности ее взглядов. Новое ведомство находилось в некоем подвешенном состоянии: оно начало работать, но полномочия устанавливать новые правила у ведомства должны были появиться только после вступления в должность постоянного директора, утвержденного Сенатом.

Летом 2011 г. на пост директора Бюро был номинирован Р. Кордрэй, который до этого служил генеральным прокурором штата Огайо и был известен как сторонник жесткой политики по защите потребителей. Однако и у кандидатуры Кордрэя было мало шансов получить одобрение Сената, поскольку уже были известны условия ультиматума республиканцев. Сенатские республиканцы сформулировали свою позицию в своем «программном» письме президенту Обаме, в котором они заявили, что не утвердят кандидатуру директора Бюро по защите потребителей финансовых услуг, пока не будут приняты некоторые фундаментальные изменения в структуре новой организации.⁷ Республиканцы требовали, чтобы:

1) бюро руководилось не единолично директором, а коллегиально, так же как остальные ведомства финансового контроля (Совет управляющих ФРС, также обе комиссии по контролю над рынком ценных бумаг – Комиссия по ценным бумагам и биржам и Комиссия по торговле товарными фьючерсами - состоят из нескольких членов, и др.);

2) бюро финансировалось конгрессом, а не Федеральной резервной системой, таким образом, установив финансовую подотчетность *перед* Конгрессом и, соответственно, политическую зависимость *от него*;

3) чтобы новые правила, принятые бюро, могли быть отменены банковскими регуляторами, а не только Советом по надзору за финансовой стабильностью.

Президенту США пришлось пойти на политическую хитрость. 4 января 2012 г. он назначил Р. Кордрэя директором, воспользовавшись предусмотренным Конституцией США правом назначать кандидатуры во время парламентских каникул. Чтобы назначение осталось в силе, Сенат должен утвердить кандидатуру до конца 2013 года. Таким образом, Обама выиграл почти два года на то, чтобы сильное ведомство по защите потребителя смогло начать работать и создать основы для своей последующей деятельности без ослабления своих полномочий, которых требовали республиканцы в обмен на утверждения кандидатуры директора.

После назначения директора агентство получило полномочия регулировать помимо банков еще и ипотечные компании; компании, выдающие частные (в противовес федеральным) кредиты на нужды образования; и микрофинансовые организации (payday lenders) любых размеров. 5 января 2012 г., т.е. на следующий день после назначения директора, была запущена программа наблюдения за небанковскими компаниями, работающими в сфере потребительского кредита⁸, цель которой

⁷ 44 U.S. Sens. to Obama: No Accountability, No Confirmation. May 05, 2011. (http://shelby.senate.gov/public/index.cfm/newsreleases?ContentRecord_id=893bc8b0-2e73-4555-8441-d51e0ccd1d17)

⁸ Consumer Financial Protection Bureau launches nonbank supervision program. Federal agency to oversee nonbanks for the first time. Jan 5, 2012. (<http://www.consumerfinance.gov/pressreleases/consumer-financial-protection-bureau-launches-nonbank-supervision-program/>)

– контролировать выполнение этими компаниями федеральных законов по защите прав потребителя на финансовых рынках. Эти законы перешли по наследству новому централизованному органу от нескольких ведомств, которые до ЗДФ осуществляли защиту прав потребителя. В рамках программы будут проводиться проверки компаний, а также запрашиваться информация от компаний для определения, какие области нуждаются в большем контроле. Помимо контроля над выполнением уже действующего законодательства, Бюро разрабатывает собственные правила.

Кроме того, Бюро по Закону Додда-Фрэнка должно регулировать и другие «крупные компании» - коллекторские агентства, бюро кредитных историй, компании, специализирующиеся на денежных переводах, законодательное определение которых должно выпустить само Бюро. 21 июля 2012 г. было принято правило, дающее такие определения.⁹ Крупными коллекторскими агентствами признаны компании, которые в год получают доход (именно от соответствующей деятельности) в размере более 10 млн. долл., что в итоге дает около 175 компаний, 2/3 всех компаний на рынке коллекторов. Для агентств по предоставлению информации о кредитоспособности потребителей установлен порог годовой доходности в 7 млн. долл. В итоге под регулирование попадают 30 компаний, составляющие 90% всех подобных компаний. На 2012 – 2013 гг. были запланированы правила по другим участникам рынка.

5 марта 2012 г. БЗПФУ открыла специальную программу, по которой студенты могут жаловаться на работу компаний, выдавших им *частные* займы на получение образования.¹⁰ До этого существовала только должность омбудсмена (в Министерстве образования США) по защите прав заемщиков через *федеральные* программы кредитования на нужды получения образования. В январе 2012 г. принято правило, защищающее права граждан, отправляющих денежные средства за границу: право на раскрытие информации, на исправление ошибки банка, на отмену транзакции.¹¹ В мае и июле 2012 г. Бюро предложило ряд проектов новых правил в области защиты потребителей ипотечных кредитов.

План президента и законопроекты по финансовой реформе предусматривали также меры по защите розничных инвесторов, принимать которые должно было не Бюро по защите потребителей финансовых услуг, а Комиссия по ценным бумагам и биржам. Учитывая массовое владение американскими гражданами акциями, облигациями и другими финансовыми инструментами, это направление реформы также чрезвычайно важно. Предполагалось, что необходимо повысить требования к деятельности финансовых консультантов и брокеров-дилеров, и гармонизировать, то есть сделать одинаковыми, требования к этим двум профессиональным группам. Однако перед самым принятием Закона Додда-Фрэнка этот пункт отменили в пользу проведения КЦББ исследования того, насколько такая гармонизация целесообразна.

⁹ Defining Larger Participants of the Consumer Reporting Market. A Rule by the Consumer Financial Protection Bureau. July 20, 2012. (<https://www.federalregister.gov/articles/2012/07/20/2012-17603/defining-larger-participants-of-the-consumer-reporting-market#p-3>)

¹⁰ Chopra R. Our Students Loan Complaint System is Open for Business. Mar. 5, 2012. Consumer Financial Protection Bureau. (consumerfinance.gov/blog/our-student-loan-complaint-system-is-open-for-business/)

¹¹ Electronic Fund Transfers (Regulation E). A Rule by the Consumer Financial Protection Bureau. Feb. 7, 2012. (www.federalregister.gov/articles/2012/02/07/2012-1728/electronic-fund-transfers-regulation-e)

Речь идет о наложении на брокеров, консультирующих розничных клиентов по вопросам приобретения финансовых инструментов, обязанности выступать доверенным лицом клиента, которая предполагает больше ответственности. Дело в том, что по нынешнему законодательству консультант по инвестициям является доверенным лицом клиента, а брокер-дилер, консультирующий розничного инвестора, – нет. Розничные инвесторы часто обращаются к финансовым посредникам – либо к консультантам по инвестициям, либо к брокерам-дилерам – чтобы те помогли им управлять инвестициями. Тем не менее, деятельность консультантов по инвестициям и брокеров-дилеров регулируется разными подзаконными актами, несмотря на то, что услуги, ими предоставляемые, абсолютно одинаковы с точки зрения обычного розничного инвестора. Именно поэтому перед КЦББ поставлена задача унифицировать обязанности этих посредников. КЦББ представила Конгрессу доклад, в котором говорится о целесообразности гармонизации данных требований¹². Однако в другом докладе, представленном одновременно с первым, Комиссия признает, что ей не хватает средств и персонала для того, чтобы своевременно и эффективно проводить надзор над деятельностью зарегистрированных консультантов по инвестициям. Предлагается либо ввести денежные сборы с компаний, либо организовать саморегулирующуюся организацию, которая будет проверять консультационные фирмы, и предоставлять информацию в КЦББ.

В заключение необходимо сказать, что доверие потребителей к финансовой системе чрезвычайно важно для поддержания ее стабильности. Введение в действие системы защиты прав потребителей финансовых услуг на данном этапе финансовой реформы является одним из наиболее успешных ее направлений. Направление по защите прав инвесторов значительно отстает в этом смысле. Хотя часть новых правил Бюро по защите потребителей финансовых услуг находятся в стадии разработки, внушает оптимизм то, что в отличие от других направлений реформы, регуляторам удалось отстоять относительную независимость нового ведомства, его единоличное управление в противовес коллегиальному, что может позволить более четко и жестко действовать.

Президент сумел назначить в обход Конгресса директора агентства, что позволило не идти на компромисс в отношении самостоятельности и рамок действия нового ведомства. Уже сейчас можно обозначить некоторые политические ограничители будущей эффективности Бюро. Когда придет черед следующего президента (возможно, республиканца) назначать директора Бюро, это обязательно отразится на выборе кандидатуры и, соответственно, на деятельности ведомства. Кроме того, многие эксперты отмечают, что размещение Бюро в структуре ФРС также может стать таким ограничителем, так как американский «центральный банк» склонен в своей политике ставить свои регулятивные функции на второе место после функции по проведению денежной политики. На политику ФРС влияет состав ее Совета управляющих, соотношение позиций в котором меняется с течением времени. Для администрации Б. Обамы крайне необходимо, чтобы реализация стратегии по защи-

¹² Study on Investment Advisers and Broker-Dealers. As Required by Section 913 of the Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. January 2011. (www.sec.gov/news/studies/2011/913studyfinal.pdf)

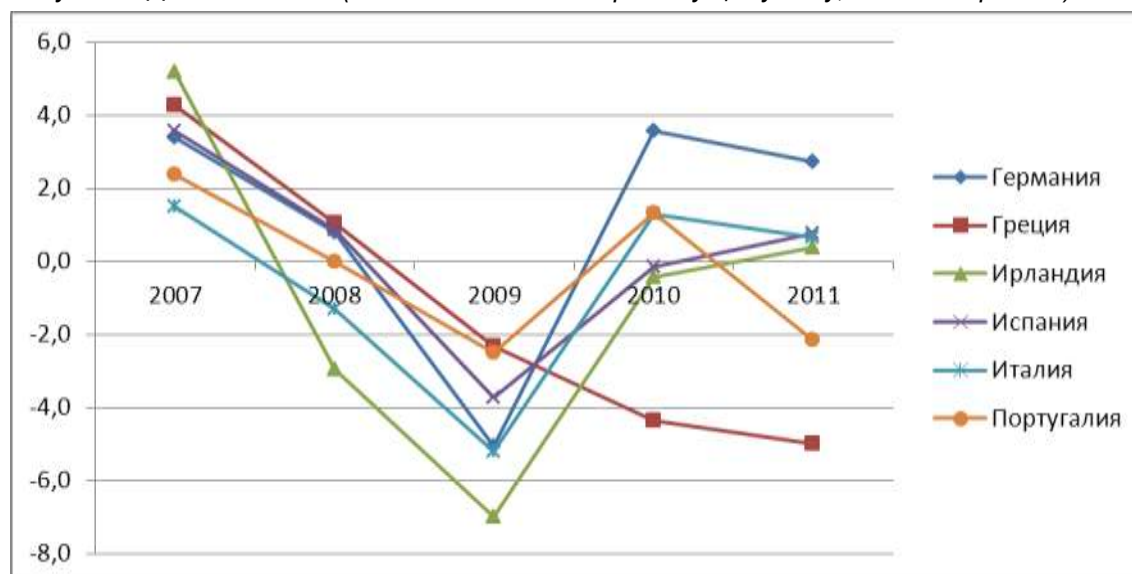
те потребителя финансовых услуг не стала слишком политизированной в ущерб экономической целесообразности. Популизм здесь может быть опасен. Накануне финансового кризиса желание политических властей дать домохозяйствам с невысоким уровнем дохода доступ к ипотеке (в целях привлечь их в качестве электората) сначала привело к бурному развитию рынка ипотечного кредитования, затем – к раздутию пузыря на этом рынке, и в результате стало одной из главных причин финансового кризиса 2008-2009 гг.

Продолжение глобального кризиса и социальные протесты в европейских странах

Начавшийся в 2008 г. кризис в области финансового сектора быстро распространился на реальный сектор экономики. В начале кризиса аналитики видели три сценария развития мировой экономики: после кризисного спада последует рост, после кризиса возможна вторая волна кризиса или же рост последует после периода стагнации. В данный момент - в конце 2011 г. - можно говорить о том, что развитие экономики европейских стран пошло по второму варианту. Пик рецессии пришелся на первый квартал 2009 г.: экономика зоны евро упала на 2,5%. Если взглянуть на итоги 2010 г., то кажется что кризис преодолен: все страны еврозоны, за исключением Греции, Испании и Ирландии, показали рост ВВП (от 1% до 4%). Однако с конца 2010 г. еврозону охватил долговой кризис. Греция, Португалия и Ирландия были вынуждены обратиться за международной финансовой помощью.

В разных странах еврозоны кризис проявляется по разному и имеет свои характерные причины и последствия. Рассмотрим пять стран, на которые кризис оказал наибольшее негативное воздействие: Греция, Ирландия, Испания, Италия, Португалия. По прогнозам Международного Валютного Фонда (МВФ), они покажут по итогам 2011 г. наименьшие показатели роста ВВП. Для более полной картины также будем приводить данные для крупнейшей экономики Евросоюза – Германии. Проанализируем динамику макроэкономических параметров указанных государств за пятилетний период, начиная с 2007 г. Также рассмотрим социальные последствия падения уровня жизни населения в определенных странах еврозоны.

Рисунок 1. Динамика ВВП (% по отношению к предыдущему году; 2011 г. - прогноз)

Источник: здесь и далее таблицы и графики построены на основе данных МВФ www.imf.org.

* Левашов Петр Андреевич – аспирант ИМЭМО РАН.

В 2007 г. у всех рассматриваемых стран был отмечен рост ВВП (см. рис. 1). По итогам 2008 г. рост в большинстве стран замедлился, а у Ирландии и Италии падение составило 3% и 1,3% соответственно. Наибольшее падение ВВП наблюдалось по итогам 2009 г.: от 7% у Ирландии до 2,3% у Греции, которой удалось показать наименьшее падение из шести рассматриваемых стран. Однако по итогам 2010 г. Греция осталась единственной страной, ВВП которой продолжил падение, составив в 2011 г. 90% от уровня 2007 г. Несмотря на увеличение ВВП Ирландии в 2011 г. на 0,4 проц.пункта, значение по итогам года также составило 90% от уровня ВВП 2007 г. Германия – единственная из всех рассматриваемых стран показала прирост валового внутреннего продукта в размере 2% от уровня 2007 г. В 2012 г. аналитики предрекают развитие долгового кризиса, но большинство стран входит в него до конца не оправившись от кризиса 2008 г. Вторая волна кризиса может нанести еще больший ущерб, как отдельным странам, так и экономике Евросоюза в целом.

Таблица 1. Динамика экспорта и импорта (% по отношению к предыдущему году; 2011 г. - прогноз)

	Экспорт					Импорт				
	2007	2008	2009	2010	2011	2007	2008	2009	2010	2011
Германия	8,0	2,7	-13,6	13,7	7,9	5,4	3,3	-9,2	11,7	7,7
Греция	5,8	4,0	-20,1	3,8	7,0	9,9	4,0	-18,6	-4,9	-9,9
Ирландия	8,4	-1,1	-4,2	6,3	6,0	7,9	-3,0	-9,3	2,7	3,0
Испания	6,7	-1,1	-11,6	10,3	8,7	8,0	-5,3	-17,8	5,4	2,1
Италия	4,6	-4,3	-18,4	9,1	5,2	3,8	-4,4	-13,7	10,5	5,1
Португалия	11,5	2,8	-12,3	0,5	7,5	7,2	5,0	-12,5	-4,8	-3,2

В январе 2009 г. был зафиксирован рекордный спад промышленного производства стран Еврозоны: -17,3% по сравнению с январем 2008 г.¹ Министерство финансов Германии уже в начале 2009 г. отмечало углубление рецессии в стране в связи с сокращением в мире спроса на германские товары. Экономические индикаторы указывали на дальнейшее ухудшение положения, ведь спад ВВП в первом квартале 2009 г. ускорился. Снижение промышленного производства напрямую связано с объемами внешней торговли стран ЕС. По итогам 2009 г. падение экспорта Германии составило 13,6% от показателей 2008 г.

Таблица 2. Государственный долг (% ВВП; 2011 г. - прогноз)

	2007	2008	2009	2010	2011
Германия	65	66,4	74,1	84	82,6
Греция	105,4	110,7	127,1	142,8	165,6
Ирландия	24,9	44,4	65,2	94,9	109,3
Испания	36,1	39,8	53,3	60,1	67,4
Италия	103,6	106,3	116,1	119	121,1
Португалия	68,3	71,6	83	92,9	106

¹ Рекордный спад промышленного производства зафиксирован в еврозоне // РИА Новости. 20.03.2009. (ria.ru).

Как показывает таблица 1, с 2007 г. по 2009 г. скорость сокращения объемов внешней торговли увеличивалась у всех рассматриваемых стран. Наибольшее падение экспорта по итогам 2009 г. было зафиксировано у Греции – 20,1%, близкие показатели у Италии. Объем импорта в 2009 г. также оказался меньше уровня 2008 г. для всех рассматриваемых стран. По состоянию на конец 2010 г. четыре из шести рассматриваемых стран имели дефицит платежного баланса: от 3,3% ВВП у Италии и до 10,5% у Греции. При наличии дефицита платежного баланса страны вынуждены изыскивать дополнительные источники финансирования для покрытия разницы между стоимостью экспорта и импорта. Источниками могут быть международные заимствования, но это влечет за собой рост государственного долга (см. табл. 2). Наибольший государственный долг сложился у Греции. Чтобы спасти страну от дефолта, министры финансов еврозоны в конце февраля 2012 г. согласовали выделение Греции кредита в размере 130 млрд евро². К международным заимствованиям также прибегали Ирландия и Португалия.

Еще один немаловажный фактор, свидетельствующий об общем состоянии экономики, - индекс потребительских цен (см. рис. 2). Отрицательные изменения индекса были отмечены в 2009-2010 гг. у Ирландии, а также в 2009 г. у Испании и Португалии. За рассматриваемый период максимальное увеличение индекса было отмечено у Греции в 2008 и 2010 гг.

Рисунок 2. Динамика потребительских цен (% по отношению к предыдущему году)

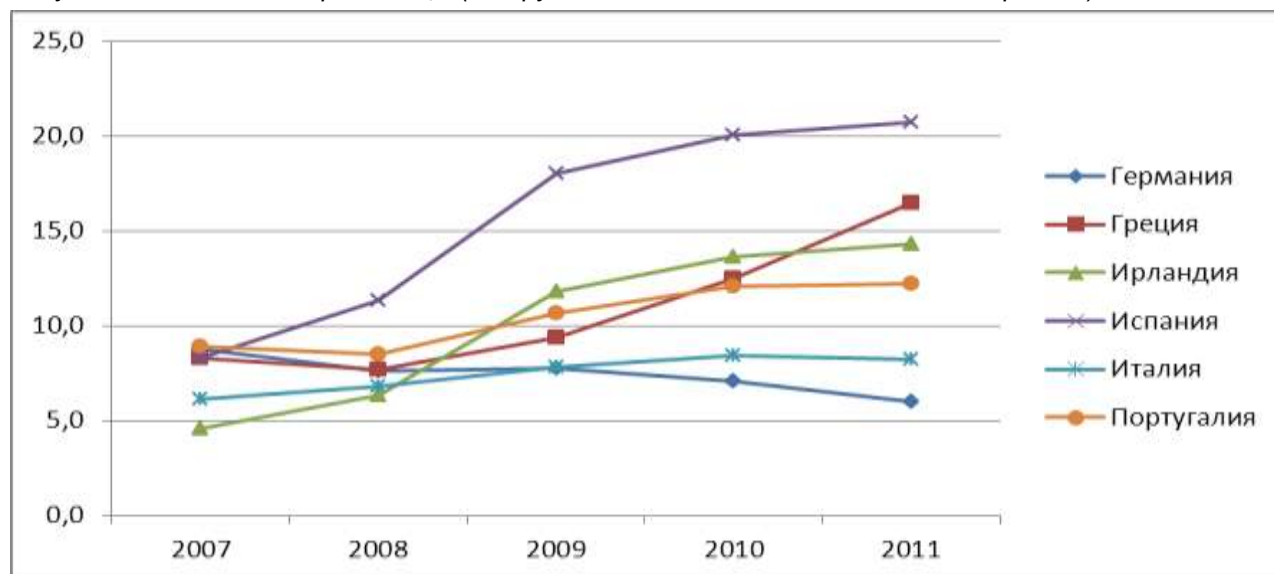
Отсутствие экономического роста не позволяет Евросоюзу решить самую острую социальную проблему – безработицу. В еврозоне она составляет в среднем около 9,8% на конец 2011 г. (прогноз МВФ). Уровень безработицы наравне с индексом потребительских цен более всего волнует общество, поскольку является

² Большой шаг к победе // Эксперт. 21.02.2012. (expert.ru).

одним из немногих показателей, напрямую ощущаемых населением. Во многих странах еврозоны наметилась тенденция увеличения числа безработных. Исключение составляет Германия, где уровень безработицы снизился с 8,8% в 2007 г. до 6% в 2011 г. Минимальное увеличение числа безработных наблюдалось в Италии, где за пять лет, начиная с 2007 г. доля безработных выросла с 6,1% до 8,2%. Наибольшую долю безработных по итогам 2011 г. показала Испания – 20,7% и Греция – 16,5%.

На фоне общего нестабильного экономического фона Еврозоны особенно неутешительными выглядят прогнозы экономистов по Греции, Португалии и Испании. По росту потребительских цен и уровню безработицы Греция оказывается в самом неблагоприятном положении из шести рассматриваемых стран.

Рисунок 3. Динамика безработицы (% трудоспособного населения; 2011 г. - прогноз)

Социальные протесты в странах еврозоны

Некоторые страны из-за ухудшающихся макроэкономических параметров были вынуждены сократить государственные расходы, что в отдельных случаях привело к общественной напряженности, которая вылилась в открытый протест населения - митинги, забастовки и демонстрации, - крупнейший за последние десятилетия. Так, в Греции с начала 2010 г. проходят общенациональные забастовки против предпринимаемых правительством мер по снижению бюджетного дефицита. Например, профсоюз водителей большегрузных автомобилей Греции провел в августе 2010 г. недельную забастовку в ответ на решение правительства либерализовать сектор грузовых перевозок, поскольку греческие водители заплатили по несколько десятков тысяч за лицензию на грузовые перевозки, а правительственная мера означала, что эти деньги были выброшены на ветер. В результате других забастовок в Греции не работали аэропорты, также было прекращено движение паромов. Это привело к снижению числа туристов: по предварительным данным в мае 2010 г. в Грецию приехало на 10% меньше туристов, чем в аналогичный период предыдущего года.

Но и в 2011 г. волнения не прекратились: в Афинах проходят массовые демонстрации и акции протеста. По различным оценкам в демонстрациях в

мае-июне 2011 г. у здания парламента приняло участие от 20 до 80 тыс. чел. Активное участие в организации массовых демонстраций и акций протеста приняли греческие профсоюзы. По их мнению, предложенные правительством Г. Папандреу меры по выходу из кризиса несправедливы: от мер по сокращению бюджетного дефицита пострадают рядовые работники, тогда как владельцев крупных компаний и финансистов, виновных в кризисе, они не затронут. В итоге массовых волнений в конце 2011 г. греческое правительство было вынуждено подать в отставку, после того как премьер Папандреу призвал провести референдум о пакете помощи³. Более 100 тыс. чел. вышли на акции протеста 12 февраля 2012 г. против принятия властями страны жестких мер экономии. Демонстранты выступали против решения парламента о сокращений пенсий и зарплат в госсекторе в общей сложности на 3,3 млрд евро.

Общенациональная забастовка протеста против экономической политики правительства Сильвио Берлускони прошла в конце июня 2010 года в Италии по решению крупнейшего профсоюза страны - Всеобщей итальянской конфедерации труда (ВИКТ). В ходе этой акции работники всех государственных предприятий и госслужащие бастовали целый день, а сотрудники частных компаний прекратили работу как минимум на четыре часа. Всеобщая забастовка проводилась в знак протеста против принятого в конце мая 2010 г. правительственного декрета о так называемом финансовом маневре на 2011-2013 гг. Под "финансовым маневром" подразумевается сокращение государственных расходов в этот период почти на 25 млрд евро⁴. Руководство ВИКТ сразу же подвергло резкой критике этот документ, подчеркнув, что правительство перекладывает всю тяжесть жертв, связанных с экономическим кризисом, на плечи трудящихся. «При этом в маневре нет ни одной меры, направленной на поддержку занятости и инвестиции. Доходы в миллион евро не трогают, зато требуют жертв от государственных работников, зарабатывающих по 1,5 тыс. евро в месяц», - заявил генеральный секретарь ВИКТ Г. Эпифани. В рамках забастовки ВИКТ провела массовые манифестации протеста во многих городах Италии.

В сентябре 2011 г. миллионы итальянцев приняли участие в однодневной забастовке, направленной против правительственных мер экономии, которые последнее было вынуждено принять под нажимом партнеров по еврозоне. Забастовка происходила в преддверии принятия итальянским парламентом плана мер экономии, подготовленного правительством под нажимом Европейского центрального банка. Организаторы требовали сохранения рабочих мест и более жестких мер в отношении тех, кто уклоняется от уплаты налогов. На один день в итальянских аэропортах были отменены рейсы, не ходили поезда и автобусы, большинство правительственных учреждений было закрыто. Всеобщая забастовка была организована самой большой федерацией профсоюзов Италии — CGIL. Другие федерации не участвовали в забастовке, полагая, что нет смысла воевать с работодателями, когда под угрозой каждое рабочее место.

В октябре 2011 г. в поддержку движения «Захвати Уолл-стрит» прошли акции и митинги во многих странах. В том числе в столице Италии – Риме, где полиция

³ Греция готовится к массовым демонстрациям протеста // BBC. Русская служба. 22.02.2012. (www.bbc.co.uk).

⁴ В Италии проходит всеобщая забастовка // РиаНовости. 25.06.2010. (ria.ru).

использовала слезоточивый газ и водометы, чтобы разогнать толпу протестующих, которые кидали бутылки, поджигали автомобили, разбивали витрины магазинов и банков⁵. На улицах Рима, как минимум 100 тыс. чел. требовали от правительства изменить финансовую политику. Беспорядки в Италии в октябре 2011 г. стали крупнейшими в Европе с начала кризиса.

Митинги и забастовки рабочих проходили также в Португалии. В конце апреля 2010 г. началась всеобщая забастовка работников общественного транспорта. Главные требования участников акции: не замораживать зарплату и не приватизировать государственные компании. Как отмечает Euronews, именно к таким мерам вынуждено прибегнуть правительство правоцентристской социалистической партии, чтобы сократить дефицит госбюджета страны и позволить ей избежать участи Греции.

Забастовка в Португалии повторилась в ноябре 2010 г., когда люди вышли на улицы, протестуя против роста налогов и сокращения бюджетных расходов ради получения пакета помощи от Евросоюза. Ровно через год, в ноябре 2011 г. очередная забастовка привела к массовым беспорядкам и стрельбе в лиссабонском метро. Профсоюзы вновь протестовали против мер бюджетной экономии, к которым прибегло правительство, чтобы получить европейские кредиты. Профсоюзные лидеры назвали демонстрации «великим соучастием» и заявили, что дальнейшего снижения жизненного уровня рабочих они не допустят. В забастовке приняли участие работники портов, почтовых служб, аэропортов и железных дорог. Первая забастовка 2012 г. состоялась в начале февраля, когда работники общественного транспорта протестовали против планов правительства сократить рабочие места в их отрасли, поскольку транспортные компании задолжали государству 17 млрд. евро.

В Испании в августе 2011 г. прошел марш недовольных экономической политикой властей и высоким уровнем безработицы в стране. Испанцы устроили шествие по улицам Мадрида. Пятью месяцами ранее, в середине мая 2011 г. около двух тысяч человек разбили лагерь на площади Пуэрто дель Соль. Акция длилась почти месяц, в июне палаточный городок свернули, но с середины июля митинги возобновились.

Кризис 2008 г. оказал существенное влияние на экономические показатели отдельных стран Евросоюза. К началу 2012 г. многие государства не успели восстановить докризисные показатели и подошли к новой вероятной рецессии в еще более худшем состоянии, чем они были в 2008 г. Уменьшение ВВП, падение деловой активности и, как следствие, возрастающая безработица и ухудшение уровня жизни вызывают серьезное социальное напряжения. Катализатором к открытому недовольству, выражаемому в митингах, забастовках и демонстрациях, служат заявления правительств о сокращении расходов государственного сектора и уменьшении рабочих мест. Данные меры - необходимое условие для получения международного финансирования. Мировой общественности еще предстоит узнать, смогут ли правительства европейских стран и дальше принимать бюджетные сокращения и справляться с социальными недовольствами.

⁵ Массовые беспорядки в Италии. Десятки раненых // Голос Америки. 15.10.2011. (www.voanews.com).

Германия и помощь Греции: экономический прагматизм против политической необходимости

(Эссе)

Накануне и в первые годы после объединения Германии многие эксперты высказывали опасения, что она, став самым большим по численности населения и самым экономически мощным государством Европейских сообществ (позже Европейского союза), изменит баланс сил на мировой арене. Но опасения оказались преждевременными: в 1990-е годы Германия была занята внутренними проблемами - преодолением экономических последствий объединения. Поэтому эти рассуждения постепенно сошли на нет. Вновь «германское господство» стало обсуждаться лишь два десятилетия спустя во время кризиса в зоне евро. На этот раз обсуждение кажется более своевременным и носит двойственный характер: с одной стороны, активная политика Германии критикуется, с другой - в условиях кризиса в ЕС есть спрос на германское лидерство. Это противоречие отрицательно влияет на выработку политического консенсуса внутри Германии. Ведь германскому обществу и политическому истеблишменту необходимо ответить на вопрос, который стал актуальным после развала биполярного миропорядка, но ответа на который пока не удалось найти: какой должна быть роль Германии на мировой арене? От ответа зависят решения по всем внешнеполитическим вопросам, будь то отправка контингента в миротворческие операции или спасение таких стран еврозоны, как Греция. Ведь тогда решения будут приниматься на основе консенсуса о том, каким должен быть баланс между ответственностью за строительство общего (европейского) дома и собственными меркантильными интересами.

Внутригерманского консенсуса по поводу того, какой должна быть роль ФРГ на мировой арене, нет. Это связано не только с противоречивыми настроениями германских внешнеполитических партнеров, но и с пока незавершенным переосмыслением послевоенного прошлого. В германском общественном и политическом дискурсе будущее страны прочно увязывается с общеевропейскими ценностями и поддержкой единой Европы в лице Европейского Союза. Однако когда речь заходит о конкретной финансовой помощи проблемным странам ЕС, тональность меняется, и чековая книжка достается лишь неохотно. То же наблюдается и в случае с военными операциями, с тем лишь отличием, что Германия готова скорее платить, чем отправлять своих солдат.

Германия медлила и продолжает медлить с решениями о помощи южноевропейским странам. Объясняется это не только проблемой неопределенности собственной роли на международной арене, но также и здравым смыслом. «Из личного опыта» федеративного государства Германия понимает, какие сложности и финансовые расходы влечет за собой создание постоянного механизма помощи слабым субъектам (странам), который вводится в ЕС из-за кризиса.

Германия - федеративное государство, в котором неравное экономическое положение земель компенсируется при помощи финансового выравнивания. Финансовое выравнивание критикуется землями донорами и экономистами на протяжении

* *Наталья Владимировна Тоганова* – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

десятилетий. Ведь помощь, которая изначально предполагалась как выражение солидарности и временное подспорье нуждающемуся, превратилась в поощрение безответственного поведения и наказание ответственного. Изменить положение дел невозможно: реформирование блокируется землями-реципиентами. Поэтому превращение Европейского союза в институт, который будет активно и по схожим внутригерманскому финансовому выравниванию принципам перераспределять деньги пугает немецких экспертов и политиков. Они вполне правомерно полагают, что деньги будут расходоваться неэффективно, реципиенты так и будут оставаться таковыми, поскольку простое перераспределение не стимулирует их к пересмотру своего поведения.

Германские экономисты о кризисе в Греции

Поскольку все важные решения о спасении Греции были все же приняты, дебаты и предложения немецких экономистов могут показаться напрасными. Однако не исключено, что эта часть дискуссии, – окажет влияние на развитие европейской интеграции в будущем.

Три ключевых германских аналитических центра - Германский институт экономических исследований (DIW, Берлин), Гамбургский всемирный экономический архив (HWWA) и Институт экономических исследований (Ifo, Мюнхен) - в своих оценках и рекомендациях в 2010-2011 гг. были категоричнее немецких обывателей: в апреле 2010 г. 33% немцев считали помощь Греции необходимой, в сентябре 2011 г. таких было уже 43%¹. Рекомендации институтов на этом фоне выглядят жестко: два института высказывались за создание механизма контролируемого банкротства Греции, третий допускал его при одновременном запрете рейтинговым агентствам понижать рейтинг Греции. Разумеется, при такой тональности о расширении фондов помощи речи не шло. Институты были едины: «нет» евробондам и «да» большему привлечению частных инвесторов к списанию греческих долгов. Наиболее радикальную позицию занимал мюнхенский институт Ifo, который не высказывался прямо о необходимости выхода Греции из еврозоны, но указывал на необходимость создания соответствующего механизма. Позиция мюнхенского института также шла в разрез с позицией общественного мнения относительно необходимости общей европейской экономической политики (хотя ужесточение контроля финансов приветствовалось): 82% респондентов в Германии в 2010 г., согласно опросам Евробарометра, высказывались за усиление координации экономической политики на уровне ЕС².

¹ Данные опросов Emnid и Dimap Mehrheit der Deutschen lehnt Griechenland-Hilfe ab // Welt. 27.04.2010; Hälfte der Deutschen gegen Griechenland-Hilfen // RP-online. 11.09.2011.

² Мнение институтов представлено на основе официальных заявлений сотрудников или руководства: Beschlüsse des EU-Gipfels: Überraschend großzügig, überraschend unkonkret. DIW. Pressemitteilung. 22.07.2011; EU-Gipfelbeschlüsse: Erste wichtige Schritte, aber keineswegs eine endgültige Lösung. DIW. Wochenbericht. Nr. 44. 2011. S. 3-15; Wertpapierkauf: EZB macht sich politisch und finanziell abhängig. DIW. Pressemitteilung. 10.06.2010; Zinsspreads auf europäische Anleihen: Finanzmärkte verstärken Druck zu mehr Haushaltsdisziplin. DIW. Pressemitteilung. 22.12.2010; *Straubhaar T.* Lob, nicht Prügel für Papandreou. HWWI. Standpunkt. 3. November 2011; *Straubhaar T.* Staatsbankrott: nicht Ende, sondern Anfang der Probleme. HWWI. Standpunkt. 24. Juni 2011; *Straubhaar T.* Umschulden ja, aber richtig! HWWI. Standpunkt. 18. Mai 2011; *Hüther M., Paulus C., Berensmann K.* Zur Diskussion gestellt: Braucht Europa eine Insolvenzordnung für Staaten? // ifo Schnelldienst. Nr.63(23). 2010. S. 3-15; *Sinn H.-W.* "Die europäische Zah-

Реакция политиков на кризис в зоне евро

Кризис в южноевропейских странах показал, что становится все сложнее проводить различия между внутренней и внешней политикой. Что бы немцы ни говорили на опросах общественного мнения, выборы на земельном уровне показывают, что давать деньги Греции они не хотят. Поэтому в мае 2010 г. немецкое правительство пыталось оттянуть до последнего оглашение решения о том, что Европейский фонд финансовой стабильности объемом в 750 млрд. евро будет создан. Затягивание было связано с выборами в ландтаг в Северном Рейне – Вестфалии. Сразу следует оговориться, что замалчивание немецкому правительству не помогло: после этих выборов оно окончательно потеряло надежду на большинство в бундесрате. Это вынуждает «черно-желтое» правительство действовать с оглядкой на оппозицию: множество законов требует одобрения бундесрата, где последняя доминирует. Дилемма политиков связана с тем, несут ли они ответственность, то есть находятся ли у власти – в этом случае они должны помнить о требованиях партнеров по ЕС, согласовывать свои действия с идеями, лежащими в основе их партийной программы, и чаяниями электората; или находятся ли они в оппозиции – в этом случае «внешне-политическая» ответственность минимальна.

Канцлер А. Меркель и министр финансов В. Шойбле (оба из ХДС) были вынуждены балансировать. Объявления немецкому электорату о неприятных решениях оттягивались, а партнеров по ЕС немецкие политики вынуждали принимать собственные правила игры. Последнее проявилось не только в продавливании политики жесткой экономии в юноевропейских странах, но и во введении подобия германского института *Schuldenbremse* - ограничения на долги - для новых долгов в других странах – членах ЕС (отчасти попытка была успешна). Не стоит также забывать, что христианские ценности (помощь ближнему и нуждающемуся) лежат в основе идеологии ХДС, и это также вынуждает сдерживать меркантилистские устремления.

Иная тональность была у партии «Левые», представители которой в 2011–2012 гг. особо подчеркивали свою приверженность социалистическим ценностям, то есть помощи простым гражданам («пролетариям»), пострадавшим в ходе кризиса из-за безрассудного поведения банковского сектора. Исключительным стало на этом фоне событие, когда в 2013 г. один из лидеров партии «Левые» О. Лафонтен недостаточно удачно сформулировал свою мысль о том, что следует учитывать экономические сложности. Это повлекло за собой обвинения, что он занял позицию евро-скептиков и партии «Альтернатива для Германии». Однако этот инцидент следует рассматривать как одну из ряда ошибок партии «Левые» в собственном позиционировании или как затянувшийся «раздрай» внутри партии.

СДПГ хотя и находится в оппозиции, но памятуя о том, что она может оказаться у власти, высказывалась более осторожно и предпочитала формулировку, что, правительство Союза ХДС-ХСС в коалиции с СвДП предпринимает правильные шаги, но запаздывает. Запаздывание приводит к негативным последствиям, которых можно было бы избежать. Партия «Зеленые» также находится в оппозиции и высказывания ее руководства соответствуют левому крену, закрепленному в программе.

lungsbilanzkrise – Eine Einführung // ifo Schnelldienst. Nr.64(16). 2011. S. 03-08; *Fuest C., Franz W., Hellwig M., Sinn H.-W.* Erklärung zur Nachfolgeregelung für die Rettungspakete, München, ifo Institut für Wirtschaftsforschung, 1.6.2010.

Влияние кризиса на общественно-политическую дискуссию

Незавидная участь Партии пиратов Германии, которые похоже были лишь эпизодом в истории германской партийной системы, подчеркивает, что кризис в зоне евро и помощь южноевропейским странам и особенно Греции - это чрезвычайно сложный с идеологической точки зрения вопрос. «Пираты» не смогли четко и уверенно сформулировать, как же следует их решать.

Чем объясняется эта сложность? Партии на левом фланге и так теряют электорат: левые ценности были не в почете у широких слоев после развала социалистического блока. Хотя после кризиса в зоне евро ситуация начала меняться (вспомним хотя бы об оссиру-движениях), но даже до приверженцев левой идеи донести мысль, что собственные налоговые поступления нужно потратить не в Германии, почти невозможно. Также не стоит забывать, что наличие денег у ФРГ для помощи юноевропейским странам, низкая безработица - это все результаты жестких мер по сокращению социального государства, то есть либеральных реформ в начале 2000-х годов. Поэтому дискуссия о будущем развитии разворачивалась вокруг вопросов о том, следует ли продолжить этот тренд (увеличение возраста для выхода на пенсию; упрощение с одновременным снижением ставок подоходного налога) или же, напротив, шаг в сторону либерализации был неверным (рост неравенства в ФРГ усилился в последние годы). На этом фоне общество не могло поддержать широкую помощь юноевропейским странам, ведь на это пошли деньги, которые так нужны в самой Германии.

Нежелание широких слоев расставаться с собственными деньгами на благо юноевропейских стран было понятно. В немецком политическом ландшафте появилась партия «Альтернатива для Германии», которая настаивает на выходе из евро. Это означает и полное снятие с себя обязательств по поддержке стран еврозоны. Первые опросы общественного мнения о поддержке новой партии могут быть интерпретированы различно (поскольку формулировки вопросов респондентам размыты, так как они были в модальности «поддерживаете ли вы идеи...»), однако надежды многих наблюдателей на то, что наконец-то в политической жизни Германии что-то изменится, вряд ли оправданны. С весны 2013 г. есть данные более масштабных опросов, так называемого «вопроса выходного дня» («за кого Вы бы проголосовали, если бы в следующее воскресенье были выборы?») партия «Альтернатива для Германии» набирает от 2 до 3%. Этого недостаточно для прохождения в бундестаг.

* * *

Противоречия между экономической разумностью, меркантильными интересами большинства и партийными ценностями и программами влияют на выработку внешнеполитической линии. Возможно, это будет «вечным» вопросом и немецкие политики вслед за обычными гражданами будут метаться между экономической выгодой и «правильным» подходом к оценке событий на словах. Но это по-человечески и понятно: всем хочется быть лучше, чем они есть на самом деле, и на словах это проще.

Греция перед вызовом нелегальной иммиграции

За последние два десятилетия резкое увеличение притока нелегальных иммигрантов стало одной из самых острых социальных проблем современной Греции. По данным Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов Европейского союза (Frontex), в 2010 г. на Грецию пришлось 80% от всех незаконных пересечений внешних границ Евросоюза¹. После вступления экономики Греции в затяжную полосу рецессии и резкого сокращения государственных расходов, в том числе связанных с обеспечением национальной безопасности, очевидно стало, что греческие власти не могут самостоятельно сдерживать растущий приток мигрантов и что необходима выработка новых подходов к решению этой проблемы как на национальном, так и на общеевропейском уровне.

Динамика и факторы роста миграционных потоков

В первые десятилетия после завершения Второй мировой войны серьезное экономическое отставание Греции от стран Западной Европы делало эту страну малопривлекательной для мигрантов. Единственной статистически значимой формой иммиграции была репатриация греков диаспоры, связанная с ухудшением их положения в странах, некогда входивших в состав Османской империи (Турция, Египет и др.). Напротив, главной тенденцией в 1950—60-е гг. была трудовая эмиграция из Греции в более развитые страны Европы, в первую очередь, в ФРГ. Во второй половине 1970-х — 1980-х гг. на фоне роста греческой экономики и интеграции в ЕЭС в Грецию стали прибывать иммигранты из Польши и стран Азии и Африки (в первую очередь из Пакистана), однако вплоть до начала 1990-х гг. их численность не превышала 1,5% населения Греции². Коренной сдвиг в движении миграционных потоков произошел в 1990-е гг. после падения социалистической системы в СССР и странах Юго-Восточной Европы, когда в Грецию устремились, с одной стороны, сотни тысяч греков, ранее не имевших возможности выехать из-за «железного занавеса», с другой стороны, трудовые мигранты из Албании, Болгарии, Румынии и стран бывшей Югославии, отправившиеся в Грецию в поисках работы и лучшей жизни.

Особенностью иммиграции в Грецию в 1990-е гг. стало численное преобладание выходцев из одной страны — Албании. По переписи 2001 г., учитывавшей все население, фактически проживавшее в Греции (включая нелегальных иммигрантов), численность албанцев составляла 438 тыс. при общей численности иммигрантов в 762 тыс. человек, вслед за ними с большим отставанием следовали болгары (35 тыс.), грузины (22 тыс.), румыны (22 тыс.) и граждане из

* Квашнин Юрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Frontex Risk Analysis Network (FRAN) quarterly report. Q03 2010. 16.01.2011. (www.frontex.europa.eu).

² Triandafyllidou A. & Marouf M. Immigration towards Greece at the Eve of the 21st century: a critical assessment, Athens: ELIAMEP, IDEA Project, 2009. March. No 4. P.11 (www.idea6fp.uw.edu.pl/pliki/WP4_Greece.pdf).

других стран, в основном Балканского полуострова и бывшего СССР. Соответственно албанское этническое меньшинство насчитывало 4% всего населения Греции и 57% от общей численности иммигрантов³. Взрывной рост албанской иммиграции был вызван двумя причинами — чрезвычайно сложной ситуацией в Албании, особенно болезненно переживавшей трансформацию экономической и политической системы, и изменениями на рынке труда в Греции, где в условиях быстрого роста благосостояния населения возникла нехватка низкоквалифицированной и дешевой рабочей силы.

В начале 1990-х гг. среди приехавших в Грецию албанцев преобладали нелегальные иммигранты. «Албанский вопрос» стал одним из самых обсуждаемых в общественно-политической жизни Греции и спровоцировал многолетнюю напряженность в греко-албанских отношениях, которая проявлялась, в частности, в неоднократных массовых депортациях албанского населения из Греции. Однако при более пристальном взгляде выяснилось, что, во-первых, значительная часть иммигрантов из Албании — это на самом деле этнические греки или, как их называют в Греции, «северные эпироты», во-вторых, даже среди собственно албанцев многие иммигранты оказались способны к достаточно быстрой интеграции в греческое общество (многие из них исповедуют православие и знают греческий язык), в-третьих, сами греки были заинтересованы в найме албанцев на вакантные рабочие места. Если в начале 1990-х годов большинство албанцев были заняты на сезонных сельскохозяйственных работах, то уже на рубеже XXI в. основной сферой занятости стали строительные работы, торговля, транспортные услуги и гостиничный бизнес. Несмотря на новую волну албанской иммиграции в 1997 г., связанную с экономическим кризисом и вооруженными столкновениями в Албании, на протяжении большей части 1990-х и первой половины 2000-х годов наблюдалась устойчивая тенденция к уменьшению доли нелегальных иммигрантов и увеличению процента албанцев, легально проживавших и работавших в Греции. Начиная с 2009 г. на фоне экономического роста в Албании и нарастания кризисных явлений в греческой экономике происходит быстрое снижение иммиграционного потока из Албании и дальнейшее сокращение доли «нелегалов». Данные греческой полиции за 2011 г. зафиксировали рекордно низкое количество задержаний албанских граждан за незаконный въезд и проживание на территории Греции (см. табл. 1)⁴.

Таблица 1. Число арестов за незаконное пересечение греческой границы

Гражданство	2011	2010	2009	2008	2007	2006
Афганистан	28 528	28 299	17 828	25 577	11 611	5 260
Пакистан	19 975	8 830	4 854	5 512	2 834	3 350
Албания	11 733	50 175	63 563	72 454	66 818	57 466
Бангладеш	5 416	3 264	1 443	1 655	721	1 824
Алжир	5 398	7 336	329	224	84	361

³ Maroukis T. Undocumented Migration. Counting the Uncountable. Data and Trends across Europe. Country report prepared for the research project CLANDESTINO. December 2008. P.4-5. (ec.europa.eu).

⁴ Ελληνική Αστυνομία. Στατιστικά Στοιχεία Παράνομης Μετανάστευσης 2011. (www.astynomia.gr/index.php?option=ozo_content&perform=view&id=5071&Itemid=429&lang=).

Марокко	3 405	1 645	222	143	161	182
Ирак	2 863	4 968	7 662	15 940	12 549	8 157
Сомали	2 238	6 525	7 710	6 713	3 656	2 618
Палестина	2 065	7 561	10 763	4 593	6 135	2 847
Конго	1 855	н.д.	20	12	5	9

Источник: По данным греческой полиции www.astynomia.gr.

Если в 1990-е гг. большая часть иммигрантов прибывала в Грецию из балканских стран и СНГ, то в начале XXI в. на первый план выходит иммиграция из Южной Азии и Ближнего Востока. Главным образом это было связано с присоединением Греции к Шенгенскому соглашению (соответствующий договор, подписанный в 1992 г., но вступил в силу лишь в 2000 г.), которое открыло иммигрантам новые «ворота в Европу». Росту миграционных потоков способствовала также общая дестабилизация обстановки на Ближнем Востоке (война в Афганистане, вторжение США и их союзников в Ирак, «вторая палестинская интифада», «июльская война» в Ливане, «арабская весна» и т.д.). В конце 2000-х гг., после того как правительства Испании и Италии с помощью ряда межправительственных соглашений со странами Африканского континента (Ливия, Сенегал, Мавритания и др.) фактически перекрыли средиземноморские каналы проникновения иммигрантов в ЕС, Греция столкнулась также с наплывом нелегальной рабочей силы из Африки (особенно выделяются Алжир, Марокко и Конго, откуда всего за пять лет приток иммигрантов возрос на порядок).

Основная масса нелегальных иммигрантов из азиатских и африканских стран попадает в Грецию через сухопутную греко-турецкую границу во Фракии, хотя морской путь (через острова Эгейского моря) также активно используется для незаконного проникновения на греческую территорию. Рекордные показатели были зафиксированы в октябре 2010 г., когда всего за один месяц 9,6 тыс. иммигрантов незаконно пересекли греческую границу вдоль реки Эврос (Марица). Во Фракии действуют многочисленные преступные организации, организующие перевозку иммигрантов (стоимость этой услуги составляет около 5 тыс. евро).

Оценивая количество нелегальных иммигрантов из стран Азии и Северной Африки, приходится оперировать статистикой задержаний, произведенных греческой полицией и силами береговой охраны, которые лишь приблизительно отражают число граждан других государств, нелегально прибывших в Грецию. Ситуация осложняется тем, что во избежание депортации многие иммигранты пересекают границу Греции без документов, удостоверяющих личность, и нередко указывают неверную национальность. В частности выходцы из Северо-Восточной Африки (например, эфиопы) представляются гражданами Сомали, зная, что депортация в эту страну в принципе невозможна. Несмотря на невозможность точного статистического учета, на основе имеющихся данных можно констатировать, что около половины из ста тысяч ежегодно прибывающих в Грецию нелегальных иммигрантов — это жители Афганистана и стран Южной Азии, оставшаяся половина — граждане Албании, Ближнего Востока и Северной Африки.

Главная особенность иммиграции из азиатских и африканских стран в сравнении с иммиграцией из Албании и других государств Балканского

полуострова — ее преимущественно транзитный характер. Если албанцы приезжают в Грецию с целью трудоустройства и получения вида на жительство, то иммигранты «новой волны» рассматривают ее как перевалочный пункт на пути следования в более богатые страны Северной Европы. Несмотря на это, значительная часть приезжих из стран Азии и Африки остается в Греции, и в настоящее время иммигранты из данного региона исчисляются сотнями тысяч человек (примерно 100 тыс. по данным на 2008 г. имеют вид на жительство и еще столько же, а возможно и больше, проживают нелегально).

Экономические и социальные последствия иммиграции

Большинство специалистов сходятся во мнении, что взрывной рост иммиграции в начале 1990-х годов в целом позитивно сказался на экономическом росте. Приток дешевой рабочей силы позволил оживить те отрасли греческой экономики, которые в 1980-е годы оказались неконкурентоспособными из-за слишком быстрого роста заработных плат (прежде всего, аграрный сектор). Благодаря иммигрантам Греции как стране с одним из самых низких в Европе уровней рождаемости удалось избежать демографического спада и удержать на плаву пенсионную систему, которая становилась все более затратной из-за быстрого старения коренного населения⁵. Благотворный эффект от иммиграции превосходил такие негативные последствия, как возрастание теневого сектора экономики, замедление роста зарплат низкоквалифицированных работников, отсутствие стимула для технологического развития и оптимизации производства. Однако с течением времени, особенно после начала экономического кризиса, за которым последовало увеличение безработицы, воздействие иммиграции на экономику страны стало расцениваться преимущественно негативно. В условиях массовой безработицы обозначилась возросшая конкуренция за рабочие места между коренным населением и приезжими. Параллельно государство было вынуждено увеличить расходы на проведение иммиграционной политики (охрана границ, строительство центров задержания нелегальных иммигрантов и т.д.).

Среди социальных последствий нелегальной иммиграции наиболее серьезным является рост преступности. В последние два десятилетия наблюдается быстрое расширение деятельности криминальных синдикатов, занимающихся наркоторговлей, контрабандой оружия, вооруженными грабежами. По данным греческой полиции, 65% всех преступлений совершается приезжими. Наиболее сложная криминогенная ситуация сложилась в крупных городах, таких как Салоники, Патры и особенно Афины, где за период с 2007 по 2009 гг. удвоилось число убийств, а количество грабежей увеличилось на 77%⁶.

Иммиграция ведет к изменению культурно-исторического облика греческих городов. Несколько крупных районов Афин (в том числе площадь Омония — исторический центр города) превратились в иммигрантские гетто, в которых почти не осталось коренного греческого населения. Эти районы живут своей обособленной жизнью, для которой характерны массовая безработица, высокий уровень преступности (при этом большая часть преступлений, совершаемая одними

⁵ Hajdinjak M. Don't want to live with them, can't afford to live without them: Albanian labor migration to Greece. Lugano, 2005. (www.imir-bg.org/imir/reports/Albanians_in_Greece.pdf).

⁶ Crime casts long shadow over Athens // Los Angeles Times. 31.05.2011. (latimes.com).

иммигрантами против других, не попадает в полицейскую статистику), преобладание нелегальной торговли⁷, использование вместо греческих законов норм шариата.

В 2010 г. по результатам опроса общественного мнения, на котором задавался вопрос «Как вы считаете, иммиграция приносит пользу или идет во вред Греции?», лишь 19% греков оценивали влияние иммиграции на развитие страны скорее положительно, в то время как 59% ответили, что от нее больше вреда, чем пользы⁸. Недовольство иммигрантами выражается в росте влияния ультраправых политиков, выступающих за проведение жесткой иммиграционной политики. В 2000 г. разрозненные правые и националистические движения объединились в партию «Народный православный сбор», которая всего за десятилетие стала весомой политической силой, представленной в греческом парламенте, а с ноября 2011 г. — и в коалиционном правительстве. Все большую популярность среди жителей крупных греческих городов (в первую очередь, Афин и Салоник) обретает неонацистская партия «Золотая заря», уже одержавшая локальную победу на афинских муниципальных выборах 2010 г. (более 5% голосов), выступив под лозунгом «Сделаем Афины снова греческими». В мае 2011 г. Афины были охвачены волной уличного насилия, спровоцированного убийством 44-летнего Манолиса Кантариса, которое предположительно было совершено иммигрантами.

Иммиграционная политика греческих властей и взаимодействие с ЕС

В начале 1990-х годов Греция оказалась неготовой к приему резко возросшего числа иммигрантов. В течение длительного времени меры, принимаемые правительством, исчерпывались депортациями нелегальных иммигрантов и легализацией проживавших на территории страны албанских граждан, являющихся этническими греками⁹. Первая программа регулирования иммиграции была принята в 1997 г. В соответствии с ней около 370 тыс. иммигрантов получили право временного проживания в Греции (так называемую белую карту). Из них немногим более 210 тыс. человек впоследствии стали обладателями вида на жительство, в то время как оставшиеся 160 тыс. по истечении срока действия белой карты были депортированы или остались в Греции на нелегальном положении. Кроме того, первая программа регулирования иммиграции охватила лишь половину проживавших в Греции иммигрантов. В 2001 г. парламент принял новый закон, упростивший получение постоянного вида на жительство, снизив необходимый срок легального проживания в Греции с 15 до 10 лет (и до двух лет в случае иммиграции с целью воссоединения семьи)¹⁰. Эти и последующие иммиграционные законы

⁷ См.: *Michaletos I.* Organized crime in Greece: statistics, trends and police countermeasures in 2011. www.balkananalysis.com/greece/2011/05/15/organized-crime-in-greece-statistics-trends-and-police-countermeasures-in-2011-2/.

⁸ Οι Έλληνες απέναντι στη Μετανάστευση. Μεταβολές 2008-2010. (www.publicissue.gr/wp-content/uploads/2010/01/immigr-01-2010.pdf).

⁹ В настоящее время албанские греки получают специальные идентификационные карты (EDTO), дающие им все права греческих граждан, за исключением права на участие в парламентских выборах.

¹⁰ Подробнее об иммиграционном законодательстве Греции см.: The European Union Immigration Regime and the Greek Immigration Policy: How Relevant? Paper Prepared for the 3rd Hellenic Observatory PhD Symposium LSE, 14-15 June 2007.

позволили существенно сократить долю нелегальных иммигрантов среди приезжих. В то же время Греция остается одной из самых сложных стран мира для получения гражданства. До недавнего времени обязательным условием для натурализации было греческое происхождение, и лишь в 2010 г. был принят закон, позволявший получать гражданство детям иммигрантов, родившимся в Греции или проучившимся шесть лет в греческой школе¹¹. По данным на 2008 г. 670 тыс. находившихся на территории Греции иностранных граждан проживали в Греции на легальных основаниях.

Дальнейшее осуществление курса на постепенную легализацию иммиграции было поставлено под вопрос на рубеже 2000—2010 гг. Необходимость ужесточения иммиграционной политики была вызвана двумя причинами: увеличением иммиграции из стран Азии и Африки, жители которых наименее приспособлены к интеграции в греческое общество, и экономическим кризисом, следствием которого стало сокращение рабочих мест и невозможность трудоустройства приезжего населения. В настоящее время правительство Греции уделяет основное внимание мерам, направленным на прямое сдерживание миграционных потоков, действуя как самостоятельно, так и в сотрудничестве с институтами Европейского союза.

В январе 2011 г. правительство Греции объявило о намерении построить стену вдоль наиболее уязвимого участка греко-турецкой границы во Фракии – от села Кастаниес до села Неа Висса – общей протяженностью 12 км. Реакция на это решение со стороны Европейского союза вначале была резко отрицательной: официальные представители Еврокомиссии заявили, что «стены и заборы могут возыметь лишь краткосрочный эффект и не могут стать структурным решением проблемы нелегальной иммиграции»¹². Действительно, закрыв стеной небольшой участок 200-километровой границы, Греция вряд ли сможет полностью пресечь приток нелегальных иммигрантов. С большой вероятностью можно спрогнозировать, что миграционные потоки будут перенаправлены на ту часть границы, которая проходит по реке Эврос, а также на острова Эгейского моря. В то же время опыт строительства аналогичных сооружений вокруг испанского города Сеута в Северной Африке и на границе США с Мексикой показал, что в сочетании с другими мерами это способно если не решить полностью, то по крайней мере снизить остроту проблемы нелегальной иммиграции. В случае с Грецией важной дополнительной мерой может стать начавшееся еще в 2009 г. возведение противотанкового рва вдоль реки Эврос общей протяженностью в 120 км, призванного одновременно решить две задачи — защитить греческую границу от возможного нападения со стороны Турции и остановить поток нелегальных иммигрантов¹³. Работы по строительству противотанкового рва шириной в 30 м уже ведутся, однако из-за

(www2.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/3rd_Symposium/PAPERS/ZI_GOURA_VASSILIKI.pdf).

¹¹ Greece's new law on citizenship and voting rights of migrants. Website of Former Ambassador to Greece Rigoberto Tiglao. 19.07.2010. (www.athenspe.net/features/greeces-new-law-on-citizenship-and-voting-rights-of-migrants).

¹² Plans for a wall on Greece's border with Turkey embarrass Brussels // The Guardian. 11.01.2011. (www.guardian.co.uk).

¹³ Η τάφρος που οχυρώνει τη Θράκη // Το Βήμα. 04.08.2011. (www.tovima.gr/politics/article/?aid=413870).

экономического кризиса и высокой стоимости проекта темпы его реализации невысоки: по данным на 2011 г. длина рва составляла всего 14,5 км.

Сотрудничество, осуществляемое между Грецией и ЕС по вопросам нелегальной иммиграции, включает в себя следующие сферы: финансирование программ, направленных на помощь беженцам и улучшение охраны внешних границ (проводится по линии всех четырех инструментов общей для ЕС программы «Солидарность и управление миграционными потоками» — Европейского фонда интеграции граждан третьих стран, Фонда внешних границ, Европейского фонда помощи беженцам и Европейского фонда возвращения), более тесную работу в рамках Европола по выявлению и пресечению совершаемых иммигрантами преступлений, отправку в Грецию команд быстрого реагирования для защиты границы, выстраивание единой политики по иммиграционному вопросу в отношении с Турцией и смягчение принятых в рамках Евросоюза регламентов, препятствующих более равномерному распределению миграционных потоков по отдельным странам.

Греция является одним из главных получателей помощи Фонда внешних границ (119 млн евро за период с 2007 по 2011 гг., или 13,7% всех средств, направляемых в страны ЕС) и Европейского фонда возвращения (52 млн евро, или 16,9% бюджета организации за аналогичный период)¹⁴. С началом финансового кризиса резко возросли экстренные ассигнования в пользу Греции со стороны Европейского фонда помощи беженцам (2,2 млн в 2008 г., 4,9 млн в 2009 г. и 9,8 млн евро в 2010 г.). Еще одной серьезной мерой по улучшению иммиграционной ситуации в Греции стало развертывание на границе с Турцией отрядов RABIT¹⁵, осуществленное по просьбе греческого правительства осенью 2010 г. Первоначально на греко-турецкую границу было направлено 175 специалистов по пограничному контролю сроком на два месяца, однако впоследствии пребывание подразделений Frontex в Греции неоднократно продлевалось. Помимо сдерживания миграционного потока на силы Frontex возложена задача по сбору и учету данных о прибывших в страну иммигрантах, которые впоследствии передаются в Европол. На основе этих сведений, а также данных, предоставляемых греческими властями, полицейская служба ЕС помогает выявлять преступные сети, занимающиеся перевозкой нелегальных иммигрантов на территорию Греции¹⁶. Участие Frontex в охране греческих границ вызывает резкую критику правозащитных организаций, которые обвиняют сотрудников миссии в том, что они передают задержанных в греческие депортационные тюрьмы¹⁷, где грубо нарушаются права человека¹⁸. В

¹⁴ Frontex and the RABIT operation at the Greek-Turkish border. Press release EU. MEMO/11/130. 02.03.2011. (europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/11/130).

¹⁵ Rapid Border Intervention Teams — пограничные команды быстрого реагирования Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах Евросоюза (Frontex).

¹⁶ Written evidence submitted by Europol. UK Parliament Website. June 2011. (www.publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmhaff/789/789we12.htm).

¹⁷ По греческим законам незаконное пересечение границы является уголовным преступлением.

¹⁸ Наибольший резонанс вызвал доклад Human Rights Watch под характерным названием «Грязные руки ЕС». The EU's Dirty Hands. Frontex Involvement in Ill-Treatment of Migrant Detainees in Greece. Human Rights Watch, 2011. (www.hrw.org).

марте 2012 г. между правительством Греции и ЕС начались переговоры о строительстве 30 новых центров задержания, которые обойдутся фондам Евросоюза в 250 млн евро¹⁹.

Иммиграционная ситуация в Греции осложняется тем, что в странах ЕС продолжает действовать принятый в 2003 г. регламент «Дублин II», в соответствии с которым иммигранты могут просить убежище исключительно в той стране, через которую был осуществлен въезд в Европейский союз. Это означает, что, попав в ЕС через Грецию, они должны обращаться за убежищем исключительно к греческим властям. Более того, власти других стран, подписавших «Дублин II», имеют право депортировать иммигрантов обратно в Грецию как в первую страну въезда в ЕС. Очевидно, что строгое следование регламенту приводит к повышенной концентрации беженцев в одной стране, а перечисленные выше механизмы финансовой помощи странам — реципиентам нелегальной рабочей силы, как отмечают многие эксперты, «на практике оказываются недостаточными, чтобы реагировать на такую массовую концентрацию беженцев, как в Греции»²⁰. В связи с этим в 2009—2010 гг. многие страны ЕС, включая Германию, Францию, Финляндию, Данию, Бельгию и др.²¹, в одностороннем порядке ввели мораторий на действие регламента. Формальным основанием для этого стали многочисленные случаи нарушения прав человека в греческих депортационных тюрьмах, но фактически данная мера была уступкой стран ЕС в отношении Греции, не имеющей экономических возможностей для самостоятельного противодействия нелегальной иммиграции.

Несмотря на попытки ЕС снизить количество случаев незаконного пересечения греко-турецкой границы, принимаемые в настоящее время меры могут лишь временно сгладить ситуацию, но не решить проблему. Настоящим прорывом в иммиграционной политике могло бы стать более активное сотрудничество с Турцией, через которую осуществляется транзит большей части попадающих в Грецию нелегальных иммигрантов, аналогичное тому, которое Италия и Испания осуществляют со странами Северной Африки. Несмотря на то что еще в 2001 г. между Грецией и Турцией было заключено соглашение о реадмиссии, на деле Турция отказывается принимать обратно большую часть иммигрантов, попавших в Грецию через ее территорию. Греция и другие страны ЕС требуют от Анкары реального выполнения упомянутого договора и усиления охраны границы с Грецией, однако Турция не спешит выполнять эти требования, так как, во-первых, затруднив иммигрантам доступ на территорию ЕС, она сама станет крупным реципиентом нелегальной рабочей силы, во-вторых, турецкое правительство готово пойти на уступки по противодействию нелегальной иммиграции только в обмен на ответные

¹⁹ Греция построит центры содержания нелегальных мигрантов // РиаНовости. 26.06.2012. (www.ria.ru).

²⁰ *Cramer-Hadjidimos K.* Eine griechische Tragödie // *Internationale Politik*. 2011. Н. 1. S. 62-67. (www.germania-online.ru/publikacii/ip/ip-detail/datum/2011/03/01/grecheskaja-tragedija.html).

²¹ См. сайт W2eu.info - welcome to europe. Independent information for refugees and migrants coming to Europe. (www.w2eu.info/dublin2.en.html).

уступки со стороны ЕС (например, упрощение визового режима для турецких граждан²²).

Очевидно, что соответствующие переговоры могут растянуться на годы (если не десятилетия), и в ближайшем будущем Греция будет вынуждена пользоваться прежним арсеналом мер по сдерживанию миграционных потоков, который показал недостаточную эффективность. В условиях экономической неопределенности и увеличения процента иммигрантов среди населения будет также возрастать социальная напряженность внутри Греции, что негативно скажется на ее дальнейшем развитии.

²² Turkey Considers Cooperation with Greece on Illegal Immigration to Europe // Eurasia Daily Monitor. 2010. Vol. 7, N194. (www.unhcr.org/refworld/country,,THE_JF,,GRC,,4cc933742,0.html).

Социальные и гуманитарные факторы мировой политики

Войтоловский Ф.Г. *

Проблемы легитимации внешнего вмешательства в гражданские силовые конфликты

1. Международное вмешательство и государственный суверенитет

В современном мироустройстве новое содержание приобретает вопрос о принципах и средствах международного регулирования военно-политических конфликтов, в том числе о применении силы для этих целей. Это касается не только межгосударственных войн, но и ставшей еще более чувствительной проблемы международного вмешательства во внутригосударственные силовые столкновения и гражданские войны. Если для регулирования межгосударственных конфликтов существует, при всех ее недостатках и трудностях использования, система принятия решений в Совете безопасности ООН, а также закрепленные в Уставе ООН режимы регулирования международных кризисов и устоявшаяся практика миротворчества, то с военно-политическим вмешательством во внутригосударственные гражданские конфликты, ситуация обстоит намного сложнее. Здесь нет таких четких международно-правовых норм, еще не сформировались легитимные в политическом и правовом отношении механизмы и режимы силового вмешательства. Как правило, вопрос о вмешательстве инициируется его сторонниками, когда, наряду с представителями воюющих сторон, гибнут нонкомбатанты. Вопрос о международном вмешательстве во внутригосударственные конфликты уже превратился в предмет ожесточенных дебатов и столкновений субъективных интересов и позиций. Особенно напряженными эти дискуссии стали в 2013 г. в связи с политико-дипломатическим спором ведущих держав по поводу военной интервенции в Сирию.

В случае с межгосударственными конфликтами и ситуациями, угрожающими международному миру и безопасности, существует развитая международно-правовая и институциональная основа для легитимации коллективного силового вмешательства – Глава VII Устава ООН²³, а также механизм принятия и применения резолюций СБ ООН. В биполярном мире большинство международных военных операций по вмешательству во внутригосударственные конфликты и кризисы проводилось на этой политико-правовой базе. Однако значительно хуже проработаны принципы и механизмы международного согласования и осуществления коллективных силовых действий в таких ситуациях, когда прямой угрозы международному миру нет. Особенно противоречивы в этом отношении действия по ограничению государственного суверенитета и вмешательству в тех случаях, когда целью проведения

* Войтоловский Федор Генрихович – кандидат политических наук, заведующий Сектором внешней и внутренней политики США ЦСАИ ИМЭМО РАН

²³ В статье 51 Устава ООН говорится о «неотъемлемом праве на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». См.: Устав Организации объединенных наций. Глав VII. Статья 51. (www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml)

международных операций объявляется обеспечение безопасности мирных граждан. Международно-правовые нормы и политические принципы для таких случаев находятся в рудиментарном состоянии – международное гуманитарное право складывается из различных фрагментов и имплицитно содержит в себе немало противоречий.²⁴ Если в такой сфере как соблюдение прав человека есть некоторый прогресс, то в определении критериев и механизмов их несоблюдения существуют обширные «серые зоны». Несмотря на это практика международного вмешательства в гражданские силовые конфликты продолжает расширяться. Новое политическое содержание эти проблемы приобрели после окончания «холодной войны», когда трансформация международно-политической системы привела к изменению функций ООН и реорганизации международных режимов, выстроенных в контексте советско-американского противоборства.²⁵

Текущий конфликт в Сирии, а также ряд предшествовавших в большей или меньшей степени схожих ситуаций 1990-х – 2010-х гг., когда возникала возможность внешнего вмешательства во внутригосударственные дела, придают этой проблеме характер триггера для устойчивости всей системы международных отношений. Стабильное размежевание позиций постоянных членов СБ ООН по вопросу о силовом вмешательстве во внутригосударственные кризисы остается одним из ключевых противоречий развития современного политического миропорядка. Отсутствие хотя бы даже частичного согласия по этому вопросу между государствами, которым принадлежит решающее слово в вопросах международной безопасности, в каждом отдельном случае и в целом создает предпосылки для перманентного кризиса системы глобальных институтов поддержания мира, а также тормозит развитие норм международного права в сфере безопасности. Особую роль в этой ситуации играют США, претендующие на роль глобального лидера не только в экономической, научно-технологической и военной сферах, в которых она обусловлена объективными факторами, но и в области регулирования международно-политической системы. Здесь претензии каждой республиканской и демократической администрации на выполнение таких функций постоянно приходят в диссонанс с позициями и интересами других ведущих держав, в том числе союзников США. Противоречия возникают не только в связи с несогласием ряда субъектов мировой политики с ролью, возложенной на себя Вашингтоном, но и с тем, что он зачастую пользуется для легитимации своих действий не столько существующими всеобщими международно-правовыми нормами и политическими принципами, сколько внутренними американскими источниками ценностного и политико-правового обоснования действий. Решения исполнительной и законодательной власти США имеют для американского поведения на международной арене приоритетное значение. Одновременно США при большей или меньшей поддержке союзников ведут поиск дополнительных механизмов и принципов легитимации своих действий.

Выход на первый план мировой политики проблемы вмешательства во внутренние конфликты имеет объективную основу, связанную с тенденциями развития

²⁴ *Иванов Д.В., Колесникова А.В.* Актуальные вопросы соблюдения государствами международных стандартов в области прав человека // Московский журнал международного права. 2012. № 4. С.3–20.

²⁵ См.: *Кременюк В.А.* Управление и управляемость в мировой политике // Международные процессы. 2004. Том 2. № 3 (6).

мировой экономики и международных отношений, которая, однако, может иметь различные субъективные политические следствия. Растущая глобальная политико-экономическая взаимозависимость повышает актуальность международного контроля над тем, насколько государства способны обеспечивать безопасность населения своих стран, сдерживать и разрешать внутренние социальные, этнические, религиозные конфликты. Многие военно-политические кризисы последних лет возникали как внутригосударственные, но затем интернационализировались. Они приобретали трансграничный характер, влияли на безопасность соседних стран, в них включались внешние и транснациональные субъекты и силы – от армий и спецслужб других государств до сетевых структур международных террористических организаций и частных военных компаний. Конфликты внутри стран все чаще становятся источником транснациональных угроз, таких как международный терроризм, пиратство, потоки беженцев. Именно рост взаимозависимости придал на международном уровне такую значимость вопросу о том, как действовать, в случае если государство неспособно или правящий режим становится одной из сторон конфликта. Внутренние по природе угрозы под влиянием взаимозависимости потенцируются и становятся фактором, способным дестабилизировать целые регионы. Развитие процессов глобализации создает предпосылки для того, чтобы на международном уровне формировались компенсирующие механизмы, которые могли бы включаться там и тогда, где государство не справляется с решением задач внутренней безопасности и/или силы, противостоящие ему, оказываются мощнее, чем государственный аппарат. Но таких механизмов нет, как и признанных всеми ответственными участниками международных отношений, процедур их формирования и возможного применения. Более того, как показывают противоречия вокруг конфликта в Сирии, возможности для выстраивания таких механизмов, признанных большинством участников международного сообщества, или хотя бы всем постоянными членами СБ ООН, пока даже не просматриваются.

В этом контексте, в связи с проблемой международного вмешательства возникает вопрос, который со времен распада колониальной системы был одним из самых острых для выработки принципов организации системы международных отношений. Как обеспечить на международном уровне правовые процедуры согласования и легитимации ограничения государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела государств, если при этом есть угроза гибели значительного количества нонкомбатантов, но при этом не допустить, чтобы внутренние конфликты, подчас вызванные внешними игроками, превращались в повод для расправы с государствами и режимами, которые не соответствуют определенным политико-идеологическим стандартам? Здесь продолжают существовать значительные лакуны международно-правовых режимов, а там, где существует подобная неопределенность, возникают условия для решений *ad hoc* и волюнтаризма.

Практику коллективного вмешательства принято называть «гуманитарной интервенцией», хотя не все государства готовы поддерживать и использовать эту терминологию. Как правило, под этим понимается международная военно-силовая акция, нацеленная на пресечение насильственных действий со стороны правящего в той или иной стране режима или господствующего социально-политического сообщества в отношении мирного гражданского населения в целом или каких-либо его социальных, этнических, религиозных и идеологических групп. Гуманитарные интер-

венции проводятся с целью примирения сторон или ограничения дееспособности таких режимов и групп, вплоть до их полной ликвидации. Зачастую обоснование «гуманитарных интервенций» опирается не на принципы международного права и решения СБ ООН. Собственно этим термином все чаще называют очень разные по характеру международные акции, что еще больше размывает политическое поле для отработки самого принципа международного вмешательства и зачастую способствует не разрешению кризисов, а формированию условий для их эскалации.

2. Легитимация силового вмешательства в политике США и их союзников

На протяжении последних 20 лет ключевую политическую и военную роль в осуществлении «гуманитарных интервенций» играют США и их союзники, действующие при опоре на коллективные, но не всеобщие институты безопасности или «коалиции желающих». В ряде случаев инициированные США и их союзниками «гуманитарные интервенции» проводились по мандату СБ ООН и не выходили за его пределы, были действительно нацелены на защиту жизни мирного населения (Сомали, Гаити). Есть и другие примеры проведения «гуманитарных интервенций» при полном соблюдении международных правовых норм и принципов политической легитимации, такие как военно-полицейская операция ЕС в Чаде или Африканского союза совместно с ООН в Дарфуре, действия Австралии и сил ООН в Восточном Тиморе.

Однако накопился и целый ряд примеров совсем других моделей проведения военного вмешательства США и их союзников в конфликты в других государствах – с существенными нарушениями решений СБ и Устава ООН, без учета интересов и позиций других его членов. По такой модели развивалось вмешательство НАТО в косовский кризис в бывшей Югославии и в ситуацию в Ливии. Эти интервенции проводились на основе искажающих интерпретаций резолюций СБ ООН, не подразумевающих военных операций, предполагающих лишь ограниченные меры воздействия – санкции, воздушную или морскую блокаду, эмбарго на поставки вооружений, создание буферных зон между сторонами конфликта. Интервенция США и союзников в Ирак имела иную природу и проводилась под лозунгами обеспечения «международного мира», борьбы с международным терроризмом и ликвидации иракского ОМУ. Однако и здесь военная операция не была основана на резолюции СБ ООН.²⁶

В ходе политической подготовки «гуманитарных интервенций» в Югославию и в Ливию США и их союзниками широко применялись неформальные средства политической легитимации военных акций. Для этого интервенты опирались на позиции международных контактных групп, созданных вне решений СБ ООН, на заявления Генсека ООН, который является не более чем администратором и представителем ООН, но не имеет полномочий принимать какие-либо решения в сфере международной безопасности, использовались также оценки, высказываемые неправительственными организациями. При этом США и их союзники могли апеллировать также к резолюциям ГА ООН, которая остается совещательным органом, и поэтому принятые ею документы не могут служить источником международно-правовых норм. Решения СБ ООН в обоих случаях подменялись и дополнялись позициями региональных структур, к числу которых США и их союзники готовы были относить не только

²⁶ См.: Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов / Отв. ред. Богатуров А.Д. М., 2013. С. 99–156.

Африканский союз (в случае с Ливией) но и НАТО, произвольно расширяя тем самым ее функции на не входящие в нее государства. Как в случае с Югославией, так и с Ливией, государства-интервенты однозначно принимали в конфликте сторону одной из сил, преследовали цели смены режима (в Ливии), отделения и суверенизации районов компактного проживания этнических и религиозно-культурных групп, при вытеснении из них других общностей (случай Косово).

Позиции сторонников активного интервенционизма, оправданного благими целями защиты меньшинств и политической оппозиции в странах с авторитарными режимами, очень сильны в США, а также в Великобритании и Франции. Это однозначно показала подготовка и реализация операции в Ливии, в которой США приняли ограниченное участие, переложив основную политическую и военную нагрузку на Великобританию и Францию. Здесь НАТО расширительно воспользовалась наличием двух недостаточно четких по формулировкам резолюций СБ ООН (№1970 и 1973)²⁷ для проведения военно-воздушной операции и наземной ограниченной спецоперации, значительно выходящих за пределы мандата. Великобритания и Франция еще на стадии политико-дипломатической подготовки операции проявили большое рвение. Вместе с США и Португалией они поддержали резолюцию №1973 СБ ООН, в отличие от ФРГ, которая воздержалась при голосовании вместе с Россией, КНР, Индией и Бразилией. Затем они взяли на себя лидирующую роль при планировании и проведении операции в рамках структур НАТО и внесли решающий вклад в ведение боевых действий.²⁸ Кроме искаженно интерпретированной резолюции СБ ООН, Альянс опирался на сотрудничество с Контактной группой по Ливии, которая не была легитимным органом для урегулирования кризиса и не обладала соответствующими полномочиями.²⁹ Был создан еще один прецедент использования решений СБ ООН в качестве опоры для действий НАТО по вмешательству в кризисные ситуации.

У политики либерально-глобалистского интервенционизма, нацеленной на смену режимов под эгидой защиты гражданского населения, много сторонников в экспертном и политическом сообществе США и стран НАТО. В 1990-е – 2010-е гг. в американской и трансатлантической элите сформировались группы интересов, которые стремятся выстроить альтернативные всеобщим международно-правовым и институциональным механизмам принципы осуществления силового вмешательства во внутригосударственные кризисы и конфликты. Они рассчитывают на то, чтобы, создавая серии политических «прецедентов» применения внеправовых неформальных инструментов, наряду с решениями СБ ООН или вместо них, со временем видоизменить всю систему принятия решений по вопросам международной безопасности, прецедентно закрепив за США и НАТО функции вмешательства. Сторонники

²⁷ Резолюция №1970 СБ ООН, принятая на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 г. S/RES/1970 (2011). (daccess-ods.un.org/TMP/8703118.56269836.html); Резолюция №1973 СБ ООН, принятая на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. S/RES/1973 (2011). (daccess-ods.un.org/TMP/533999.986946583.html)

²⁸ Журкин В.В. Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза. М., 2012. С.174-176.

²⁹ Libya Contact Group: Chair's Statement. Statement by Foreign Secretary William Hague following the Libya Contact Group meeting in Doha. 2011, April 13. (<http://www.fco.gov.uk/en/news/latest-news/?view=News&id=583592582>)

подобных идей полагают, что «право вето» других постоянных членов СБ ООН налагает на свободу действий США и их союзников слишком большие ограничения.

Однако, если в период правления администраций У. Клинтона и Дж. Буша-мл. США были готовы действовать в обход системы ООН, то администрация Б. Обамы выбрала иной подход – она стала опираться на возможность ее мягкого переформатирования. В принятой в 2010 г. новой «Стратегической концепции НАТО» взаимодействию с ООН по вопросам безопасности, включая проведение силовых операций, придается большое значение. Однако в документе говорится о том, что любые нестабильность или конфликт за пределами границ Альянса могут напрямую угрожать его безопасности. При этом не разъясняется, на предотвращение какой нестабильности могут быть направлены силовые меры – на международном или внутригосударственном уровне. Лишь выражается готовность к участию в предотвращении кризисов и управлении ими, стабилизации посткризисной ситуации и политическом переустройстве. Тем самым закладывается политико-идеологическая основа для регулярного применения экспедиционных операций НАТО с целью «гуманитарных интервенций» за пределами традиционной «зоны ответственности». Речь идет о заявлении прав на вмешательство во внутренние дела других государств, в случаях, если нестабильность в них рассматривается НАТО как угроза. В таком ключе НАТО расширительно воспользовалась недостаточно четкими формулировками резолюций СБ ООН (№№ 1970 и 1973) для проведения прямого вмешательства в противостояние правительства Ливии и повстанцев. Действия НАТО опирались на сотрудничество с так называемой «Контактной группой по Ливии», которая не являлась органом, созданным по решению СБ ООН, и не обладала соответствующими полномочиями. Подобный подход является прямым нарушением не только норм международного права, регламентирующих принятие решений о миротворческих действиях, но и статьи 51 Устава ООН, на основании которой заключен сам Североатлантический договор.

Далеко не все американские и западные политики и эксперты являются сторонниками проведения «гуманитарных интервенций» без мандата СБ ООН. Но зачастую голоса экспертов, критикующих превращение «гуманитарных интервенций» в инструмент «смены режимов», оказываются неслышны за хором лоббистов подобных подходов. Администрация Б. Обамы в первые годы своей работы занимала достаточно гибкую позицию по вопросу о легитимации вмешательства – это было обусловлено внутривнутриполитическим и финансово-экономическим причинам, а также приверженностью самого президента США и его сторонников принципам либерально-институционалистского мультилатерализма. Для Б. Обамы и Дж. Керри решение СБ ООН – гораздо более значимый источник легитимности действий, чем оно было для администрации Дж. Буша-мл. Именно поэтому вмешательство в ситуацию в Сирии обосновывалось не столько задачами защиты гражданского населения и смены режима, сколько призывами к международному сообществу ответить на применение химического оружия. Ведь ОМУ может рассматриваться как потенциальный источник угрозы международному миру, а вопрос о его применении выносится на обсуждение в СБ ООН. Однако риторика, связанная с иным обоснованием вмешательства, также

находилась в активе Вашингтона, в частности использовалась представителем США в ООН, а затем советником президента по национальной безопасности С. Райс.³⁰

3. Что стоит за концепцией «ответственности за защиту»?

Политико-дипломатические баталии по поводу проблемы силового вмешательства сопровождаются активным идеологическим поиском, который ведут сторонники «гуманитарных интервенций» с целью выработки более четких концептуальных обоснований этой практики. Уже более 10 лет многими политиками, экспертами и неправительственными организациями из стран НАТО в качестве идеологической основы для проведения «гуманитарных интервенций» рассматривается концепция «ответственности за защиту» и ее модификации. В соответствии с ее принципами государственный суверенитет может быть ограничен, а любая страна подвергнута интервенции в случаях, если правящий в ней режим не справляется с задачами обеспечения безопасности населения и соблюдения прав человека. В список оснований для осуществления интервенции попали геноцид, преступления против человечности, военные преступления и этнические чистки, которые зачастую ставятся в один ряд с нарушениями совсем иного рода, например, прав и свобод этнических, культурных и идеологических меньшинств. При такой трактовке реальные угрозы безопасности населения зачастую уходят на второй план, а между ними и проблемами прав человека ставится знак равенства. Многие сторонники «ответственности за защиту» считают, что часть «международного сообщества», соблюдающая либеральные политико-идеологические принципы, обладает правом на репрессивные меры в отношении любого государства, нарушающего эти принципы.

Концепция «ответственности за защиту» сформулирована размещенной в Канаде неофициальной «Международной комиссией по вопросам интервенции и государственного суверенитета», являющейся всего лишь неправительственной организацией.³¹ Пропаганду этих идей развернул ряд неправительственных организаций, деятельность которых связана с защитой прав человека, в том числе специально созданное объединение «Международная коалиция за применение принципов ответственности за защиту» со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В него с 2009 по 2013 гг. вошло более 40 неправительственных организаций из стран НАТО.³² Эти идеи оказались воспроизведены в ряде внешнеполитических документов США, ЕС и Канады, а также в заявлениях комиссий и Генерального секретаря ООН. Тем самым они приобретают полуофициальный статус, хотя и абсолютно *нелегитимный* в международном политико-правовом отношении. Подчас идеологи «ответственности за защиту» готовы идти на откровенный подлог, выдавая ее за официальную позицию ООН. Для этого используют отсылку к Итоговой декларации Всемирного саммита ООН

³⁰ Remarks by Ambassador Susan E. Rice, Permanent Representative of the United States to the United Nations, at the Security Council Stakeout. May 30, 2012. (<http://usun.state.gov/briefing/statements/191400.htm>).

³¹ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. (www.iciss.ca/menu-en.asp).

³² International Coalition for the Responsibility to Protect. Current Members. (responsibilitytoprotect.org/index.php/about-coalition/current-members).

2005 г., в котором зафиксированы некоторые из принципов концепции.³³ Но этот документ не является международным соглашением – он всего лишь декларация. Еще меньшее значение с международно-правовой точки зрения имеет доклад генсека ООН Пан Ги Муна «Применение принципов ответственности за защиту», представленный Генеральной Ассамблее ООН в 2009 г.³⁴

Сторонниками принципов «ответственности за защиту» прилагаются усилия для ее внедрения в позиции развивающихся стран и их объединений. Официально эти принципы зафиксированы в качестве основания для интервенции в статье 4 Учредительного акта Африканского Союза. Благодаря этому документу, который подписывал и ливийский лидер М. Каддафи, они послужили одним из оснований для операции в Ливии.

По форме концепция «ответственности за защиту» применяется как идеологическое обоснование политико-силовых действий в отношении отдельных стран. По сути, она направлена на трансформацию базовых основ организации всего политического мироустройства. То есть, по согласию групп государств, разделяющих эту концепцию, суверенитет других государств может быть ограничен, если действия их режимов не соответствуют определенным политико-этическим критериям. Нормы международного права и резолюции СБ ООН при этом рассматриваются сторонниками концепции как вторичные инструменты обоснования «гуманитарных интервенций». Судя по тому, какую заинтересованность в концепции «ответственности за защиту» проявляет часть трансатлантического истеблишмента, эти идеи в ближайшие годы будут оказывать возрастающее воздействие на политико-идеологическую подготовку и легитимацию военных операций. Будут шириться попытки внедрить их в межгосударственные соглашения или подменить ими нормы международного права.

В сложившейся ситуации нарастает потребность коллективного поиска путей сохранения практики проведения «гуманитарных интервенций» в поле международного права и решений СБ ООН. Написанный почти 70 лет назад Устав ООН не предлагает универсальные средства решения этой задачи. Но цель сохранения его как фундамента международного права и основы действий исполнительного органа ООН является приоритетной для всех ответственных государств. Решением этой дилеммы могла бы стать выработка всеобщего международного соглашения, дополняющего Устав ООН в этом вопросе. Такая конвенция могла бы дать фиксированную и детально проработанную политико-правовую регламентацию оснований, критериев, принципов, процедур и механизмов осуществления международного вмешательства во внутригосударственные конфликты в тех исключительных случаях, когда их последствия могут принимать форму гуманитарной катастрофы.

Такое соглашение не может быть выработано быстро. Это процесс может занять многие годы. Однако актуальность его достижения будет лишь возрастать. Попытки подорвать всю архитектуру международного права и институтов регулирования международных отношений в сфере безопасности со стороны «самонадеянных сил» будут множиться. Наличие конвенции ООН по этому вопросу создало бы надежный заслон от любого волюнтаризма при проведении «гуманитарных интервен-

³³ 2005 World Summit Outcome. Resolution adopted by the General Assembly. 24 October 2005. A/RES/60/1. (<http://ru.unrol.org/doc.aspx?n=2005+World+Summit+Outcome.pdf>).

³⁴ Implementing the responsibility to protect. Report of the Secretary-General. 2009. 12 January. A/63/677 (<http://ru.unrol.org/doc.aspx?d=2982>).

ций» в обход СБ ООН. Заключение конвенции укрепило бы статус и полномочия СБ ООН – позволило бы зафиксировать алгоритмы его действий в случаях когда угроза международной безопасности связана внутригосударственными гражданскими конфликтам. Это позволило бы защитить резолюции СБ ООН от расширительных интерпретаций со стороны заинтересованных государств, а также спасло бы использование «право вето» постоянных членов СБ от девальвации. Россия обладает значительными возможностями для выдвижения такой инициативы и вполне может рассчитывать на ее широкую международную поддержку. Первым шагом на этом направлении мог бы стать призыв к созыву конференции ООН для обсуждения предложений по выработке подобного соглашения.

Гуманитарные аспекты внешней политики Канады

1. Подходы

Участие в решении международных гуманитарных проблем и гуманитарная деятельность занимают одно из ключевых мест в системе внешнеполитических приоритетов Канады. Такой подход формируется под влиянием многих факторов. В современном мире решение гуманитарных проблем, касающихся человеческого существования, начиная от отдельной личности и заканчивая нациями, приобретает особую актуальность. Под гуманитарными проблемами понимаются процессы и явления, затрагивающие принципы обеспечения человеческого существования и благополучия, возникающие в условиях нестабильной политической и экономической ситуации, в условиях конфликтов, чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.

Интерес к решению данных проблем обусловлен рядом причин. Во-первых, высоким уровнем взаимозависимости глобализирующегося мира, когда последствия катастроф и конфликтов в развивающихся, нестабильных и несостоявшихся государствах ощущаются далеко за их пределами. Во-вторых, смещением акцентов с военных на невоенные угрозы безопасности, которые исходят от несостоявшихся и нестабильных государств (потоки беженцев, торговля наркотиками, распространение оружия массового уничтожения). В-третьих, важную роль играет изменение характера самих конфликтов, возникающих в основном не на межгосударственном, как в прошлом, а на внутригосударственном уровне, причины таких конфликтов также можно отнести к гуманитарным. В-четвертых, в настоящее время отмечается общая гуманизация международного права, утверждение в современном мире прав и свобод человека в качестве высшей ценности.

В годы «холодной войны» Канада была одной из активных участниц разработки подходов к решению проблем в гуманитарной сфере по линии НАТО. На современном этапе, когда Канада, подобно многим другим членам Альянса находится в состоянии поиска новой роли в мире, политические круги Канады вновь проявляют растущий интерес к гуманитарной проблематике. Тема приобретает особую важность в свете опыта участия Канады в операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Гуманитарные аспекты политики Канады обсуждались среди экспертов на фоне участия Канады в операции в Ливии в 2011 г. Интерес Канады к развитию и реализации гуманитарного направления в качестве ключевого обусловлен рядом особенностей формирования ее внешней политики³⁵. Первый фактор – географическое положение и близость к США. Стабильные, развивающиеся в позитивном русле отношения с США во всех сферах составляют

* *Евтихевич Наталья Сергеевна* – кандидат политических наук, программный менеджер Российского совета по международным делам.

³⁵ *Молочков С.Ф.* Внешняя политика Канады: факторы, особенности, проблемы // Канада – 2000. Очерки канадской современности. Под ред. В.И. Соколова. М., 2001.; *Молочков С.Ф.* Основные направления и особенности внешней политики Канады // Канада: взгляд из России. Экономика, политика, культура. Отв. ред. В.И. Соколов. М., 2002. С. 158-170; *Молочков С.Ф.* Внешняя политика Канады: факторы, особенности, проблемы // США и Канада: ЭПК. 2000. № 10.

важнейший национальный интерес Канады. США – крупнейший торгово-экономический партнер, политический и военный союзник Канады, с которым ее связывает членство в НАТО и множество двусторонних соглашений.

Активное участие Канады в решении международных гуманитарных проблем преимущественно несиловыми методами – важное отличие Канады от США, которое канадский истеблишмент стремится подчеркивать на политико-идеологическом уровне. Полиэтнический состав населения и особые отношения двух крупнейших этнических групп, англо-канадцев и франко-канадцев, вторая особенность, под влиянием которых формируется внешняя политика страны. Политологи У. Кимлика и Р. Гвайн пишут, что основой социального единения в многонациональных государствах выступают ценности и идеалы, разделяемые всеми членами общества³⁶. Это утверждение в полной мере относится к Канаде. Акцент на гуманитарном направлении внешней политики способствовал сохранению единства ценностных установок нации.

К другим факторам, объясняющим интерес канадской элиты к развитию гуманитарного направления внешней политики, относятся: высокий уровень толерантности канадцев, приверженность принципам мультикультурализма, отсутствие колониальных и милитаристских традиций, предпочтение, отдаваемое политическим методам разрешения конфликтов. Участие в решении международных гуманитарных проблем отвечает идеологической ориентации Канады на обеспечение мира и безопасности в разных частях мира. Такая деятельность соответствует национальным ценностным ориентирам, которым уделяется особое внимание при формировании внешнеполитической стратегии и которые пользуются поддержкой канадского населения. В число национальных ценностей входят: неприятие силовых способов решения проблем, уважение принципов демократии и прав человека, терпимость к многообразию, гендерное равенство, вовлеченность гражданского общества в политический процесс, социальная справедливость, забота о сохранении окружающей среды.

Содержание внешнеполитических доктрин правительств трех премьер-министров, находившихся у власти в период с 1993 до 2012 гг., подтверждает, что участие в решении международных гуманитарных проблем рассматривается канадским руководством как стратегическое направление политики. Успех в этой области способствует повышению авторитета страны в мире. Правительства Ж. Кретьена, П. Мартина, С. Харпера разрабатывали концепции и подходы, повышающие эффективность политики в гуманитарной области, в которых просматривается определенная преемственность. Вместе с тем каждое правительство вносило в указанную деятельность свое видение и коррективы. Под руководством Л. Эксуорзи, министра иностранных дел либерального правительства Ж. Кретьена, была разработана концепция безопасности личности, в центре которой лежат идеи защиты гражданского населения от насилия и угроз, возникающих в ходе вооруженных конфликтов, а также принципы так называемого «гуманитарного права». Итоговый вариант концепции изложен в программном документе 2000 г.

³⁶ *Kymlicka W. Marketing Canadian Pluralism in the International Arena // International Journal. 2004. Vol. 59, No 4. P.829-852.; Gwyn R. Nationalism Without Walls: the Unbearable Lightness of Being Canadian. Toronto, 1996.*

«Свобода от страха. Канадская внешняя политика за безопасность личности»³⁷. Хотя официально данная концепция была снята с повестки дня практически одновременно с уходом Л. Эксуорзи с поста министра иностранных дел, многие ее положения продолжают развиваться в официальных внешнеполитических документах последующих правительств Канады.

Существенная часть «Программного заявления по международной политике Канады: влиятельная роль в мире, вызывающая чувство гордости», выпущенного в 2005 г.³⁸ правительством П. Мартина, была также посвящена урегулированию сложных конфликтных и постконфликтных ситуаций в нестабильных и несостоявшихся государствах. Для их урегулирования был разработан подход «3D» – «развитие, дипломатия, оборона» (development, diplomacy, defense), предполагавший консолидацию международных усилий в области дипломатии, гуманитарной помощи, обеспечения обороны и безопасности. Он основывался на тесной координации деятельности трех министерств – Министерства иностранных дел, Министерства обороны и Канадского агентства международного развития. Канадские идеологи гуманитарной политики опираются в своих построениях на представления о взаимосвязи и взаимозависимости между обеспечением безопасности, построением системы управления и моделью развития. Такая взаимосвязь означает, что иностранное вмешательство должно оказывать влияние на все факторы развития кризиса одновременно.

Консерваторы во главе со С. Харпером в целом сохранили суть политики своих предшественников в отношении нестабильных и «несостоявшихся» государств. В целом, консерваторы продолжили развивать подход «3D». Однако название подхода было заменено на «комплексный правительственный подход», в котором по-иному расставлялись акценты. В частности, основной упор делался на военной составляющей гуманитарной политики.

Особая трудность построения устойчивой модели проведения гуманитарных операций, с которой столкнулось правительство Канады, как стало ясно из опыта войны в Афганистане, заключается в том, что усилия по построению мира предпринимаются на фоне боевых действий, а не в условиях постконфликтного урегулирования. Однако именно в этом заключается особенность канадского подхода – начинать действовать до того, как в стране, которая подвергается иностранному вмешательству, достигнут мир. Опыт участия в гуманитарных операциях ООН и НАТО дает основания правящим кругам Канады использовать национальные подходы в этой сфере для формирования внешнеполитического имиджа страны как международного лидера в вопросах защиты прав человека, оказании международной помощи развитию³⁹.

2. Особенности внешней политики С. Харпера

³⁷ Freedom from Fear: Canada's foreign policy for Human Security. Department of Foreign Affairs and International Trade. Ottawa, 2000.

³⁸ "A role of Pride and Influence in the World", Canada's International Policy Statement. Department of Foreign Affairs and International Trade. Ottawa, 2005.

³⁹ *Израелян Е.В., Тесленко П.В.* Канада и помощь международному развитию // США и Канада: ЭПК. 2004. № 2.

При С.Харпере произошли существенные изменения во внешней политике Канады. Для него характерно желание постоянно подчеркивать «индивидуальность» внешнеполитического курса консервативного правительства. Произошла смена внешнеполитического лексикона – по указанию С.Харпера из употребления в официальных документах выведены такие термины как «безопасность личности», «общественная дипломатия», широко применявшиеся либеральным правительством. Вместо этого употребляются термины: «защита прав человека», «верховенство права», «демократия»⁴⁰. Подобные изменения стали наиболее заметны с начала 2009 г. Мнение экспертов по данному вопросу разделилось. Некоторые из них усматривают в изменении терминологии тенденцию к кардинальному изменению внешнеполитического курса по сравнению с предшественниками-либералами. Другие не видят в этом ничего большего, чем смену риторики и желание дистанцироваться от либералов. Известный канадский политолог Ф. Хэмпсон отмечает, что «демонстрация отличия от предшественников – в стратегии или лексике – является императивом в политике»⁴¹. Он подчеркивает, что, несмотря на уход от идеи безопасности личности и отказ от самого термина, многие внешнеполитические инициативы лежат в русле самой этой концепции. Он считает, что важную часть участия Канады в операциях в Афганистане и на Гаити составляет именно идея защиты безопасности личности⁴². Другой не менее авторитетный канадский эксперт Б. Джоб высказывает схожую точку зрения. Он видит «отголоски» концепции безопасности личности во внешнеполитических концепциях консерваторов⁴³. Из оборота консерваторов также было выведено понятие «ответственность за защиту» (Responsibility to Protect, R2P), хотя к сути этой концепции правительство консерваторов за последние годы обращалось не единожды и неоднократно ссылалось на идеи, лежащие в ее основе.

Для внешнеполитической риторики С. Харпера характерен акцент на силовой составляющей внешней политики. Применение силы превратилось в ключевой принцип после выборов в мая 2011 г. Все более частыми стали заявления, аналогичные выступлению на конвенте консервативной партии в июне 2011 г., где премьер-министр С. Харпер заявил, что «применение силы – это не возможный вариант, а жизненная необходимость»⁴⁴. В Канаде проходит реформа вооруженных сил. Модернизируется военное оснащение, обновляется воздушный и военноморской флот. До майских выборов правительство консерваторов имело меньшинство мест в Парламенте, и при выработке внешнеполитических решений было вынуждено оглаживаться на оппозицию и учитывать предпочтения электората. Заработав большинство в Парламенте на выборах, С. Харпер получил возможность действовать более самостоятельно и решительно и сосредоточил внешнюю политику в своих руках. Например, был создан Комитет по вопросам национальной безопасности и военной политики, который возглавил сам С. Харпер. Ранее эти вопросы находились в ведении правительственного Комитета по внешней политике

⁴⁰ Davis J. Liberal-Era Diplomatic Language Killed off // Embassy. 2009. July 1.

⁴¹ Davis J. Op.cit.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Meyer C. Harper's new militarism seen as nothing but rhetoric // Embassy. 12.02.2012. (embassy-mag.ca/page/view/militarism-07-13-2011).

и обороне и подчинялись одному из соответствующих министерств. Ряд канадских исследователей считают, что Канада не обладает достаточными ресурсами ни по линии Министерства обороны, ни по линии Министерства иностранных дел для реализации многих заявленных целей с применением военной силы за рубежом⁴⁵. К тому же, канадским вооруженным силам необходимо время для восстановления после афганской операции и для проведения военной реформы.

Возникает вопрос, произойдет ли в ближайшие годы уход от гуманитарной составляющей, на основе которой на протяжении долгих лет строилась внешняя политика Канады? Как представляется, радикальных изменений в общем характере внешней политики страны при С. Харпере не произойдет. Заявления, сделанные С. Харпером в 2011 – 2012 гг., больше относятся к области пропаганды. Риторика меняется от гуманитарной, но не силовой, в пользу военной. Однако есть факторы, говорящие о сохранении интереса правительства к участию в решении гуманитарных проблем. Например, С. Харпер не раз назвал исламистский терроризм основным вызовом для Канады⁴⁶. При этом подразумевалось, что корни терроризма лежат в социальной и экономической нестабильности, нищете и разрухе, то есть терроризм берет начало в несостоявшихся и нестабильных государствах, которые наиболее подвержены гуманитарным кризисам. Стремясь бороться с международным терроризмом, Канада еще долго будет уделять большое внимание решению гуманитарных проблем.

3. Участие Канады в операции в Афганистане

Канада участвовала в военных действиях в Афганистане и продолжает участвовать в оказании помощи развитию этой страны, и в переговорном процессе о путях урегулирования афганской проблемы⁴⁷. Военная операция Канады в Афганистане – крупнейшая со времен войны в Корее 1950–1953 гг.; причем вооруженные силы Канады долгое время были размещены в самом опасном районе – в провинции Кандагар. Афганистан – главный получатель канадской помощи международному развитию. Канада входит в пятерку основных государств-доноров, предоставляющих финансирование на восстановление этой страны, и лидирует по инвестициям в образование.

Операция в Афганистане – одно из приоритетных направлений канадской внешней политики консервативного правительства. Ее часто называют «миссией Харпера», несмотря на то, что решение о вводе войск в Афганистан было принято Ж. Кретьеном, а об их дислокации в самой опасную провинцию Кандагар – П.Мартинотом. Однако наиболее активная фаза операции действительно приходится на годы пребывания у власти С. Харпера. Консервативный премьер-министр заимствовал лозунг либералов «Защищать канадцев, восстанавливать Афганистан», из которого следует, что защита жизненно важных интересов Канады и обеспечение ее национальной безопасности, гипотетически связана со

⁴⁵ Meyer C. Op.cit.

⁴⁶ Whyte K. In convention: Stephen Harper // Maclean's. 05.06.2011. (www2.macleans.ca/2011/07/05/how-he-sees-canada%E2%80%99s-role-in-the-world-and-where-he-wants-to-take-the-country-2).

⁴⁷ Ибрагим Е.В., Тесленко П.В. Канада и помощь международному развитию // США и Канада: ЭПК. 2004. № 2.

стабилизацией положения в Афганистане. По мнению сторонников такого подхода, это определяется высокой степенью глобальной взаимозависимости: «...Безопасность одного государства зависит от поведения других, более того – от состояния их безопасности...»⁴⁸.

Военная часть операции в Афганистане с участием канадских войск завершена. Однако канадцы продолжают свою деятельность в этой стране. Правительством разработана программа канадского присутствия в Афганистане до 2014 г. Канада продолжает реализовывать программы в области медицины и образования, цель которых повысить качество жизни афганцев. Канадские специалисты работают над проблемами упрощения режимов доставки гуманитарной помощи в Афганистан. Ведется активная работа в сфере налаживания механизмов региональной дипломатии. До 2014 г. в Афганистане останется 950 канадских военнослужащих и 45 гражданских специалистов, которые будут обучать Афганские национальные силы безопасности⁴⁹. Канадские концепции и подходы к решению международных гуманитарных проблем проходят своего рода апробацию в Афганистане. Канада применяет там подход, включающий три компонента – военную, дипломатическую, гуманитарную. Однако, остается открытым вопрос, можно ли назвать такой подход комплексным, так как координация действий между соответствующими министерствами и другими участниками так и не достигла должного уровня. Затраты на оказание помощи Афганистану по-прежнему высоки, однако, нет уверенности в том, какие именно результаты будут достигнуты по окончании обучающих и других невоенных программ. Можно лишь с уверенностью сказать, что принимая активное участие в развитии ситуации в Афганистане, Канада стремится к налаживанию канадо-американских отношений и укреплению своей роли в НАТО. С другой стороны, участие в МССБ ограничивает возможности Канады, оттягивая ее политические, финансовые и военные ресурсы.

Участие Канады в афганской операции оказывает влияние на изменение структуры Вооруженных сил Канады, они становятся более пригодными для ведения военных операций, чем для операций в области миротворчества. Эти изменения уже проявились в ходе операции в Ливии.

4. Операция в Ливии

Вопрос о выборе подхода к решению гуманитарных проблем – силового, несилового или комплексного остается для Канады наиболее остро встал в практической плоскости во время ливийской операции. События в Ливии вновь поставили перед международным сообществом проблему вмешательства во внутрисударственные конфликты. Для Канады этот вопрос особенно актуален, так как именно эта страна была главным разработчиком концепции «безопасности личности» и концепции «ответственность за защиту». Основная идея этих концепций – приоритет обеспечения безопасности личности и защиты прав человека над суверенитетом государств: «На суверенные государства возложена ответственность за защиту своих граждан от катастроф, которых можно избежать – массовых убийств, голода. Если же они не способны обеспечить такую защиту, либо не

⁴⁸ Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М, 2002. С. 20.

⁴⁹ Canada's approach in Afghanistan. (www.afghanistan.gc.ca/canada-afghanistan/approach-approche/index.aspx?lang=eng&view=d).

желают этого делать, то такую ответственность должно взять на себя более широкое сообщество государств»⁵⁰. Ключевые положения документа «Ответственность за защиту» вошли в заключительный документ так называемого саммита тысячелетия ООН в 2005 г., что, однако, не придало им международно-правового характера⁵¹. В документе подчеркивалось, что силовые методы будут использоваться только тогда, когда все мирные способы уже исчерпаны.

Канада приняла решение об участии в ливийской операции, опираясь на формальное согласие ООН на проведение части осуществленных военных действий. Несмотря на гуманитарные цели, Канада была одной из активных участниц военных действий. Военный вклад Канады в операцию в Ливии значительнее, чем вклад в операцию в Персидском заливе в 1991 г. и в Косово в 1999 г. В ливийской операции были задействованы 650 канадских военнослужащих, 7 истребителей-перехватчиков CF-18, патрульная авиация, вертолет, военный фрегат, а командующим силами НАТО был назначен канадский генерал Ш. Бушар. Изначально запланированный трехмесячный срок канадского участия был, по решению парламента, продлен сначала до сентября, а затем до конца операции, который определило убийство М. Каддафи 20 октября 2011 г. и последовавшее решение НАТО о ее завершении 31 октября 2011 г.⁵²

Канадское агентство по международному развитию и министерство иностранных дел и торговли выделили 10 млн. долл. на гуманитарную помощь Ливии. Финансирование пошло на оказание продовольственной помощи и помощи людям, вытесненным из страны в результате военных действий. В том числе, оказывалась помощь тем, кто хотел вернуться в страну⁵³. В Ливии продолжают работу канадские Неправительственные организации. В частности, в начале 2012 г. Канадское отделение Международной Амнистии выявило случаи пыток заключенных. Организация обратилась к Правительству Канады с призывом провести переговоры с Переходным правительством Ливии и прекратить пытки⁵⁴.

Операция в Ливии вновь поставила вопрос перед правительством Канады, в какой мере она должна вмешиваться в ситуации в других странах, лежащих вне поля ее жизненно важных интересов. При этом ряд экспертов выражает недовольство тем, что участие Канады в гуманитарных операциях создает угрозу жизни канадских специалистов, вовлеченных в них. Критики современных ориентаций руководства

⁵⁰ Responsibility to Protect. Report of the Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. P.VII. (www.iciss.ca/pdf/Russian-report.pdf).

⁵¹ 2005 World Summit Outcome (September 16 2005). (daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/60/PDF/N0548760.pdf?OpenElement).

⁵² Clark C. How will Harper know when the Libya mission is over? // Globe and mail. 07.09.2011. (www.theglobeandmail.com/news/politics/how-will-harper-know-when-the-libya-mission-is-over/article2157448).

⁵³ Canada's International Aid to Libya. January 11, 2012. Canadian International Development Agency. (www.acdi-cida.gc.ca/acdi-cida/ACDI-CIDA.nsf/eng/NAD-399290-JZ8).

⁵⁴ Canada urged to pressure Libya's new leaders on torture reports // Globe and mail. 26.01.2012. (www.theglobeandmail.com/news/world/canada-urged-to-pressure-libyas-new-leaders-on-torture-reports/article2316388).

также отмечают, что опыт Ирака, Афганистана и Ливии подтвердил, что либеральную демократию не так легко «трансплантировать»⁵⁵.

В какой степени предыдущий опыт и потенциал Канады будут и далее использоваться в международных гуманитарных, в том числе силовых операциях под эгидой НАТО и ООН будет зависеть от ряда факторов. Вот только часть из них: изменения в идеологии Консервативной партии как лидирующей политической силы, экономическая ситуация в Канаде и мире, стратегия НАТО в международных делах, а также стратегия вновь избранного на второй срок президента США Б.Обамы.

⁵⁵ *Robertson C.* Harper charts a course for Canada // *Ottawa Citizen*. 17.11.2011. (www.ottawacitizen.com/news/canada-in-afghanistan/Harper+charts+course+Canada/5559691).

Роль экспертного сообщества в формировании стратегии США в Центральной Азии

Постсоветские государства Центральной Азии стали входить в сферу интересов США с середины 1990-х гг. Еще в 1996 г. советник Госсекретаря США Дж.Коллинз отметил, что США имеют «новые и растущие интересы» в странах Центральной Азии. Он назвал среди целей США в регионе поддержку независимости стран Центральной Азии, помощь в формировании рыночных институтов, а также содействие их участию в Евро-Атлантическом диалоге по вопросам безопасности⁵⁶. Это означало – мягкое отделение их от России и перемещение в сферу влияния США, НАТО и ЕС. В этот период на основе бывшего советологического экспертного сообщества начал формироваться пул аналитиков-практиков и ученых, изучающих Центральную Азию. Так, например, декан школы международных исследований при Университете имени Джона Гопкинса неоконсерватор П.Вульфовиц способствовал открытию в стенах своего заведения Институт изучения Центральной Азии и Кавказа. Директором института стал известный историк-советолог Ф.Старр, который активно начал изучать Центральную Азию после развала СССР.

Становление экспертно-политического сообщества США, исследующего Центральную Азию в конце 1990-х годов, стимулировалась администрацией У.Клинтон, заинтересованной в аналитическом обеспечении проектов по строительству трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), который должен транспортировать нефть из Азербайджана в Турцию, минуя территории России и Ирана. Кроме коммерческих целей американских компаний такие действия были продиктованы стремлением США ограничить возможности России влиять не только на Азербайджан и Грузию, но и на центральноазиатские государства. Несмотря на поддержку проекта БТД администрацией Клинтона и значительной частью политологического экспертного сообщества, связанного с лоббистскими группировками нефтегазовых компаний, перспективы освоения Каспия выглядели неоднозначно. Некоторые специалисты по энергетике скептически оценивали запасы углеводородов в регионе и не верили в коммерческую эффективность их транзита в Европу в обход России. По мнению эксперта Совета по внешним сношениям Р.Маннинга, «...преувеличив значение центральноазиатского региона, клинтоновская администрация запустила механизм роста политической бюрократии и заложила основу для политических инвестиций, которые возможно не принесут пользы»⁵⁷.

Политика администрации Дж.Буша-мл. в отношении стран Центральной Азии поначалу была лишена долгосрочного планирования. Внимание к нему было распылено между ведомствами. Сам статус региона, как и всего постсоветского пространства, формально был понижен в 2001 г., когда администрация Буша упразднила созданный при У.Клинтоне отдел Новых независимых государств

* *Братерский Александр Валентинович* – аспирант ИМЭМО РАН.

⁵⁶ *Nichols J.* Central Asia's New States: Political Developments and Implications for U.S. Interests. FAS Foreign Affairs and National Defense Division. December 19, 1996. (www.fas.org/man/crs/93-108.htm).

⁵⁷ *Manning R.* The Myth of the Caspian Great Game and the New Persian Gulf. (www.watsoninstitute.org/bjwa/archive/7.2/Oil/Manning.pdf).

Госдепартамента. Дела Отдела были переданы в Бюро по европейским и евроазиатским делам. Даже после терактов 11 сентября 2001 г. ситуация не сильно изменилась. В принятой в 2002 г. Стратегии национальной безопасности США, о Центральной Азии говорится лишь в связи с энергетической проблематикой, а сам регион упоминается только вместе со странами Африки и Западного полушария⁵⁸.

В период работы первой администрации Дж.Буша-мл. оценки и позиции американских «мозговых центров» по поводу интересов США в Центральной Азии поляризовались вокруг двух основных идеологических направлений: «неоконсервативного» и прагматического. Отчасти такая поляризация отражала борьбу идей внутри Пентагона и Государственного департамента США. Сторонниками первой линии были вице-президент Р.Чейни, а также П.Вульфовиц, занявший пост заместителя министра обороны. В меньшей степени – помощник президента по национальной безопасности, а затем и госсекретарь К.Райс. Прагматическое крыло администрации было представлено госсекретарем США К.Пауэллом и его замом Р.Армитаджем⁵⁹.

Ведение военной операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, растянувшееся на годы, нарастающие противоречия с Ираном, а также нежелание республиканской администрации допустить укрепления российского влияния в регионе способствовали во второй половине 2000-х годах выработке новых подходов США к Центральной Азии. Влияние экспертного сообщества, исследующего регион, вновь возросло, а тематика исследований изменилась. Приоритеты стали смещаться от энергетических вопросов в сторону военно-политических и транспортно-логистических проблем.

Позиции США по поводу развития ситуации в Центральной Азии в период правления второй администрации Дж.Буша-мл. определялись с необходимостью завершения военной кампании в Афганистане. Развертывание военного и политического присутствия США в регионе подстегивалось также тем, что он стал центром притяжения внимания не только Вашингтона, Брюсселя и Москвы, но и Пекина. Конфликтный характер отношений с Россией осложнял выработку единой стратегии США в отношении Центральной Азии и Афганистана. Вашингтон выбрал в отношении государств Центральной Азии политику вовлечения в различные модели сотрудничества, к которым они не всегда были готовы. А.Д. Богатуров описал политику лавирования стран региона как «отложенный нейтралитет»⁶⁰. К концу правления Дж. Буша-мл, правящие авторитарные режимы Центральной Азии стали поворачиваться в сторону большего сотрудничества с Россией, не видя для себя серьезных перспектив во взаимодействии с США. Американское экспертное сообщество почти не очерчивало контуры своих долгосрочных интересов в регионе. Вся политика определялась ходом операции в Афганистане.

Укреплению обратной связи между экспертным сообществом и администрацией Б.Обамы способствовал то, что многие член команды Обамы были выходцами из науки и аналитических структур, а их политические взгляды были

⁵⁸ The National security strategy of the United States of America. September 2002. (www.state.gov/documents/organization/63562.pdf).

⁵⁹ Mann J. The Rise of the Vulcans The history of Bush's war cabinet. N.Y., 2004. P.300.

⁶⁰ Богатуров А.Д. Отложенный нейтралитет? Центральная Азия в международной политике // Россия в глобальной политике. 2010. №6.

сформированы уже после завершения «холодной войны». С 2009 г. американское экспертное сообщество стало говорить о необходимости сотрудничества с Россией, при одновременном развитии двусторонних связей со странами Центральной Азии. Роль России как партнера США в Афганистане повысилась в связи с транзитом грузов в Афганистан. Такой подход был следствием политики «перезагрузки», разработанной при активном участии М.Макфола – известного политолога, ставшего советником Обамы.

Однако отказ от прежних подходов не означал прекращения борьбы США и России за влияние в регионе. Это подтвердили события, связанные со сменой власти в Киргизии, а также новое активное сближение США с Узбекистаном, несмотря на острую критику американскими либералами режима И. Каримова. По мнению Е.Ф. Троицкого, Узбекистан еще при У. Клинтоне стал «региональным приоритетом» Вашингтона⁶¹. Администрация Обамы рассматривала Узбекистан как партнерское государство не только для операции в Афганистане, но и в борьбе против радикальных исламистских групп, продолжая оказывать ему финансовую помощь. Идея сближения с Узбекистаном поддерживалась представителями экспертного сообщества США, которые полагали, что он может стать противовесом российскому влиянию в регионе⁶². Учитывая важную роль Узбекистана в качестве транспортного коридора для сил коалиции в Афганистане, США с 2009 г. временно отменили действие поправки запрещающей поставки вооружений в эту страну.

Провозгласив «перезагрузку» в отношениях с Россией, администрация Б. Обамы столкнулась с необходимостью пересмотреть свои отношения с рядом постсоветских стран, которые двигались в российском фарватере. Представители американской элиты также понимали, что попытки форсированной демократизации этих стран региона могут негативно отразиться на военно-политической ситуации в Афганистане. Регион Центральной Азии не был упомянут в принятой в 2010 г. новой «Стратегии национальной безопасности», в отличие от предыдущей Стратегии 2006 г.⁶³

Представители близких к администрации экспертно-политических кругов считали необходимым пересмотреть стереотипный взгляд на ситуацию, опираясь на прагматичный подход, и отказаться от принципов «Большой игры» в Центральной Азии – перестать открыто противостоять российскому влиянию. Часть американских экспертов-реалистов призывали США изменить всю стратегию действий на постсоветском пространстве. По мнению политологов, работавших на администрацию Обамы, Вашингтон должен был переформулировать центральноазиатскую стратегию, оценив торговые перспективы ресурсную базу и геополитическое положение стран региона: «Вашингтон должен обращать меньше внимание на провозглашение лидерами геополитической лояльности и снижать

⁶¹ Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии (1992-2004). Томск, 2005.

⁶² Kuchins A., Sanderson T. Central Asia Northern Exposure // New York Times. 04.08.2009.

⁶³ The National Security Strategy 2010. (www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf).

повышенное внимание к странам, главы которых заявляют о своей западной ориентации»⁶⁴.

Противоположной точки зрения придерживались консервативные и неоконсервативные аналитики, также отмечавшие рост значения политики США в Центральной Азии в связи с кампанией в Афганистане. Они утверждали, что Россия поняла политику «перезагрузки» как возможность для укрепления влияния в Центральной Азии, которое она рассматривала как продолжение своей «Большой Игры» в регионе⁶⁵. Одним из элементов более жесткой российской тактики консервативные аналитики видели смену режима в Киргизии в апреле 2010 г., когда при поддержке России на посту временного главы страны оказалась бывший дипломат Р. Отунбаева. Консервативные эксперты также придавали особое значение давлению, которое российское руководство оказывало на Киргизию в 2009 г., добиваясь, чтобы власти этой страны закрыли базу США на территории страны. База использовалась для доставки грузов в Афганистан. В 2012 г. М. Макфол, когда он уже работал в качестве посла США в России, откровенно признал, что США также пытались договориться с киргизской стороной о сохранении базы на тех же условиях⁶⁶. Впоследствии США удалось достичь соглашения с руководством Киргизии о том что база в Манасе будет действовать под эгидой международного транзитного центра. Такое внимание подчеркивало важность этого государства для американского присутствия в Центральной Азии. Известный российский исследователь Д.Б. Малышева считает, что Киргизия стала для США центральноазиатским аналогом Грузии – государством, ценность которого определяется не наличием энергоресурсов, а исключительно географическим положением⁶⁷.

Консервативные и либеральные аналитики, а также сам Белый Дом отмечали, что в начале 2010-х гг. Россия начала более активно действовать в Центральной Азии через международные организации, такие как Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) и отчасти Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), что требовало от США ответной реакции. В сентябре 2010 г. заместитель Госсекретаря США Р. Блейк отметил в своем выступлении, что Россия и США должны искать пути для сотрудничества в Центральной Азии⁶⁸. Это было переходом от политики прямого противостояния российским экономическим и политическим интересам в регионе к политике разделения функций в регионе, но не сфер влияния.

⁶⁴ Charap S., Petersen A. Reimagining Eurasia // Foreign Affairs. 20.08.2010. (www.foreignaffairs.com/articles/66542/samuel-charap-and-alexandros-petersen/reimagining-eurasia).

⁶⁵ Cohen A. There is no “Collective security” in Asia // Heritage Foundation Blog. 2010. June. (blog.heritage.org/2010/06/17/there-is-no-%E2%80%9Ccollective-security%E2%80%9D-in-eurasia).

⁶⁶ Millier H. U.S. Ambassador to Russia apologizes after Kyrgyz bribe row // Business Week. 30.05.2012. (www.businessweek.com/news/2012-05-30/u-dot-s-dot-ambassador-to-russia).

⁶⁷ Малышева Д.Б. Центрально-Азиатский узел мировой политики М., 2010. С.27.

⁶⁸ Assistant Secretary for South and Central Asian Affairs Robert Blake on Developments in Central Asia. 2010. September 22. (www.state.gov/p/sca/index.htm).

Часть либеральных экспертов полагала, что США могли бы предложить странам Центральной Азии серьезный инфраструктурный проект развития региона, в который можно было бы отчасти вовлечь и Россию. По мнению авторов доклада «Ключ к успеху в Афганистане» ведущего сотрудника Центра стратегических и международных исследований Э. Качинса и уже упоминавшегося специалиста по Центральной Азии Ф. Старра, таким масштабным проектом могло бы стать превращение Афганистана в транспортный хаб, соединяющий Европу, Центральную Азию и Ближний Восток. Для создания этого проекта США следовало бы использовать существующие маршруты доставки военных грузов в Афганистан из стран Центральной Азии⁶⁹. Авторы доклада подчеркивали, что проект, рассчитанный на долгосрочную перспективу, вовлечет Афганистан в международную транспортную систему и с помощью экономических методов поможет ослаблению терроризма и исламизма.

Идеи, изложенные в докладе, были сформулированы в рамках концепции «Нового шелкового пути», выдвинутой еще в 2007 г.⁷⁰ Тогда заместитель госсекретаря США Р. Баучер продемонстрировал интерес к проекту, но не поддержал его. В период правления первой администрации Б. Обамы проект нашел поддержку а главным образом у руководства Пентагона, искавшего концепции для завершения миссии в Афганистане. Инициатором подготовки доклада А. Качинса и Ф. Старра выступил главнокомандующий силами НАТО в Афганистане генерал Д. Петреус. В сентябре 2011 г. планы по вовлечению Афганистана и сопредельных стран Центральной Азии в единое экономическое пространство на основе концепции «Нового шелкового пути» были представлены Госсекретарем США Х. Клинтон⁷¹. Возможность участия России в проекте упоминалась официальными лицами, что говорило о том, что первая администрация Б. Обамы была заинтересована в ее вовлечении в совместные проекты в важном для обеих стран регионе. По мнению Д. Б. Малышевой, регион Центральной Азии для США «стратегический плацдарм, который позволяет контролировать Афганистан, все еще сохраняющий потенциальную угрозу региональной и международной безопасности»⁷².

Несмотря на то что цели США и России в краткосрочной перспективе в регионе часто совпадают, они по-прежнему стремятся ослабить влияние друг-друга. Администрация Б. Обамы решила продолжать политику сотрудничества с авторитарными режимами стран Центральной Азии, которые играют на российско-американских противоречиях. Б. Обама предпочитает действовать в категориях «реальной политики» по отношению к Центральной Азии⁷³. Контуры стратегии первой администрации Обамы в Центральной Азии отчасти напоминают умеренную республиканскую политику по отношению к партнерам США, которые не являются демократиями в американском понимании.

⁶⁹ *Starr F. Kuchins A.* The key to success in Afghanistan // Silk Road Paper. 2010. May. (www.silkroadstudies.org/new/docs/silkroadpapers/1005Afghan.pdf).

⁷⁰ *Starr F.* The New Silk Road. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. John Hopkins University-SAIS. Wash.D.C., 2007.

⁷¹ Clinton says building new silk road is critical for Afghanistan. 2011. September, 23. / Embassy of the United States. Kabul, Afghanistan. (kabul.usembassy.gov/silk2.html).

⁷² *Малышева Д.Б.* Указ.соч., С.74.

⁷³ *Baker P.* Obama puts his own mark on foreign policy issues // The New York Times. 13.04.2010.

С 2011–2012 гг. экспертное сообщество, оказывающее влияние на стратегию официального Вашингтона, стало рассматривать Центральную Азию в широком глобальном контексте – в системе ее связей не только с Россией, но и с Тихоокеанской, а также с Южной Азией⁷⁴. Такой подход может получить развитие в ходе работы новой администрации Б.Обамы. Он связан с ростом американского внимания к китайской активности в регионе.

⁷⁴ Beyond Afghanistan. A regional security strategy for South and Central Russia. Center for the New American Security Report. 2011. June. (www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_BeyondAfghanistan_BarnoExumIrvine_1.pdf).

Христианские сионисты и их роль в развитии американо-израильских отношений

Идея о необходимости возвращения евреев в Палестину появилась в христианском мире еще в XVII столетии в среде английских пуритан¹. Как идеологическое течение христианский сионизм оформился в Англии и Северной Америке в начале XIX в. и продолжает существовать в рамках протестантского фундаментализма. Краеугольным камнем системы взглядов этого движения является представление о возрождении и процветании Израиля как еврейского государства в Палестине в контексте библейских пророчеств, за исполнением которых, согласно Ветхому и Новому Заветам, должно последовать второе пришествие Иисуса Христа².

Наибольший вклад в развитие идей христианского сионизма внесли на рубеже XIX и XX вв. протестантские богословы Э. Ирвинг, Дж. Дэрби и С. Скоуфилд. В своих учениях они указывали на необходимость буквального понимания ветхозаветных и новозаветных текстов, представляя при этом исторический процесс в линейном виде, разделенном на семь периодов отношений Бога и человека. Это учение, известное как диспенсационализм, служит основой идеологии христианского сионизма. Главным источником, содержащим ключевые положения и взгляды христианских сионистов, является так называемая Библия Скоуфилда³, те есть Библия, снабженная комментариями Скоуфилда к стихам Ветхого и Нового Заветов³. Эта книга была впервые издана в 1909 г. и исправлена и переиздана автором в 1917 г.

По сегодняшний день протестантские фундаменталисты, составляющие костяк движения христианских сионистов, руководствуются именно этими комментариями к Библии. В их основе лежат следующие представления: 1) Вечный характер договора между Богом и государством евреев. Имеется в виду, что, несмотря на то что Бог расселил евреев по миру, лишив собственного государства, это не исключает появления еврейского государства в будущем, а вечность данного договора, скорее, даже служит подтверждением этого. 2) Появление государства Израиль должно стать знаком приближения второго пришествия, наряду с восстановлением Иерусалимского храма (Третьего храма), ополчением народов мира против государства Израиль, появлением Антихриста и т.д. 3) Бог располагает двумя различными планами для двух избранных групп: один для Израиля как Царства земного, другой – для христианской церкви как Царства небесного. Эти Царства должны встретиться и объединиться лишь после второго пришествия. В стихе третьем главы 12 Книги Бытия Ветхого Завета («Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все

* *Блащаница Артем Викторович* – аспирант Тюменского государственного университета.

¹ *Sharif R.* Christians for Zion, 1600–1919 // *Journal of Palestine Studies*. 1976. Vol.5. № 3/4. P.123–141.

² *Wilson J.M.* Christian Approaches to the State of Israel (www.christianzionism.org/BibleSays/Wilson01.pdf).

³ Scofield Reference Notes, 1917 Edition (www.studylight.org/com/srn).

племена земные»), христианские сионисты видят прямой призыв к странам оказать политическую, экономическую и духовную поддержку Израилю⁴.

В связи с вышеуказанными положениями представители движения христианских сионистов видят свою задачу в поддержке израильского правительства, прежде всего политической и финансовой.

Стоит отметить, что именно христианские сионисты изначально оказали колоссальное влияние на формирование и развитие политического сионизма, основной идеей и практикой которого стала борьба за международное признание права евреев на создание собственного государства в Палестине. Довольно показательным служит хотя бы тот факт, что известный сионистский лозунг «Земля без народа – народу без земли» («A land without a people for a people without a land») впервые был произнесен христианским сионистом Э. Купером, седьмым графом Шафтсбери. Правда, когда сторонники политического сионизма переняли его, вместо артикля «a» был поставлен артикль «the», так как для них эта земля была определена, и этой землей должна была стать именно Палестина⁵.

Англиканский капеллан, отвечавший за религиозные вопросы в посольстве Великобритании в Вене, У. Хехлер с 1880 г. в течение долгих лет помогал основоположнику политического сионизма Т. Герцлю устанавливать политические контакты с руководством мировых держав. Так, он организовал Герцлю встречи с султаном Османской империи, кайзером Германии, а в 1905 г. – с премьер-министром Великобритании А. Бальфуrom. Беседа с последним принесла свои плоды в 1917 г., когда тот, занимая пост главы британского Форин Офиса, издал знаменитую Декларацию Бальфура, в которой говорилось, что правительство Великобритании «с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели»⁶. Кроме того, в научной среде ведутся дискуссии о том, находился ли сам Бальфур под влиянием идей христианского сионизма или этим заявлением британский министр иностранных дел преследовал сугубо прагматические интересы своей страны. Между тем в период между двумя мировыми войнами христианский сионизм, распространившись как система взглядов по всему миру, стал оказывать заметное влияние на процесс принятия внешнеполитических решений лишь в одной стране – США.

Христианские сионисты не прерывали своих связей с еврейскими сионистами на протяжении всего времени. Среди них к наиболее известным на сегодняшний день организациям относятся Международное христианское посольство в Иерусалиме, Христианская коалиция Америки, Христиане за библейский Израиль, Объединенные христиане за Израиль, Международный христианский сионистский центр, Иерусалимский институт по изучению Святой земли.

После провозглашения Израилем независимости в 1948 г. эти организации фактически оказались включены в так называемое произраильское лобби в США,

⁴ *Wagner D.* Christian Zionists, Israel and the 'Second Coming' (www.informationclearinghouse.info/article4930.htm).

⁵ *Штейнер Е.* Ориентальный миф и миф об «ориентализме» (www.polit.ru/article/2009/01/22/oriental).

⁶ *Schneer J.* The Balfour Declaration: the Origins of the Arab-Israeli Conflict. L.: Bloomsbury Publishing, 2010. P.152.

оказывая Тель-Авиву поддержку в Вашингтоне путем воздействия на процесс выработки Соединенными Штатами собственной политики в отношении ближневосточного конфликта. Во многом это лоббирование происходило и продолжает осуществляться не в форме представления интересов и позиции израильского правительства, а самостоятельно, на основании убежденности христианских сионистских организаций в том, что давление на Израиль противоречит Божьей воле⁷. Специфика их деятельности заключается также в том, что фактически представленные выше организации христианских сионистов не являются лоббистами Израиля в прямом смысле этого слова, согласно букве американского закона о лоббизме. В этом смысле они сильно отличаются от нехристианских произраильских организаций, таких как Американо-израильский комитет по общественным связям, Американцы за мир сегодня, Антидиффамационная лига, которые находятся в списке групп интересов. Согласно официальным данным, представленным на сайте Сената по направлениям «внешняя политика» и «выборы», их нет ни в списке лоббистских фирм, ни в списке их клиентов⁸. Отсутствуют они и в неофициальных списках, приведенных в базе данных исследовательской группы Center for Responsive Politics, которая известна своей деятельностью по отслеживанию финансовых потоков и работы групп интересов, оказывающих воздействие на американские политические институты⁹.

Опираясь на эти факты, можно сделать вывод, что христианские сионистские организации не являются прямыми агентами Израиля или американских произраильски настроенных евреев в системе лоббирования в США. Они преследуют собственные интересы, связанные с их религиозными представлениями. В этом смысле интересно привести фразу израильского журналиста Г. Горенберга, который на одной из программ канала CBS довольно точно подметил, что христианские сионисты любят израильтян лишь как персонажей их собственного эсхатологического сюжета, при том что «в этом сюжете, состоящем из пяти частей, израильтяне уходят после четвертого акта», намекая на ту роль, которую христианские сионисты отводят евреям в истории, заканчивающейся вторым пришествием¹⁰. Как пример тому можно вспомнить президента США Г. Трумэна, который поддержал образование государства Израиль далеко не из симпатий к евреям как таковым, а исходя из своих религиозных убеждений и соображений национальных интересов во внешней политике США на Ближнем Востоке¹¹.

Среди механизмов, посредством которых христианские сионисты оказывают влияние на процесс принятия решений в политических институтах США по различным аспектам американо-израильских отношений, выделяются следующие:

Влияние на общественное мнение довольно многочисленной группы населения США, поддерживающей Израиль и его политику в отношении

⁷ *Mearsheimer J., Walt S.* Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. London Review of Books. 2006. Vol. 28, No 6. P.15.

⁸ Lobbying Disclosure Act Database. Issue code: Foreign Relations soprweb.senate.gov/index.cfm?event=submitSearchRequest; Lobbying Disclosure Act Database. Specific lobbying issue: Elections soprweb.senate.gov/index.cfm?event=submitSearchRequest.

⁹ Annual Pro-Israel Lobby. (www.opensecrets.org/lobby/indusclient.php?year=2010&id=Q05).

¹⁰ *Engel M.* Meet the new Zionists // The Guardian. 28.10.2002. (www.guardian.co.uk).

¹¹ *Truman H.* Memoirs. Vol. 2, 1946–1952. N.Y.: Da Capo Press, 1986. P.156.

оккупированных арабских территорий. Наиболее сильный эффект общественного мнения наблюдается в период праймериз и предвыборной гонки в Соединенных Штатах, когда кандидаты дают свои обещания, в том числе и по внешнеполитическим вопросам.

Публичная дипломатия и пропаганда. Христианские сионистские организации довольно активно используют средства массовой информации (христианские телевизионные каналы, газеты, радиопередачи, специализированные интернет-сайты и порталы), проводят акции и мероприятия с целью распространения произраильских идей и привлечения внимания к проблемам Израиля. Кроме того, постоянно публикуется множество книг и статей христианско-сионистского содержания.

Оказание прямой финансовой и другого рода помощи (волонтерство, информационная поддержка) Израилю и организациям, поддерживающим политику Тель-Авива в сфере ближневосточного урегулирования.

Присутствие христиан-сионистов в органах, принимающих внешнеполитические решения, и среди лиц, консультирующих эти органы.

С точки зрения христианских сионистов, любые планы ближневосточного урегулирования, направленные на сокращение территорий, контролируемых Израилем, способные нивелировать еврейский характер государства Израиль, и любые другие, подрывающие позиции Израиля на Ближнем Востоке, недопустимы и противоречат Божьему промыслу.

Оказываемое христианскими сионистами влияние довольно велико, поскольку их политический капитал составляет поддержка со стороны протестантских фундаменталистов (евангелистов). Доля последних, согласно статистике, за 35 лет составляла от 33 до 48% от общей численности населения Соединенных Штатов¹². Это значительный ресурс, и он используется христианскими сионистскими организациями как инструмент защиты интересов Израиля в Конгрессе США по широкому ряду вопросов, связанных с ближневосточным урегулированием. Среди них – проблема оккупированных территорий, вопрос о судьбе израильских поселений на этих территориях, проблема палестинских беженцев. Кроме того, поддержка Израиля становится еще более интенсивной, когда у власти в стране оказываются правые силы, а у руля в правительстве и Конгрессе США пребывают республиканцы, пользующиеся поддержкой среди протестантского населения.

Особенно активно христианские сионисты влияют на вопрос об израильских поселениях на оккупированных арабских территориях, не только оказывая давление на Вашингтон в этом вопросе и заставляя последний ограничиваться полумерами и нерешительными заявлениями в адрес израильского правительства, но и проводя на благотворительной основе финансовые вливания в строительные проекты по созданию новых и расширению старых поселений.

Таким образом, христианские сионистские организации следует рассматривать как косвенных акторов процесса ближневосточного урегулирования, и их влияние необходимо учитывать при анализе действующих в США механизмов принятия решений в отношении Израиля.

¹² U.S. Evangelicals: How Many Walk the Walk? (www.gallup.com/poll/16519/us-evangelicals-how-many-walk-walk.aspx).

Общества, государства, корпорации: новые механизмы взаимовлияния

*Никода К.В. **

Социальный эффект участия корпораций в инфраструктурных проектах развивающихся стран

Один из результатов модернизации экономики – повышение качества жизни (социальный эффект), что в свою очередь становится фундаментом для дальнейшего роста инновационности экономики. Но как начать движение по данной траектории развития? Этот вопрос особенно остро стоит перед развивающимися странами. Один из методов достижения желаемого – инфраструктурные проекты, ведь инновационная экономика не может существовать без современной инфраструктуры, а крупные проекты излюбленный государственный способ воздействия на экономику. Однако современная экономика предъявляет все более и более высокие требования к инфраструктуре и стоимость таких проектов растет. Это означает, что государству затруднительно финансировать их самостоятельно, поэтому оно привлекает корпоративный сектор. В этой статье мы рассмотрим социальную «отдачу» от инфраструктурных проектов, которые осуществляются как государственно-частное партнерство (ГЧП) в развивающихся странах.

Социальная отдача инфраструктурных проектов

Под «социальным эффектом» понимается: повышение материального и культурного уровня жизни, улучшение условий и техники безопасности труда. Социальный эффект может быть прямым или косвенным. Прямой социальный эффект связан непосредственно с реализацией инвестиционного проекта (улучшение инфраструктуры как результат ее модернизации). Косвенный эффект – это выгода от реализации проекта (например, дополнительные налоговые поступления, сверхприбыли) которая может быть реинвестирована, увеличение спроса. Однако результаты инвестиционной деятельности могут оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на социальную сферу. Остановимся на этом подробнее.

Создание рабочих мест. Новые рабочие места появляются на этапе реализации инфраструктурного проекта. В момент строительства объекта мобилизация трудовых ресурсов достигает своего максимума, что порождает мультипликативный эффект в сопряженных отраслях экономики. Вместе с тем, модернизация производства, использование более совершенных технологий повышают автоматизацию, облегчают контроль, что ведет, напротив, к сокращению рабочих мест¹.

Повышение уровня жизни. Строительство проекта, а позже его эксплуатация приводит к росту занятости населения и к росту заработной платы (не только в результате создания непосредственно этих рабочих мест, но и их увеличения на

* *Никода Кирилл Владимирович* – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ *Синдяшкина Е.Н.* Вопросы оценки видов социального эффекта при реализации инвестиционных проектов. (institutiones.com/general/1718-investicionnye-proekty.html).

сопутствующих и обслуживающих предприятиях). Это означает также рост спроса на товары. Однако высокооплачиваемые рабочие места в депрессивных регионах и в регионах с низким уровнем жизни могут привести к сегментации рынка труда и усилению социальной напряженности.

Рост предложения продуктов и услуг. Он приводит к удовлетворению спроса населения, развитию локального производства и активизации смежных отраслей. Но есть и негативный эффект: дешевые товары и услуги могут остаться без покупателей, и в результате производившие их предприятия разорятся.

Оптимизация миграционных потоков. Трудовых ресурсов в регионе, где осуществляется проект, может быть недостаточно и необходимо привлечение населения из других регионов. Это стимулирует приток населения из трудоизбыточных регионов. При этом возможно возникновение локального дефицита рабочей силы в соседних регионах. Не стоит также забывать, что приток дешевой рабочей силы в густонаселенные регионы сопряжен с ростом социального напряжения, которое может сохраняться, так как реализация проекта препятствует оттоку населения из соответствующего региона.

Улучшение или ухудшение экологической ситуации в связи с модернизацией производства, внедрением природоохранных технологий или ненадлежащим выполнением и следованием современным экологическим стандартам.

Несмотря на перечисленные выше негативные моменты, сопряженные с реализацией крупных инфраструктурных проектов, не следует забывать: в средне- и долгосрочной перспективе инфраструктурные проекты ведут к сокращению безработицы, улучшению условий труда, повышению образовательного и квалификационного уровня рабочей силы, росту налоговых поступлений в масштабах региона, федеральных округов и страны в целом.

Участие корпоративного сектора в инфраструктурных проектах

Корпоративный сектор участвует в инфраструктурных проектах, поскольку его интересы отчасти пересекаются с государственными.

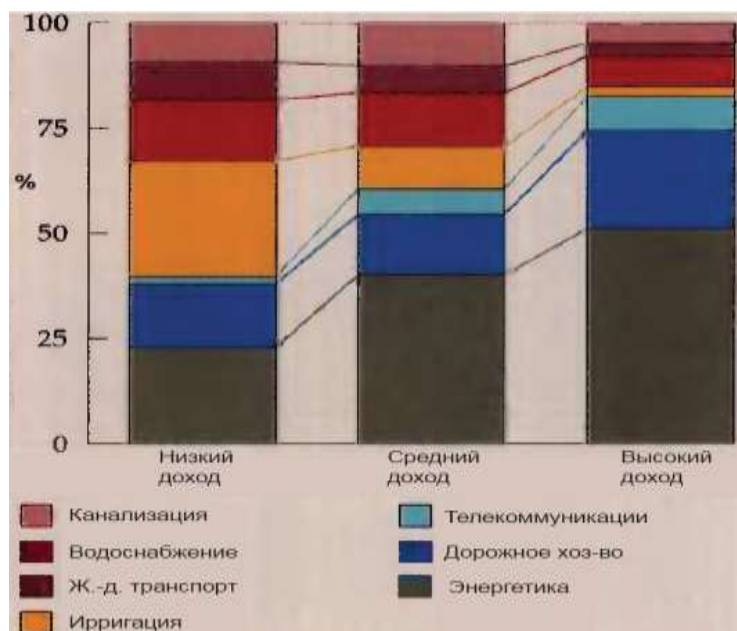
Основная цель государства – повысить общественное благосостояние. Привлечение же стороннего источника финансирования позволяет привлечь дополнительные средства для успешного реинвестирования. Положителен также симбиоз корпоративного сектора и государственной стороны с точки зрения системы и методов управления. Помимо этого, сами объекты – полюса роста для надстройки классической социальной инфраструктуры.

Интересы бизнеса: льготные кредиты, государственные преференции, возможность разделения рисков (финансовых, законодательных). Корпоративный сектор получает новый рынок сбыта своих товаров и услуг, увеличивая тем самым прибыль.

Инфраструктура определяет успех или неудачи той или иной страны в диверсификации производства. Удачная инфраструктура помогает расширить торговлю, решить демографические проблемы и проблемы бедности, улучшить окружающую среду. Инфраструктура способствует росту производительности и сокращению производственных затрат. Однако темпы ее развития должны соответствовать экономическому росту, удовлетворяя спрос. Экономический рост предполагает увеличение доли энергетики, дорожного хозяйства,

телекоммуникационных услуг в общем объеме фондов инфраструктуры по сравнению с такими базовыми услугами, как водоснабжение и ирригация (см. рис. 1). Однако наблюдается и обратная взаимозависимость: увеличение фондов инфраструктуры на 1% приводит к однопроцентному росту ВВП². Тип создаваемой инфраструктуры также определяет, насколько экономический рост способствует сокращению бедности.

Рисунок 1. Зависимость между развитием инфраструктуры и доходом страны

Источник: Ingram and Fay, специальное исследование.

Изменение спроса на инфраструктуру увеличивает потребности в инвестициях, поскольку такие сектора как энергетика и телекоммуникации капиталоемки. В 2010–2020 гг. в мире запланировано инвестировать ежегодно более 1 трлн долл. США в развитие инфраструктуры: на страны Евросоюза приходится около 30% (305 млрд долл.), Китай – 20% (200 млрд. долл.), США и Канаду – 17% (180 млрд. долл.), страны бывшего СССР – 5% (56 млрд. долл.)³. Однако этого по оценкам специалистов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) недостаточно. Необходимы инвестиции в полтора-два раза выше (фигурирует цифра 1,8 трлн. долл. США)⁴. Специалисты ОЭСР указывают, что далеко не все страны с формирующимися рынками планируют увеличить инвестиции в инфраструктуру, хотя инфраструктурные проблемы наиболее остро стоят именно там. Не стоит также забывать, что развитие инфраструктуры может дать наибольшую отдачу в странах с формирующимися рынками.

Невнимание к инфраструктуре стран с формирующимися рынками может быть связано с нехваткой капитала: где найти средства для модернизации

² World Development Report 1994. Infrastructure for development. The World Bank.

³ Кондратьев В.Б. Инфраструктура как фактор экономического роста // Перспективы. 10.11.2010. (www.perspektivy.info).

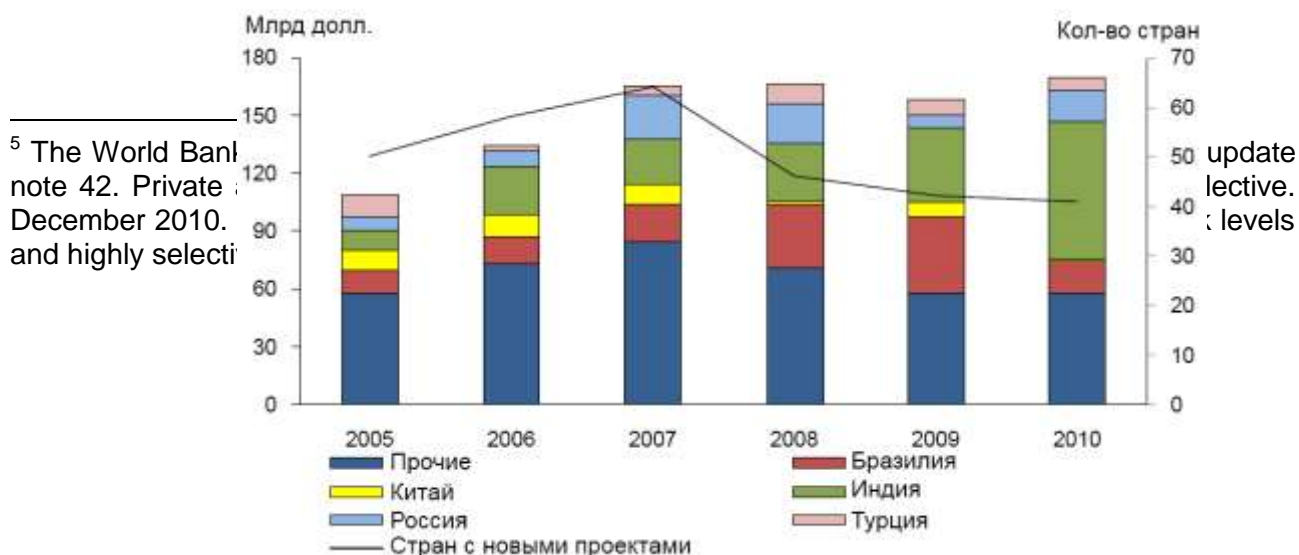
⁴ OECD Principles for Private Sector Participation in Infrastructure, 2007.

инфраструктуры? Для привлечения инвестиций в таких масштабах необходима мобилизация всех возможных источников капиталов и применение инновационных схем инфраструктурного финансирования. Одно из решений проблемы – привлечение корпоративного сектора. Плюсы такого взаимодействия обнаруживаются для корпоративного сектора (инфраструктурные проекты носят долгосрочный характер и в отличие от вложений в ценные бумаги, они более надежны), а также для государства в целом. Ведь именно инфраструктурные проекты, например, развитие транспортных сетей, характеризуются всеобъемлющим характером и поэтому имеют большой мультипликативный эффект. Последнее актуально для модернизации экономики России. Не стоит также забывать, что совместные проекты повышают уровень доверия между бизнесом и государством.

Участие крупного бизнеса в инфраструктурных проектах развивающихся стран на 2010 г. оценивается в 170 млрд. долл., что составляет порядка 15% от общемировых инвестиций в инфраструктуру. Этот год стал рекордным (4-й по счету) по объему привлеченных инвестиций, но он характеризуется тем, что большинство значимых проектов концентрируются в ограниченном количестве стран. По сравнению с 2009 г. рост инвестиций составил 7% в стоимостном и 6% в количественном отношении, при этом отмечается более избирательный подход бизнеса к участию в проектах⁵. По данным на 2010 г. финансовое закрытие было осуществлено по 231 проекту в 41 стране с низким и средним уровнем доходов, суммарные инвестиционные обязательства по которым составили 87,5 млрд долл. Проекты, по контрактам предыдущих лет аккумулировали инвестиции в размере 82,5 млрд. долл. Уровень инвестирования в проекты, начатые в период 1990–2000 гг. увеличился на 15%, а инвестиции в новые проекты остались на уровне сопоставимом с 2009 г.

В 2010 г. участие корпоративного сектора в инфраструктуре, фактически, было целиком сконцентрировано лишь в одной стране: Индии, в которую с 2006 г. привлекается наибольшее количество инвестиций среди развивающихся стран. В 2010 г. было утверждено 95 проектов, а объем привлеченных инвестиций составил 74,4 млрд долл. США, что в 2 раза превосходит показатель 2009 г. При этом, если, в 2009 до ½ всех инвестиций приходилось на Бразилию и Индию, то в 2010 г. доля привлеченных частных инвестиций в Индию составила 42% от общих частных инвестиций в развивающиеся страны (см. рис. 2). Участие корпоративного сектора в проектах других стран выглядит менее оживленно: без Индии частное участие сократилось бы на 18% по сравнению с 2009 г., при этом количество стран в 2009 г. было минимальным (41) начиная с 1990-х гг. Для России на 2010 г. этот показатель составлял 4,5 млрд. долл.

Рисунок 2. Участие корпораций в инфраструктурных проектах 2005–2010 гг.

Источник: World Bank и PPIAF, PPI Project database.

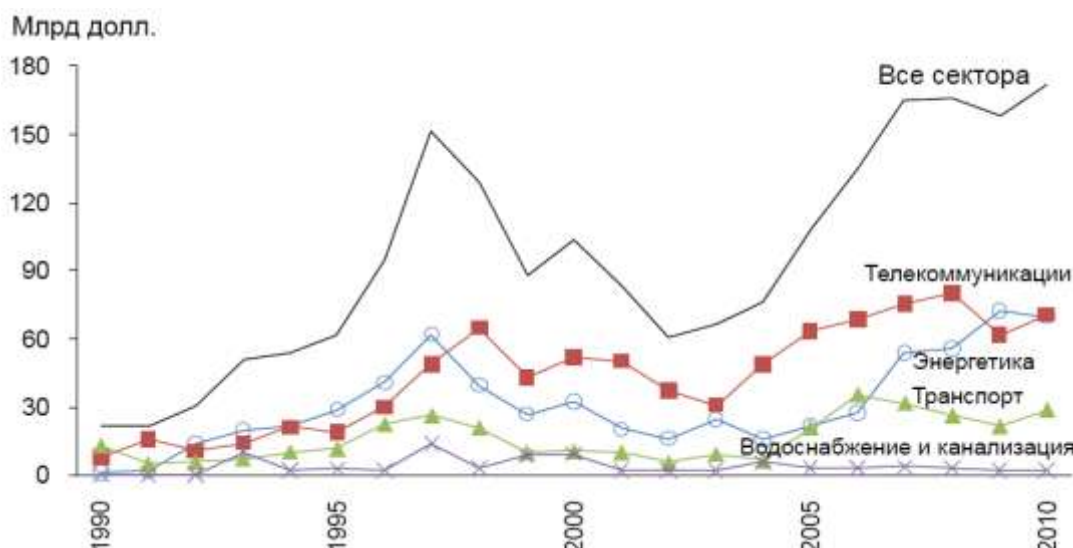
Особенностью инвестиционной активности начиная с 2005 г. является увеличивающаяся доля проектов, стоимость которых превышает 1 млрд. долл. США. Так, в 2009 г. суммарная стоимость таких проектов увеличилось на 30% до 42 млрд. долл., а в 2010 г. – 7% до 45,1 млрд. долл. В то же время на 27% сократился объем инвестиций по проектам с общим объемом вложений в пределах 500 млн – 1 млрд долл. Объем по проектам менее 500 млн. увеличился на 15% до 27,2 млрд. долл.

Динамика инвестиций инфраструктуры в 2010 г., как и в предыдущие годы, различна по секторам (см. рис. 3). В секторе телекоммуникаций после 23%-ого спада (первого с 2003 г.) в 2010 г. наметилась тенденция к восстановлению. Рост по сравнению с 2009 г. составил 15% (до 71,2 млрд. долл.), но это объясняется тем, что индийское правительство продало 22 лицензий на связь «3G». Доля инвестиций в телекоммуникации составила 42% от суммарного показателя за 2010 г. Однако инвестиционная активность в подсекторе развития и расширения сетей сократилась практически во всех регионах.

В транспортном секторе наметилась позитивная динамика. Наблюдавшееся непрерывное снижение инвестиций с 2006 г. сменилось в 2010 г. 23% ростом (26,7 млрд. долл.). Причины этого кроются в активном дорожном строительстве и развитии аэропортов. Объемы инвестиций в единицу инфраструктуры разнятся по странам. Для Индии, например, стоимость прокладки 1 км дороги наиболее дорогостоящего проекта составила 10 млн. долл., для России средний показатель стоимости прокладки 1 км дороги в 4 раза больше.

Энергетический сектор показал незначительную отрицательную динамику в 2010 г. по сравнению с 2009 г. (-4%), когда было привлечено 68,5 млрд. долл. Это связано с закрытием мега проектов по строительству ГЭС в Бразилии в 2009 г. Вместе с тем, отмечается позитивная динамика участия корпоративного сектора в энергетических проектах развивающихся стран (особенно в Латинской Америке).

Рисунок 3. Инвестиции корпоративного сектора в инфраструктурные проекты развивающихся стран, по секторам, 1990-2010 гг.

Источник: World Bank и PPIAF, PPI Project database.

В секторе водоснабжения и канализационных систем также наблюдается спад с 2,6-3,7 млрд. долл. США в среднем за последние 5 лет до 2,3 млрд. долл. в 2010 г.

Следует отметить, что количество проектов, утвержденных к реализации сократилось по всем секторам инфраструктуры, кроме транспортного. Корпоративный сектор наиболее активно участвует в проектах в странах с растущим уровнем доходов. Еще одна особенность: корпоративный сектор охотнее инвестирует в проекты «с нуля» (рост на 11% по сравнению с 2009 г. и составили 123,1 млрд. долл., достигнув своего максимума)⁶. Общая доля такого рода участия составила 72% годовых инвестиций в инфраструктуру развивающихся стран (128 из 231 проектов). Следует подчеркнуть, что именно проекты «с нуля» обладают наибольшей социально-экономической отдачей. Инвестиции по концессионным соглашениям в 2010 г. увеличились на 15% с 20,7 до 25,2 млрд. долл., тогда как инвестиции, направленные на покупку активов или полную приватизацию сократились на 16% по сравнению с 2009 г. и составили 21,6 млрд. долл. США – наименьший показатель с 2003 г.

Инвестиционная активность по регионам характеризуется снижением или стагнацией во всех регионах, кроме Южной Азии, Европы и Центральной Азии.

Социальный эффект

Социальный эффект от инфраструктурных проектов, осуществленных на основе государственно-частного партнерства, в Индии, Мексики, Бразилии, Китае и Турции пока сложно оценить. Однако пример Республики Кореи, которая за полвека превратилась из одной беднейших стран в страну с новой индустриальной экономики, позволяет предположить, что взаимодействие бизнеса и государства будет способствовать экономическому росту и качеству жизни.

Успех Республики Кореи объясняется спецификой государственно-корпоративных отношений: тридцать крупнейших чэболь (крупные коммерческие образования) задали направление роста экономики страны. Их доля в ВВП Кореи в 1985 г. составляла 12%, в 1995 г. – 16%, а с учетом аффилированных компаний достигала 65%⁷. Основой успеха стало следование принципу «workfare» (производное от «work» и «welfare»), когда участие бизнеса в решении социальных проблем поддерживалось правительством с помощью «Закона о создании социальных фондов на предприятиях». Этот закон предусматривал исключение из налогооблагаемой базы 5% прибыли, если эти средства предприятие переводило в специальный социальный фонд предприятия. Уже после 2000-х гг. развитие корпоративной системы привело к симбиозу азиатской дисциплины с западной гуманизацией и рационализмом, более известному как концепция «Pax Asiana».

⁶ В том числе концессионные формы, включающие в себя не только проекты *СВЭП* (строительство, восстановление, эксплуатация и передача) и *ВЭП* (восстановление, эксплуатация и передача), но и *СЭП* (строительство, эксплуатация и передача), классифицируемые Всемирным Банком как проекты «с нуля».

⁷ Федоровский А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в республике Корея. М.: «Стратегия», 2008.

Важнейшим показателем развития социальной среды является доля социальных расходов в ВВП, которая за период 1974–1986 гг. в Республике Корея увеличилась с 2,6% до 4,6%, основной упор при этом был сделан на образование. Это помогло решить две стратегические задачи: преодоление проблемы дефицита специалистов и повышение общеобразовательного уровня населения. Положительный эффект дало также и то, что рабочее движение находилось под полным контролем государства (хотя оно частично продолжало финансироваться частным бизнесом). За период 1970–2001 гг. количество членов профсоюзов увеличилось в 3 раза, при этом число забастовок, а соответственно, число потерянных дней уменьшилось. Активное участие бизнеса в становлении системы медицинского страхования, пенсионного обеспечения и других видов социальной поддержки повышало доверие к нему. С 1990-х гг. начался новый этап: на фоне сокращений в результате кризиса происходило увеличение среднегодовых трудовых издержек из расчета на одного занятого – более чем в 2 раза к 1999 г. При этом индекс потребительских цен, являющийся основным инструментом для расчета инфляции, составил 1,58. Все это, а также программы «Без забастовок – десять непотерянных лет», повышение эффективности использования людских ресурсов вывели Корею в одну из стран-лидеров Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Занимая 15-е место в общемировом рейтинге, она обгоняет Данию, Бельгию, Францию, полностью при этом соответствуя уровню и темпам экономического развития (см. табл. 1). Об этом же свидетельствуют и другие международные рейтинги. Например, доля инвестиций в НИОКР в ВВП составляет 2,5% (25% – бюджетные расходы, 75% – частные), что вывело Корею в лидеры по Глобальному инновационному индексу (ГИИ). Кроме того, коррелирующим со всеми вышеназванными индексами является и Индекс восприятия коррупции (ИВК), основанный на экспертной оценке, отражающей бизнес-климат в стране.

Именно равномерное развитие и повышение рейтинга по основным социальным индексам может расцениваться как задачи, стоящие перед развивающимися странами и решаемые интенсификацией инфраструктурного развития.

Таблица 1. Экономического развития и социальные показатели некоторых странах

Страна	ИРЧП, 2011 г.	ВВП по ППС на душу населения, 2011 г.	ИКЖ, 2005 г.	ГИИ, 2009 г.	МИС, 2009 г.	ИВК, 2011 г.
Р.Корея	15	28	30	1	68	43
Китай	101*	90	21	13	20	75
Индия	134	115	73	15	35	95
Бразилия	84	66	39	20	9	73
Россия	66	42	105	16	108	143

Источник: рейтинги ООН, «Transparency International».

* Рейтинг Гонконга – 13.

Россия по уровню экономического развития находится выше по рейтингу, чем Китай, Бразилия и Индия, однако отставание от социального развития является наибольшим. Главная причина – крайне низкий показатель ожидаемой

продолжительности жизни в России (135-е место – 65,5 лет)⁸. В Китае и Бразилии этот показатель составляет 72-73 лет.

Следующая проблема: дифференциация доходов населения. Децильный коэффициент дифференциации доходов, составлявший в советское время 3 раза, увеличился почти до 17, что вдвое выше показателя Еврозоны⁹.

Обращают на себя внимание и такие косвенные показатели как Индекс качества жизни (ИКЖ), Международный индекс счастья (МИС), Индекс восприятия коррупции (ИВК). По всем ним Россия занимает более чем скромные позиции, особенно, по ИВК – 143-е место.

Таким образом, сокращение роста ВВП, инвестиций, реальных доходов населения вкупе с оттоком капитала и инфляцией ведет к замедлению темпов социально-экономического развития, которые с каждым годом труднее нагонять.

Формирование новой модели развития страны должно иметь всесторонний характер. В реальном секторе экономики необходимо обновление материально-технической базы, повышение доли готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, увеличение инфраструктурного (экономического и социального) строительства в разы. Этим преобразованиям должны сопутствовать увеличение доли частной собственности до 65-70% в структуре предприятий и организаций, выполняющих государственные функции и формирование конкурентной среды между крупнейшими частными и государственными корпорациями, урегулированным в рамках сильного антимонопольного законодательства. В финансовой сфере основными направлениями реформ должны стать увеличение суммарных активов банков до 150-200% ВВП с нынешних 75%, создание фондов «длинных денег». Важно также повысить норму инвестиций до 35-40%, что позволит постепенно создать экономическую базу для решения социальных задач.

Результатом этих мер для стран с формирующимися рынкам должно стать достижение баланса между экономической и социальной сферами по уровню и темпам развития, рост в международных рейтингах и переход в группу развитых стран со сложившейся благоприятной социальной средой.

⁸ По данным списка ООН 2005-2011 гг.

⁹ Аганбегян А.Г. О Сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России // «SPERO» Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. №14.

Экономический имидж государства как фактор его конкурентоспособности

При построении моделей экономического развития все большее значение приобретает учет «человеческого фактора», включающего психологические процессы эмоционально-образного мышления, осуществляемые при непосредственном участии полученной извне информации. С этой точки зрения целесообразно рассмотреть понятие внешнеэкономического имиджа государства, представляющего собой совокупность устойчивых стереотипных установок зарубежной общественности относительно места государства в мирохозяйственной системе. В статье будут рассмотрены истоки, компоненты и методы формирования этого явления, а также примеры его коррекции в периоды экономических кризисов.

Исторические предпосылки возникновения концепции

Процесс экономической глобализации, последовавший за информационной революцией, потребовал от государств качественно новых моделей и инструментов глобальной конкуренции. В их число входит и управление информационными потоками экономического характера, поскольку информация о продуктах, ценах, процентных ставках и инвестиционных возможностях становится не только связующим звеном экономик различных стран¹⁰, но и ведущим источником формирования доверия, необходимого для построения благоприятного экономического имиджа государства.

Понятие «имидж» возникло в конце 1950-х гг. применительно к институтам социальных и экономических систем. Определение этой категории впервые дал американский экономист К. Боулдинг, обозначив ее как определенный поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях и иллюзиях. Этот стереотип способен влиять как на поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций¹¹. В 1960-х гг. это понятие вошло в деловой оборот, тогда же была обоснована его полезность для делового преуспевания. Лишь затем психологическое обоснование имиджирования стало предметом исследования социальных и политических психологов.

В качестве логического продолжения концепции К. Боулдинга можно назвать теорию эффекта страны происхождения (Country-of-origin effect, COO effect), зародившуюся в середине 1970-х годов в странах Запада и подчеркивающую влияние имиджа страны на экспорт за рубеж производимых ею товаров. Последнее объясняется тем, что, стремясь сэкономить на когнитивных усилиях при формировании суждений о качестве продукта, покупатели используют только часть информации для эвристической оценки его свойств. Наименование бренда и страны происхождения продукта – наиболее часто используемые эвристические сигналы, которые способствуют упрощению оценочных стратегий потребителей. Таким образом, информация о государстве происхождения и связанные с ним стереотипы

* Кокорина Елена Васильевна – аспирантка ИМЭМО РАН.

¹⁰ Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 2009. С.915.

¹¹ Boulding K.E. The Image. Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, 1956. P.175.

влияют на выводы потребителей относительно характеристик товаров и, как следствие, на уровень их экспорта за рубеж.

Эксперты Всемирного банка, исследовавшие зависимость объемов притока инвестиций, темпов экономического роста и доверия к государству в 69 странах в 1985–1995 гг., сделали вывод, что торговля товарами и услугами может выжить даже при небольшой степени доверия к государству. Однако сфера производства, в особенности, высокотехнологичные проекты, требующие значительных капиталовложений, вряд ли будут процветать. Этот факт объясняется линейным характером зависимости между уровнем доверия и объемом, а также качеством поступающих в страну ПИИ.

Опрос руководителей более 3600 компаний, в ходе которого предпринимателями давалась субъективная оценка различных аспектов институциональной структуры стран, учитывал два основных индикатора: предсказуемость законодательства и восприятие политической стабильности. Результаты показали, что в странах с высоким уровнем доверия к правительству объем инвестиций значительно выше, чем аналогичный показатель стран с низким уровнем надежности. По выводам экспертов Всемирного банка, недостаток доверия к государству подавляет инвестиции, экономический рост и рентабельность проектов в области развития. Низкая степень доверия помогает объяснить, почему во многих странах не наблюдается ожидаемой реакции частного сектора после достижения стабилизации и реализации программ структурных преобразований¹².

В эмпирических исследованиях (например, в ежегодных рейтингах конкурентоспособности стран мира) все больше стал учитываться фактор влияния доверия к экономике на конкурентные позиции государства. Так, в настоящее время Всемирный экономический форум и Институт развития менеджмента в Лозанне (Швейцария) среди критериев оценки уровня конкурентоспособности страны выделяют имидж государства за границей, уровень доверия к государственным органам, степень прозрачности и информационной открытости финансовых учреждений. Учет имиджевого компонента в ежегодных международных рейтингах конкурентоспособности неслучаен: снижение информационных и пространственных барьеров в современной экономике наряду с усилением борьбы между государствами за ресурсы и факторы производства увеличило значение информации для обеспечения их конкурентных преимуществ.

Инвестиционная привлекательность как составляющая внешнеэкономического имиджа

Экономические рейтинги призваны наиболее полно и объективно отражать информацию о положении дел в экономической сфере государств. Они позволяют сравнить уровень экономического развития разных стран, конкурентоспособность их бизнеса, условия для инвестирования, развитость институтов гражданского общества и многое другое. Из значительного количества разнообразных источников информации, на которые опираются инвесторы для формирования представлений о деловом климате страны, именно международные рейтинги (прежде всего, инвестиционные и кредитные) имеют первостепенное значение.

¹² Отчет о мировом развитии – 1997. Государство в меняющемся мире. Агентство экономической информации «Прайм-ТАСС», МБPP / Всемирный банк, 1997. С.305.

Разнообразные индексы являются мощным средством влияния, формирующим доверие к экономике государств и оказывающим воздействие на приток ПИИ. Это подтверждается высокой степенью корреляции между изменением места государства в экономических индексах и объемом поступающих в страну иностранных капиталовложений. Например, если рассмотреть изменения положения Латвии, Литвы и Эстонии на протяжении 10 лет в трех различных рейтингах и приток ПИИ в эти государства за тот же период, то проведенное исследование доказывает: чем лучше положение государства в рассмотренных рейтингах, тем выше приток инвестиций в страну. Плотность связи наиболее высока у Латвии и Эстонии, у Литвы этот показатель характеризуется как умеренный.

Таблица 1. Коэффициент корреляции между притоком ПИИ и уровнем доверия (согласно месту в международных рейтингах)

Рейтинг	Латвия	Литва	Эстония
Corruption Perception Index	0,63162	0,38311	0,80334
Index of Economic Freedom	0,61823	0,41429	0,41429
Global Competitiveness Index	0,71249	0,58266	0,68101

Составлено по данным Индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index), Transparency International, Индекса экономической свободы (Index of Economic Freedom) Heritage Foundation и Wall Street Journal, Рейтинга глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума.

Международная рейтинговая информация позволяет инвесторам различных стран мира составить представление о деловом климате государства. Но ввиду жесткой конкуренции стран за иностранный капитал их государственные органы вынуждены искать дополнительные способы формирования благоприятной инвестиционной среды. С этой целью в большинстве стран мира создаются специализированные агентства по привлечению инвестиций, функционирующие, как правило, при правительстве. В мире насчитывается более 160 таких национальных агентств и множество региональных организаций с аналогичными функциями. Их основными задачами, как правило, являются участие в создании положительного делового климата страны, непосредственный контакт с потенциальными и действующими инвесторами, а также формирование благоприятного инвестиционного имиджа государства посредством трансляции информации имиджевого характера. Последняя функция предполагает распространение информации о специально разработанных государственными органами мерах стимулирования инвестиций¹³.

Именно государство обычно играет ключевую роль в регулировании притока ПИИ, прежде всего путем разработки законодательства, определяющего режим деятельности иностранных инвесторов. Однако к середине 1990-х годов международная конкуренция за иностранные инвестиции достигла таких масштабов, что политика законодательной отмены ограничений, как единственная мера по привлечению ПИИ в страну, перестала себя оправдывать. Поэтому страны-реципиенты стали переходить к мерам по дополнительному стимулированию притока ПИИ с целью повышения собственной инвестиционной привлекательности.

¹³ Wells L. T. Marketing a Country. Promotion as a Tool for Attracting Foreign Investment. Washington: World Bank, 2000. P.190.

В число таких стимулов входят разнообразные меры налогового, финансового и организационно-административного характера, определяющие уровень благоприятности инвестиционного климата в стране по сравнению с ее конкурентами. Например, устанавливаются государственные гарантии защиты иностранных капиталовложений, режим наибольшего благоприятствования для зарубежных инвесторов, свобода репатриации прибылей. В государстве-реципиенте создаются условия, облегчающие порядок создания и регистрации предприятий с иностранным участием. Многие страны, особенно в специально созданных свободных экономических зонах (в мире насчитывается более 1200 таких зон), переходят от разрешительного к заявительному порядку работы с иностранными партнерами.

Указанные стимулирующие мероприятия имеют большое значение для притока ПИИ. Однако определяющим моментом для потенциальных иностранных инвесторов в научной литературе называются базовые составляющие инвестиционной привлекательности: получение доступа к необходимым ресурсам, выход на перспективный рынок сбыта и перенос производства в регион, где уровень затрат, соотнесенный с уровнем производительности труда, ниже.

Мировой опыт формирования миграционной привлекательности

Одним из факторов оценки инвестиционного климата становится стоимость рабочей силы, а также образовательный и квалификационный уровень работников, являющийся показателем потенциальной отдачи от затрат на оплату труда¹⁴. Больших объемов в мировом хозяйстве достигла миграция квалифицированных трудовых ресурсов. Наиболее масштабное их перемещение в 1990–2000 годах наблюдалось из Европы, Юго-Восточной Азии и Центральной Америки в США, Канаду, Австралию и Великобританию. За десятилетие утечка умов из Восточной Европы, Западной Африки и Центральной Америки значительно интенсифицировалась, на 94, 29 и 24% соответственно¹⁵.

В эпоху постиндустриальной хозяйственной системы ведущим производственным ресурсом и условием успешного развития экономической системы становятся знания. Поэтому государства в современном мире вынуждены конкурировать за квалифицированных специалистов и научные кадры, являющиеся источником инноваций в экономике. Следствием ужесточения конкуренции за них на международной арене становится такое направление экономического соперничества, как «перекачивание умов».

Так как основные выгоды от международной миграции достаются принимающим странам, большинство развитых государств и регионов при разработке миграционной концепции ставят приоритетной задачей повышение своей миграционной привлекательности. Активным привлечением квалифицированных трудовых ресурсов занимаются США, Австралия, Новая Зеландия. В качестве примера крупного проекта в этой области можно привести программу Европейского Союза «Голубая карта»,

¹⁴ Heuzler H. Investment prospects in Eastern Europe // The Wall Street Journal Europe. № 6. 1996. P.17-20.

¹⁵ Docquer F., Marfouk A. Measuring Mobility of Skilled Workers (1990–2000). World Bank Policy Research Working Paper №3381. August, 2004. P.38.

задуманную как ответ на аналогичную программу США «Зеленая карта» по привлечению в страну интеллектуальной элиты.

В международных миграционных потоках (прежде всего квалифицированных кадров) большое значение имеет формирование позитивных представлений о государстве, поскольку решение о переезде в другую страну определяется ее субъективным восприятием¹⁶ потенциальным мигрантом. Среди теорий международной трудовой миграции, объясняющих возникновение и развитие миграционных потоков, изменение их структуры, можно выделить теорию «притяжения-выталкивания», основанную социологом Э. Ли. Здесь миграция интерпретируется как функция относительной привлекательности стран въезда и выезда. На индивидуальное восприятие влияют такие факторы, как безопасность, цены, качество продуктов, развитость сервиса, привлекательность жизни и работы в конкретной стране в целом. Чаще всего они подкрепляются политикой, направленной на улучшение миграционного климата государства: либерализацией в области миграционного законодательства, созданием крупных научных и промышленных центров с развитой материально-технической базой, совершенствованием трудового законодательства, всемерной поддержкой прибывающих на территорию государства мигрантов.

Расширение экспорта с помощью имиджевой политики

Экономическая глобализация обостряет конкуренцию между государствами за потребителей национальных продуктов и услуг, в том числе туристических. Значение туристической отрасли для многих национальных экономик очень важно: эта сфера обеспечивает привлечение и быструю оборачиваемость финансовых средств, поступающих из-за рубежа, активизирует инвестиции, создает дополнительные рабочие места и благоприятно влияет на развитие других сфер экономики. Поэтому экономическая стабильность некоторых стран сегодня в значительной мере обеспечивается постоянным ростом доходов от международного туризма. Для них он становится основным источником роста ВВП и конкурентоспособности государства. Так, вклад отрасли в национальный продукт в совокупности со смежными отраслями в 2000–2010 годах у Кипра составил в среднем 28% ВВП, Мальты – 25%, Греции – 17%, Испании – 16%, Коста-Рики – 15%, Австралии – 14%, в среднем по миру – 10%¹⁷.

Ввиду положительного воздействия международного туризма на платежный баланс государства стремятся сделать свой образ привлекательным для иностранных туристов. Они вкладывают значительные средства не только в развитие туристической инфраструктуры, но и в осуществление информационного сопровождения туристических продуктов, а также в распространение благоприятной информации экономического характера (например, о низком уровне цен и высоком уровне развития инфраструктуры).

На улучшение экономической составляющей имиджа страны и ее экспортного потенциала влияет также имидж крупных брендов. Бренды – мировые лидеры стоят миллиарды долларов, имеют непосредственную связь с конкретными

¹⁶ Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. Омск, 2006. С.269.

¹⁷ Подсчитано по данным статистики World Travel & Tourism Council (www.wttc.org).

государствами, укрепляют их репутацию и создают им дополнительные устойчивые характеристики. Стоимость многих брендов превышает все осязаемые активы корпораций, которые их производят, а также стоимость выпущенной ими продукции¹⁸.

С другой стороны, как уже было отмечено, существуют стереотипы, связанные со странами-производителями: бренды, созданные в определенных странах, приобретают в сознании потребителя соответствующие характеристики в плане надежности, качества и удобства. Поэтому страны стремятся сформировать имидж государства, производящего качественные инновационные товары.

Другие компоненты внешнеэкономического имиджа

Большинство российских исследователей проблемы экономического имиджа страны склонны понимать его как выражение ее конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности, места в различных рейтингах. Зарубежные исследователи говорят также о необходимости целенаправленной работы по привлечению в страну квалифицированной рабочей силы, туристов, расширения экспортного потенциала государства. Если обобщить все представленные в научной литературе концепции, касающиеся проблематики государственного внешнеэкономического имиджа, можно сделать вывод о существовании других его составляющих: имиджа экономики страны в целом, внешнеэкономической политики государства, его отдельных регионов и крупных хозяйствующих субъектов¹⁹.

Что касается имиджа экономики страны в целом, то следует уделить внимание источникам его формирования. Первостепенное место в их ряду занимает статистическое сопровождение хозяйственной жизни государства, являющееся частью информационного потока и обладающее мощным эмоциональным воздействием. Оно способно сформировать определенный поведенческий стереотип, оказывающий влияние на конкурентоспособность государства. Распространение статистической информации обеспечивает имиджевый эффект, который создается политикой открытости, доступности информации и ее достоверности²⁰.

В перечень статистической работы, обеспечивающей положительный имиджевый эффект, безусловно, не входит манипуляция и искажение статистической информации. Например, Греция уличалась руководящими органами ЕС в искажении статистической отчетности накануне вступления в ЕС и в еврозону, а в декабре 2009 г. Еврокомиссия обвинила правительство Греции в умышленной фальсификации данных о финансовом положении страны в период кризиса, что поставило вопрос об исключении Греции из зоны евро. В ЕС известен прецедент искажения статистики в Италии в 1970-х годах. В качестве примера можно привести также изменение базы для сравнения статистических данных трансформирующейся польской экономики, когда Государственным управлением статистики Польши

¹⁸ *Музыкант В.Л.* Формирование бренда средствами рекламы и PR. М., 2004. С.256.

¹⁹ *Савицкая А.С.* Внешнеэкономический компонент структуры имиджа государства // Имидж государства/региона: современные подходы: сб. науч. трудов. СПб, 2009. С.197–204.

²⁰ *Гельвановский М.И., Рожков К.Л., Скрябина Н.И.* Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения. М.: Статистика России, 2009. С. 290.

вместо показателей 1989 г. использовались данные 1990 г., что сказалось на достоверности официальной статистической информации²¹.

На современном этапе мирохозяйственного развития глобализация сделала внутреннюю экономику не только тесно связанной, но и зависимой от внешнего мира. Поэтому следующим элементом структуры экономического имиджа можно назвать имидж экономической политики государства на международной арене. Этот компонент отражает представление о взаимодействии страны с основными акторами международных экономических отношений (международными организациями экономического профиля, транснациональными корпорациями, государствами-партнерами, государствами-конкурентами) и связанные с этим возможности и потенциал ее влияния. Большое значение в этих условиях приобретает фактор «прозрачности» органов власти и предсказуемости реализуемой ими экономической политики²².

В состав структуры экономического имиджа государства включены имиджи отдельных его регионов, выступающих в качестве относительно самостоятельных экономических акторов и имеющих собственный узнаваемый образ. Конкурентоспособность региона определяется степенью его вовлеченности в конкурентную среду, уровнем и качеством жизни населения, рентабельностью производств, а также привлекательностью в ряду других регионов для бизнеса и инвестиций, туристов и квалифицированных кадров. Важно, чтобы в сознании инвесторов, особенно зарубежных, находящихся в поиске новых рынков, ресурсов или интеллектуальных кадров, был сформирован и закреплён позитивный образ, демонстрирующий роль и миссию региона в национальной и мировой действительности.

Имидж крупных хозяйствующих субъектов является важным компонентом экономической привлекательности государства. Например, образ российских ТНК, сложившийся в процессе их инвестиционной экспансии в европейские страны, сложно назвать положительным. Если на начальных стадиях экспансии отечественных корпораций в Европу их успехи и неудачи преимущественно определялись сложившимися у местных бизнесменов и политиков представлениями о России (зачастую имевшими негативный окрас), то по мере наращивания прямых капиталовложений российских ТНК уже сам образ России стал изменяться под влиянием действий российских инвесторов. Непрозрачность российского бизнеса, использование офшоров и даже подставных фирм, находящихся в собственности криминальных элементов, отсутствие устоявшейся культуры деловой практики (особое раздражение у европейцев вызывает склонность российских инвесторов при любой возможности уклоняться от уплаты налогов) определяют настороженное отношение к российскому капиталу. Закономерное следствие этого – формирование негативного образа предпринимательской России²³.

²¹ Сеницина И.С., Чудакова Н.А. Социально-экономическая трансформация Польши // Общественная наука и современность. 1996. №2. С.24–34.

²² Савицкая А.С. Имидж внешнеэкономической политики государства (statebrand.ru/rabochie_materialy).

²³ Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С.96.

Преодоление кризиса доверия в периоды экономических рецессий

Важно подчеркнуть, что основой формирования благоприятного экономического имиджа являются положительные тенденции в экономическом развитии стран. Но существуют периоды, когда государство оказывается в ситуации внутренней и внешней экономической нестабильности – то есть кризиса. Страна, находящаяся в состоянии экономического кризиса, рискует попасть в разряд неконкурентоспособных, поскольку нестабильность резко подрывает доверие к ее государственным и финансовым институтам. Это неминуемо сказывается на ее экономической привлекательности, в особенности инвестиционной. Например, глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. породил опасный социальный кризис – кризис доверия. Было разрушено не только положительное отношение экономических субъектов друг к другу, к своим правительствам, мировым финансовым структурам, но возникло всеобщее недоверие граждан к национальным и международным экономическим институтам.

Поэтому с целью восстановления или поддержания доверия к своей экономике в периоды кризисов государства все чаще прибегают к стратегическим технологиям в области национального имиджмейкинга. Наиболее ярким примером восстановления благосклонного отношения мировой общественности (и прежде всего инвесторов) к народному хозяйству стран является преодоление кризиса доверия в азиатских государствах в период рецессии 1997–1999 гг., которая сопровождалась одномоментным уходом зарубежных инвесторов на безопасные рынки США и Европы.

Начало мероприятиям по восстановлению экономического имиджа азиатских стран было положено в 1999 г. с учреждения в авторитетном деловом издании *The Asian Wall Street Journal* специальной колонки, посвященной преодолению кризиса и демонстрации успехов «обновленной» Азии. На уровне отдельных стран также предпринимались шаги по восстановлению экономической привлекательности. Серия пропагандистских мер в условиях финансового кризиса показала приверженность Южной Кореи курсу реформ, способствовала восстановлению диалога страны с остальным миром и возвращению инвесторов на ее рынки. Таиланд, например, наряду с либерализацией рынков и перестройкой экономической системы с целью демонстрации готовности страны отказаться от архаических норм запустил интенсивную информационную кампанию, в которую были вовлечены три министерства и зарубежная пресса. То же самое предприняла Индонезия²⁴.

Массовый уход инвесторов с рынков стран Балтии, связанный с высокими макроэкономическими рисками и неэффективностью экономической политики в период мирового финансового кризиса, вынудил правительства этих стран обратиться к аналогичным мероприятиям. В особенности это касается Литвы, которой из фондов ЕС были выделены средства (только на разработку стратегии ушло 0,5 млн. литов.) на формирование экономического имиджа.

Столь пристальное внимание к явлению внешнеэкономической привлекательности обусловлено очевидной зависимостью конкурентоспособности

²⁴ *Kotler P. Repositioning Asia: from bubble to sustainable economy. Singapore: John Wiley & Sons, 2000. P.231.*

государства не только от объективных тенденций в национальной экономике, но и от субъективного их восприятия в глазах мировой общественности. Научным сообществом и политической элитой различных стран признается, что важнейшим информационным ресурсом экономик и фактором конкурентоспособности современных государств становится их внешний имидж. Он выступает предпосылкой для ускорения социально-экономического развития стран, повышения уровня и качества жизни населения, поскольку способствует решению вопросов привлечения иностранных инвестиций, расширения рынков сбыта продукции национальных производителей, привлечения трудовых ресурсов, развития въездного туризма и решения других проблем²⁵.

²⁵ *Важенина И.С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. №6. С.82-98.

Корпоративное волонтерство в практике корпоративной социальной ответственности

На фоне возрастающей оторванности корпоративного бизнеса от политического процесса, растущего недовольства населения разных стран государственной политикой в отношении корпораций и набирающих силу протестных движений (самый яркий пример – акции с призывами «Займи Уолл-стрит») компании по всему миру сталкиваются с необходимостью выстраивания диалога с заинтересованными сторонами – местным сообществом и собственными сотрудниками.

В условиях развития дискуссии о создании общих ценностей, начатой М. Портером и М. Крамером, перед бизнесом встает задача «трансформации устоявшейся модели корпоративной социальной ответственности (КСО) – корпоративной филантропии»²⁶. Помимо этого общая экономическая нестабильность мировой финансовой системы, сохраняющаяся на протяжении последних пяти лет, диктует масштабные сокращения бюджетов. В этих условиях корпоративное волонтерство становится эффективным способом поддержки диалога с местными сообществами.

Волонтерство в его классическом понимании – это добровольная деятельность, осуществляемая людьми на безвозмездной основе и направленная на достижение социально значимых целей. В свою очередь корпоративное волонтерство – это волонтерство, которое поддерживается и иницируется работодателем. Его формы различны и включают доленое финансирование волонтерских проектов и некоммерческих организаций (НКО), на базе которых реализуется проект; возможность заниматься волонтерской деятельностью в рабочее время; волонтерство, основанное на профессиональных навыках и умениях сотрудников (*skills volunteering*) и многое другое. По данным ежегодного исследования аудиторской компании «Deloitte»²⁷, 81% из 303 опрошенных американских компаний позволяет сотрудникам участвовать в волонтерских программах в рабочее время. В 30% компаний для волонтерства можно использовать от 25 до 39 рабочих часов в год; 24% компаний оплачивают более 40 часов; 23% компаний выделяют на корпоративное волонтерство от 9 до 24 часов в год и только 4% – менее 8 часов. Остальные 19% компаний предоставляют волонтерам гибкий график, в рамках которого количество оплачиваемых часов для каждого волонтера оговаривается отдельно. Если говорить о практике отдельных компаний, то компания «Timberland» оплачивает 40 рабочих часов в год, «Ford Motor Company» – 16 часов в год, «Keynote» – 40 часов в год, «Deloitte» – до 20 часов в год, «KPMG» – 30 часов в год и т.д.

В качестве концепции корпоративное волонтерство получило свое распространение в 1970–80-х годах. С тех пор оно стало одним из ключевых

* Скрягина Светлана Юрьевна – аспирантка ИМЭМО РАН.

²⁶ Porter M., Kramer M. Creating Shared Value // Harvard Business Review. 2011. January / February.

²⁷ 2010 Deloitte Volunteer IMPACT Survey (www.deloitte.com/assets/Dcom-UnitedStates/LocalAssets/Documents/us_2010DeloitteVolunteerIMPACTSurveyDatatables_043010.pdf).

элементов реализации корпоративной ответственности. По мнению исследователей, «корпоративное волонтерство является необычайно эффективным компонентом корпоративной социальной ответственности. Персонал – это один из ключевых функциональных активов бизнеса, позволяющий корпоративной благотворительности быть более продуктивной по сравнению с частной благотворительностью»²⁸. Недавнее исследование Комитета в поддержку корпоративной филантропии²⁹ показало, что 89% из числа 184 компаний, 63 из которых входят в рейтинг Fortune 500, имеют собственные программы корпоративного волонтерства.

Большинство экспертов выделяют следующие причины, по которым компании инвестируют в программы корпоративного волонтерства (КВ):

- Компании хотят внести позитивный вклад в местное сообщество;
- КВ соответствует традициям и ценностям компании;
- КВ позитивно влияет на репутацию и публичный облик компании;
- КВ важно для клиентов компании, формирует образ компании как ответственного корпоративного гражданина;
- КВ помогает в поиске и удержании персонала;
- КВ укрепляет лояльность сотрудников и повышает их уровень удовлетворенности работой;
- КВ способствует формированию команды и межсекторному общению среди сотрудников;
- КВ позволяет сотрудникам приобретать новые навыки, которые могут быть полезны в их «реальной работе»³⁰.

Учитывая, что корпоративное волонтерство содействует росту как внешнего, так и внутреннего социального капитала компаний, можно говорить о формировании спроса на программы корпоративного волонтерства. За последние десять лет корпоративный бизнес стал ключевым сторонником внедрения волонтерских программ и продолжает развивать это направление, все чаще формулируя вокруг него стратегию корпоративной социальной ответственности. По мнению К. Аллена, руководителя Глобального исследовательского проекта по корпоративному волонтерству, «корпоративное добровольчество всегда создавалось для какой-либо стратегической задачи компании. Оно выросло из первоначальной роли во взаимодействии с местным сообществом и сегодня используется как инструмент управления корпоративной культурой, привлечения сотрудников, бренд-менеджмента, взаимодействия с внешними целевыми группами и для выхода на новые рынки»³¹.

²⁸ *Boccalandro B.* Maximizing Impact: Three Signs of Underperforming Employee Community Engagement. Corporate Responsibility 2011 // F.A.Z. Institut und AmCham Germany, April 2011. (www.veraworks.com/images/resources/CCCDMaxImpEmpCommEngage2011.pdf).

²⁹ Giving in Numbers: 2011 Edition. Trends in Corporate Giving. Committee Encouraging Corporate Philanthropy (CECP), 2011. (www.corporatephilanthropy.org/pdfs/giving_in_numbers/GivinginNumbers2011.pdf).

³⁰ Points of Light Institute (www.pointsoflight.org).

³¹ *Allen K., Galiano M., Hayes S.E.* Global Companies Volunteering Globally. The Final Report of the Global Corporate Volunteering Research Project. International Association for Volunteer Effort, 2011. (www.gcvcresearch.org/v1/images/global%20companies%20volunteering%20globally.pdf).

Уже сейчас в ряде стран, таких как США и Великобритания, наличие программ корпоративного волонтерства рассматривается соискателями как одно из конкурентных преимуществ работодателя. По результатам опроса, проведенного компанией «Vision Critical» для консалтингового агентства «LeapCR»³² в марте 2011 г. среди 1007 постоянных штатных сотрудников в Великобритании, 49% опрошенных вероятнее всего продолжили бы работу в компании, которая поощряет сотрудников быть волонтерами или собирать деньги для благотворительных кампаний в рабочее время. Один из десяти сотрудников заявил, что готов поменять работу на менее оплачиваемую, если компания будет содействовать участию сотрудников в благотворительной деятельности. 63% опрошенных уверены, что возможность заниматься волонтерской деятельностью в рабочее время значительно увеличит их лояльность как сотрудников.

Еще одним индикатором интереса к теме корпоративного волонтерства служит процесс формирования инструментов оценки и анализа программ корпоративного волонтерства. Одним из первых примеров такого рода стал метод оценки, разработанный Центром корпоративного гражданства при Бостонском колледже в 2008 г. – Benchmarking Survey Tool: Drivers of Effectiveness for Employee Volunteering and Giving Programs³³. Этот опросник является бесплатным онлайн-приложением для оценки программ корпоративного волонтерства компаний по шести категориям – «драйверам». В частности он позволяет проанализировать сильные и слабые стороны практики корпоративного волонтерства в компании и сравнить ее эффективность относительно подобных программ других компаний-респондентов. Для сравнения может быть использована выборка из компаний рейтингов Fortune 500, Fortune 100 или международных компаний из США, Канады и Германии.

Развитию этого направления служат также награды и премии в области корпоративного волонтерства. Американская некоммерческая организация Points of Light Institute, занимающаяся вопросами волонтерства с 1990 г., является оператором одной из старейших и наиболее престижных премий в области корпоративного волонтерства в США – Corporate Engagement Award of Excellence. Эта награда вручается компаниям – лидерам в области корпоративного волонтерства ежегодно с 1993 г.

Корпоративное волонтерство постоянно растет и совершенствуется для удовлетворения новых потребностей местного сообщества и соответствия ожиданиям компаний. В условиях глобализации и роста взаимозависимости современного мира особым явлением корпоративного волонтерства становятся международные проекты, основанные на применении сотрудниками-волонтерами своих профессиональных знаний и умений для решения социальных задач в развивающихся странах. Признанными лидерами в реализации подобных программ стали американские компании, в том числе «IBM» с ее глобальной инициативой Corporate Service Corps. Эта инициатива направлена на предоставление

³² Allow staff time off for charity or 'lose them' // The Telegraph. 28.04.2011. (www.telegraph.co.uk/finance/jobs/hr-news/8479894/Allow-staff-time-off-for-charity-or-lose-them.html).

³³ Drivers of Effectiveness for Employee Volunteering and Giving Programs. Benchmarking Survey Tool (www.volunteerbenchmark.com).

профессиональных консультационных услуг малым предприятиям, учреждениям в сфере образования и культуры и некоммерческим организациям, а также на содействие в приобретении и развитии знаний и опыта в бизнесе для улучшения местных экономических условий и создания новых рабочих мест.

Популярный бренд «Starbucks», начиная с 2000 г., совместно с Earthwatch Institute, международной некоммерческой организацией по охране окружающей среды, реализует волонтерский проект с привлечением сотрудников и клиентов «Starbucks» в сфере экологии. В рамках проекта сотрудники и клиенты участвуют в исследовательских экспедициях Earthwatch. Участники программы оказывают поддержку местным фермерам через проведение исследований по широкому спектру вопросов: состоянию почв и степени их эрозии, качеству и доступности водных ресурсов, последствиям изменения климата. Ряд проектов также направлен на восстановление природной среды и биоразнообразия. Совокупность усилий волонтеров и экспертизы Earthwatch повышает уровень осведомленности о состоянии окружающей среды в местных сообществах и создает условия для устойчивого развития фермерских хозяйств и, как следствие, формирует основу для внедрения практики справедливой торговли. Подобные экспедиции также служат укреплению отношений между клиентами, поставщиками и сотрудниками «Starbucks».

Еще один яркий пример глобального международного проекта, направленного на оказание профессиональных услуг некоммерческим организациям в рамках выполнения Целей развития тысячелетия ООН, – проект BRIGHT, запущенный сетью фирм «KPMG» в 2010 г. По условиям конкурса сотрудники компании в разных странах формируют команды и разрабатывают проекты, направленные на решение проблем в местных сообществах. По итогам конкурса команда-победитель получает грант на реализацию проекта, а также возможность принять участие в двухнедельной поездке в составе междисциплинарной волонтерской группы в Африку для работы в партнерских НКО. В 2011 г. партнерами проекта выступили четыре некоммерческие организации: Fairtrade Africa, Room to Read, Restless Development и Child Helpline International. В рамках реализации проекта 58 волонтеров «KPMG» проработали 2,4 тыс. часов pro bono общей стоимостью 500 тыс. евро в семи африканских странах³⁴.

Закреплению корпоративного волонтерства в повестке дня крупнейших международных компаний способствовал также мировой финансовый кризис. Сокращение бюджетов на расходы корпоративной социальной ответственности повлекло за собой развитие альтернативных источников поддержки благотворительной деятельности, в частности, запуск волонтерских программ помощи местным сообществам, предоставления профессиональных услуг компаний pro bono, а также росту товарной благотворительности (in-kind donations). Так, начиная с 2007 г. совокупный объем нефинансовых пожертвований вырос на 39%. В этот период в сфере корпоративного волонтерства наметился переход к новым форматам взаимодействия с получателями помощи, а именно развитие волонтерских проектов в области интернет-волонтерства и микро-волонтерства. В 2010 г. компания «Kraft Foods» в партнерстве с онлайн-платформой по

³⁴ 2011 KPMG Europe LLP Annual Report (annualreport.kpmg.eu/home/our-communities).

микроволонтерству Sparked, объединяющей работодателей, волонтеров и НКО, запустила пилотный онлайн-проект в области микроволонтерства. Более 50 сотрудников компании приняли участие, оказав помощь 48 некоммерческим организациям, работающим в сфере здравоохранения, питания и защиты детей в 38 странах мира. Основным преимуществом этого проекта, по мнению волонтеров, стала его гибкость с точки зрения времени – сотрудник мог потратить менее часа в день на решение конкретной волонтерской задачи. Несмотря на это, по мнению команды Глобального исследовательского проекта по корпоративному волонтерству, распространенность подобных предложений еще незначительна и в целом «доступность подобных порталов до сих пор остается серьезной проблемой, во-первых, из-за ограниченности или отсутствия доступа сотрудников к компьютерам на рабочем месте. Во-вторых, из-за того, что большинство онлайн-механизмов были созданы для удобства компании, а не для удобства пользователей»³⁵.

Говорить о складывании основных моделей корпоративного волонтерства пока рано, так как «участники поля корпоративного волонтерства ориентированы на деятельность и недостаточно толерантны к теоретическим концептам и рефлексии»³⁶. Это также отражается на дискуссии о том, как измерить реальный социальный эффект от подобных программ, учитывая, что в настоящее время оценка сводится к сбору данных по количеству волонтерских часов и участников. Исследования последних пяти лет показывают, что не более половины сервисных проектов в области корпоративной социальной ответственности ведут к переменам, которых планировалось достигнуть. Уклоняясь от оценки эффективности программ, руководители программ КСО косвенно принимают тот факт, что социальные инвестиции компаний тратятся впустую³⁷, считает Б. Боккаландро, преподаватель Центра корпоративного гражданства при Бостонском колледже и президент консалтинговой компании «VeraWorks».

По мнению эксперта, пришло время для изменений, и компании, которые хотят быть действительно полезны обществу, должны перевести фокус своей благотворительной деятельности с реализации программ корпоративного волонтерства на программы социального вовлечения сотрудников³⁸. Эти программы должны опираться на четкую систему целеполагания, иметь систему мониторинга и оценки качества, а также утилизировать стратегические ресурсы компании: экспертизу в своей области и профессиональные компетенции сотрудников для развития некоммерческого сектора. С ней солидарен К. Аллен, по мнению которого «позитивный вклад начинается с понимания проблемы и разработки путей ее решения через участие волонтеров. Это требует такого же серьезного подхода компании, как и при разработке нового продукта»³⁹. В связи с этим показателен пример компании «IBM» и ее глобальной инициативы Corporate Service Corps. По словам руководства компании, эта инициатива не является волонтерской в

³⁵ Allen K., Galiano M., Hayes S.E. Op.cit.

³⁶ Ibid.

³⁷ Boccacalandro B. A Moral Argument for Measurement // Corporate Citizen Magazine. Vol. 4. P. 4 (www.bccccc.net/index.cfm?fuseaction=page.viewpage&pageid=2196).

³⁸ The End of Employee Volunteering: A Necessary Step to Substantive Employee Engagement in the Community // CCCDebate 07. Center for Corporate Citizenship Germany – 2010.

³⁹ Allen K., Galiano M., Hayes S.E. Op.cit.

классическом понимании по трем причинам: она приносит пользу бизнесу, она закрыта для большинства сотрудников и она оплачивается. Однако именно потому, что компания была готова уйти от классической модели реализации корпоративного волонтерства, программа Corporate Service Corps является столь эффективной с точки зрения решения конкретных социальных задач.

Практики корпоративного волонтерства в России

Говоря о России, феномен волонтерства используется в большей степени государством (Универсиада в Казани, Олимпийские игры в Сочи, Программа развития добровольного донорства крови и ее компонентов), чем бизнесом. Среди причин – молодость российского поля КСО, отсутствие у компаний опыта и знаний в области управления волонтерскими проектами, а также неготовность третьего сектора к формированию качественного предложения для компаний на данном этапе. Однако по результатам исследовательского проекта К. Аллена, распространение корпоративного волонтерства в глобальных компаниях через их структуры на местах способствует росту «местного» корпоративного волонтерства в региональных и национальных компаниях⁴⁰.

«Волонтерские программы российских компаний стали заметным явлением в последние примерно пять лет»⁴¹, поэтому до сих пор корпоративное волонтерство трактуется как «инновационная практика КСО в России». Во многом толчком к разработке программ корпоративного волонтерства послужил кризис. «Столкнувшись в момент кризиса с необходимостью более бережного отношения к благотворительным бюджетам, или сильно сократив их, компании начали искать способы не только материального участия в благотворительности. Теперь у многих компаний есть программы частных пожертвований, развивается волонтерство»⁴².

Среди российских компаний опыт реализации проектов в области корпоративного волонтерства есть у «Трансаэро», «Внешэкономбанке», ГК «Новард», ГК «Уралсиб».

Так, например, в компании «Трансаэро» с 2008 г. действует программа «Путешествие в страну «Трансаэро» для детей с онкологическими заболеваниями и детей-сирот. В рамках программы волонтеры компании – пилоты, бортпроводники, сотрудники наземных служб проводят волонтерские акции и организуют мастер-классы. Также учрежден и функционирует «Клуб волонтеров «Трансаэро».

Во «Внешэкономбанке» программа корпоративного волонтерства существует с 2008 г. За весь период было реализовано более 30 волонтерских проектов, разработано «Положение о корпоративном волонтерстве «Внешэкономбанка». Также банк оплачивает стоимость одного дополнительного дня отпуска в год для

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик. М.: Бизнес & Общество, 2011. С.1.

⁴² Практики компаний в области благотворительности и социальных инвестиций // По материалам проекта «Лидеры корпоративной благотворительности – 2011». М.: Форум доноров, 2011. С.65.

реализации благотворительных проектов («День волонтера») для каждого сотрудника-волонтера⁴³.

Однако большинство волонтерских проектов реализуются российскими филиалами международных компаний, среди них «Deutsche Bank», «Intel», «Microsoft», «Caterpillar», «IBM», «KPMG», «DHL», «Exxon Mobil Russia», «Nestle», «Leroy Merlin», «Amway», «PricewaterhouseCoopers», «Alcoa».

Несмотря на возрастающий интерес к волонтерству в России и наличие наград в этой области (премия People Investor⁴⁴ и номинация «Корпоративное добровольчество» в рамках учрежденной правительством Москвы премии «Доброволец года»), говорить о формировании культуры корпоративного волонтерства по ряду причин пока еще рано.

Во-первых, большинство волонтерских проектов компаний носят разовый характер и реализуются преимущественно в формате акций: сбор денежных пожертвований и вещей, добровольное донорство крови, организация субботников и экологических акций, участие в благотворительных аукционах.

Во-вторых, вопросы долгосрочного вовлечения сотрудников в волонтерские проекты стоят достаточно остро, так как в отличие от практики КВ в США, где данные программы формируются вокруг индивидуальных волонтерских усилий сотрудников, в России компании зачастую запускают свои волонтерские программы «с нуля». В условиях, когда в российском национальном сознании продолжает доминировать парадигма, что все ключевые социальные сервисы предоставляются государством, привлечь сотрудников в благотворительные проекты оказывается непросто. На низкий уровень вовлечения также влияет игнорирование компаниями этапа формирования «инфраструктуры» успешного волонтерского проекта: поиска профессионального некоммерческого партнера, проведения опросов и ознакомительных семинаров по тематике КСО среди сотрудников, выделения человека по работе с волонтерами, создания корпоративной политики по волонтерству.

В-третьих, отсутствует эффективное взаимодействие между бизнесом и третьим сектором в вопросах формирования волонтерских программ. По словам В. Хромова, директора Союза волонтерских организаций и движений, «НКО готовы выступать в роли экспертного сообщества по отношению к корпоративным благотворителям. <...> Необходим широкий диалог между сообществами благотворителей и НКО, чтобы стороны выстроили долгосрочные и эффективные механизмы взаимодействия»⁴⁵. Компаниям необходимо признать третий сектор как полноправного партнера в реализации комплексных социальных программ с волонтерским участием. По мнению Форума доноров – коалиции крупнейших

⁴³ Использование инструментов КСО для построения успешного бизнеса. Сборник бизнес-кейсов. / Под ред. Литовченко С.Е. М.: Ассоциация менеджеров, 2011. С.66.

⁴⁴ People Investor – это комплексный проект, состоящий из всероссийского исследования, международного форума и независимой премии. Проект реализуется с 2008 г. по инициативе Ассоциации менеджеров и посвящен выявлению и широкому распространению лучших корпоративных практик социальных инвестиций российских компаний в области управления человеческими ресурсами, выстраивания отношений с деловыми партнерами и клиентами и развития местных сообществ.

⁴⁵ Корпоративное волонтерство в России... С.65.

российских и иностранных благотворительных (донорских) организаций, работающих в России, «компании, которые нашли своего партнера из некоммерческого сектора, как правило, выигрывают»⁴⁶.

Несмотря на это, потенциал развития корпоративного волонтерства в России очень высок. Учитывая отставание, которое имеется у России в вопросах корпоративной социальной ответственности в целом, а также рост профессиональных компетенций менеджеров в сфере КСО, пик реализации проектов в области корпоративного волонтерства в России еще впереди.

* * *

Несмотря на то что существует большое число опробованных моделей волонтерства, доступна информация с примерами лучших практик, программы и опыт корпоративного волонтерства в каждой компании уникальны. Для достижения максимального результата от вовлечения сотрудников-волонтеров в социальные проекты бизнесу необходимо развивать экспертизу в сфере управления волонтерскими проектами, быть нацеленным на достижение долгосрочных результатов и выстраивать партнерские отношения с третьим сектором.

⁴⁶ Практики компаний в области благотворительности и социальных инвестиций.. С.64.

Фактор личности в международных процессах

*Олейнов А.Г.**

Методологические основы экономического анализа субъектности индивида в международных отношениях

Человек – исходный объект и единица исследования в экономической науке, а его теоретическая модель – базовая в аналитическом аппарате экономической теории. Любая экономическая модель прямо или косвенно использует основные методологические допущения экономической модели человека. А сама модель человека является не только аксиоматическим ядром экономической науки, но и ключевым фактором универсальности экономической теории как инструмента исследования самых разных социальных процессов.

Международные отношения остаются одной из сфер человеческого взаимодействия, которая так и не была комплексно проанализирована через призму базовых методологических предпосылок экономической науки. Экономические исследования в этой сфере традиционно ограничивались вопросами координации макроэкономической политики суверенных государств. И даже появление таких направлений, как международная экономика и политэкономия международных отношений, связанных с использованием экономических моделей в обосновании различных процессов на международной арене, так и не привело к формированию общей экономической парадигмы международных отношений. При постановке вопроса о возможности формулирования последней методологические основы экономического анализа человека автоматически, в силу примата его теоретической модели, будут играть определяющую роль.

В работе будет рассмотрен вопрос экономического моделирования международных отношений в целом и субъектности человека в международных отношениях в частности.

Экономическая наука и международные отношения

Для экономической науки международные отношения никогда не были отдельным направлением теоретического исследования. Многие годы объектом внимания экономистов становились лишь отдельные аспекты международного взаимодействия, прежде всего вопросы согласования конкретных направлений макроэкономической политики суверенных государств. При этом последние полвека актуальность того или иного направления макроэкономической политики в экономической литературе напрямую определялась экономическим развитием мира.

После Второй мировой войны и вплоть до 1970-х годов это были вопросы торговых отношений и платежного баланса. Материальные последствия Второй мировой войны были устранены достаточно быстро и уже к концу 1940-х гг. большинство стран Европы достигло довоенного уровня промышленного производства. В то же время основной источник внешних доходов – система внешней торговли и внешних платежей – не функционировал. Процессы торговой и экономической интеграции в Западной Европе на протяжении последующих лет

* *Олейнов Антон Геннадьевич* – кандидат экономических наук, доцент МГИМО(У) МИД РФ.

нашли отражение в росте числа экономических исследований, посвященных вопросу координации внешнеторговой политики. Основной идеей здесь было проведение правительствами политики, которая способствовала бы внутренней стабильности и экономическому росту и при этом не создавала негативных внешних эффектов, аналогичных тем, с которыми мир столкнулся между двумя мировыми войнами¹.

С 1970-х гг. на первый план вышли вопросы согласования денежно-кредитной и валютной политики. Если сразу после Второй мировой войны США обладали огромным избытком платежного баланса, то с восстановлением экономик стран Западной Европы профицит платежного баланса США сменился растущим дефицитом. Увеличение долларовых запасов европейских стран, с одной стороны, и сокращение золотого запаса США – с другой, привели в итоге к отказу США в августе 1971 г. осуществлять дальнейший обмен долларов на золото по цене, зафиксированной в рамках Бреттон-Вудских соглашений 1944 г. Распад Бреттон-Вудской системы, переход к плавающим валютным курсам, создание Европейской валютной системы, создание Европейского валютного союза и введение единой европейской валюты вывели на первый план в экономических исследованиях вопросы координации валютной и денежно-кредитной политики².

С конца 1990-х гг. актуальными стали вопросы о степени открытости национальных экономик и регулировании международных потоков капитала, наряду с необходимостью реформирования международной валютно-финансовой системы. «Ямайская» система плавающих валютных курсов способствовала ослаблению напряженности в международных валютных отношениях. Однако уже в середине 1980-х гг. стало очевидно, что результаты ее функционирования оказались не столь эффективными, как ожидалось. Темпы роста мирового производства и торговли по сравнению с предыдущими годами заметно упали, а дефициты платежных балансов ряда стран, наоборот, выросли. Кроме того, введение плавающих курсов привело к резкому увеличению частоты и амплитуды колебаний обменных курсов и, как следствие, появлению дополнительных возможностей для валютных спекуляций. В результате в конце XX в. мир столкнулся сразу с несколькими валютно-финансовыми кризисами: в Западной Европе (1992–1993 гг.), Мексике (1994 г.), Азии (1997 г.), России (1998 г.), Бразилии (1998 г.), Эквадоре (1999 г.), Турции (2001 г.) и мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. Все это не могло не найти отражения в экономической литературе³.

В конце XX в. рядом исследователей были предприняты попытки методологического обобщения работ, посвященных экономическим аспектам международных отношений, которые привели к выделению отдельного направления в экономической академической литературе под названием *международная*

¹ См., например: *Viner J. The Customs Union Issue*. N.Y., 1950; *Meade J. The Theory of International Economic Policy*, 2 Vols. L., 1951–1955; *Mundell R. The Pure Theory of International Trade* // *The American Economic Review*. 1960. No 1; *Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market* // *The Economic Journal*. 1967. No 77.

² См., например: *Bryant R. Money and Monetary Policy in Interdependent Economies*. Washington, 1980; *Williamson J. The Exchange Rate System*. Washington, 1983.

³ См., например: *Rogoff K. Institutions for Reducing Global Financial Instability* // *Journal of Economic Perspectives*. 1999. No 4; *Voleker P. Toward a Single World Currency to Level the Playing Field* // *The International Herald Tribune*. 31.01.2000.

экономика. Это направление традиционно подразделяется на две части: *теории международной торговли* или *международные торговые отношения* (в российской академической литературе аналогом этого направления являются *международные экономические отношения*) и *международные финансы* или *международные денежно-кредитные отношения* (в российской научной литературе используется также понятие «*международные валютно-кредитные отношения*»; реже – «*международные финансовые отношения*»). Такое деление позволяет определить как предмет исследования международной экономики международную торговлю и финансы, а методологической базой – теории согласования различных направлений макроэкономической политики: торговой, денежно-кредитной, валютной, фискальной, инвестиционной, интеграционной и т.д. Однако оно одновременно констатирует многообразие теоретических моделей, используемых в рамках международной экономики, что говорит об отсутствии в рамках этого направления общей теоретической парадигмы международных отношений.

Таким образом, методология экономической науки так и не была напрямую использована для концептуализации международных отношений. Однако работы экономистов, посвященные вопросам координации макроэкономической политики, позволили заполнить тот вакуум, который образовался между традиционными теоретическими концепциями международных отношений и теми изменениями на международной арене, с которыми мир столкнулся во второй половине XX в.

С 1970-х гг. экономические вопросы стали все чаще выходить на первый план в международной политической повестке дня. Постепенно пропасть между абстрактными «политологическими» концепциями международных отношений и реальностью заставила исследователей-международников обратиться к работам представителей экономической науки. К концу 1980-х гг. попытки интегрировать теоретические наработки экономистов в традиционные «политологические» парадигмы международных отношений привели к появлению нового направления в международных исследованиях – *политической экономики международных отношений* (*international political economy* или *global political economy*). Помимо возникших противоречий между теорией и новыми экономическими реалиями ключевой предпосылкой появления этого направления стало широкое использование экономического инструментария для исследования внутренних политических процессов⁴. Начиная с 1970-х гг. экономические модели, нашедшие свое применение в теоретическом обосновании внутривнутриполитических процессов, стали постепенно применяться и для теоретических обоснований международных процессов. Следует также отметить еще один немаловажный фактор становления политической экономики международных отношений, а именно – возрождение самой политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины.

Современная политэкономия международных отношений – это, с одной стороны, изучение политических предпосылок экономических процессов на международной арене (или того, как политические факторы влияют на

⁴ Использование экономических методов анализа стало одной из наиболее заметных тенденций в методологическом развитии политической науки второй половины XX в. Это привело к появлению целого ряда междисциплинарных направлений на стыке двух наук, предметом исследования которых стала политика, а методом исследования – методологический комплекс экономической науки.

международные экономические отношения и мировую экономику в целом). С другой стороны, это исследование экономических предпосылок международных политических процессов (или того, как внутренние и внешние экономические факторы ограничивают внешнеполитические процессы). Иными словами, политэкономия международных отношений – это междисциплинарное направление исследований международных отношений, использующее методологию различных общественно-научных дисциплин, ключевыми из которых являются политология и экономическая наука.

Многообразие теоретических моделей, используемых в рамках международной экономики и политэкономии, а также ограниченность интересов экономистов в международных исследованиях вопросами координации отдельных направлений макроэкономической политики суверенных государств позволяет констатировать, что общей теоретической концепции международных отношений в экономической науке так и не было сформулировано. Основная причина – внимание экономистов лишь к отдельным аспектам международного взаимодействия без постановки вопроса о возможности прямого использования методологического инструментария экономической науки для теоретической концептуализации международных отношений. Как следствие, международные отношения продолжают оставаться для экономической науки во многом *terra incognita* в теоретическом плане. А сама категория «международные отношения» до сих пор не рассматривается экономистами как отдельный предмет теоретического исследования.

Методология экономического анализа субъектности индивида

Исследовательский подход экономической науки к изучению явлений и процессов в реальной действительности предполагает использование определенной теоретической модели как инструмента исследования. Важная особенность экономического анализа при этом состоит в том, что любая экономическая модель прямо или косвенно использует методологические допущения экономической модели человека, базовой предпосылкой которой была и остается предпосылка о рациональности. При этом под рациональностью экономисты в целом понимают решения или действия человека, соответствующие его предпочтениям и характеризующиеся улучшением его положения. Ключевым формальным критерием такого поведения является максимизация функции полезности – математической функции, отражающей предпочтения человека в отношении тех или иных благ и принимающей большие значения для тех благ, которые предпочтительнее с точки зрения индивида.

Наиболее удобным инструментом экономического анализа поведения человека принято считать обобщенную функцию полезности или так называемую модель *полной рациональности*, которая отражает прямую зависимость полезности от предпочтений. При таком подходе человек не способен совершать ошибки. Обладая полной информацией об имеющихся альтернативах, абсолютной памятью и вычислительными способностями, он точно учитывает свои предпочтения в предпринимаемых действиях. Все это не только противоречит реальным способностям людей, но и провоцирует исследователей к поиску эмпирических

опровержений «человека экономического», показывающих, что люди ведут себя не всегда линейно, максимизируя свою полезность в каждый момент времени.

За последние полвека в ходе прикладных исследований были обнаружены десятки «аномалий» в человеческом поведении, получившие название «когнитивных эвристик» или «когнитивных отклонений». Эти исследования показали, что люди способны переоценивать определенные альтернативы и недооценивать другие, несмотря на имеющиеся данные. Такие отклонения сложно вписать в рамки полностью рационального «человека экономического». Более того, за пределами этой теоретической модели остаются не только когнитивные эвристики, но и психологические аспекты поведения человека (например любовь, обида, зависть и т.д.), а также социальные переменные (альтруизм, справедливость, престиж и т.д.), которые порой могут полностью ограничить его абсолютно рациональное экономическое поведение.

Сегодня можно найти целый ряд альтернативных определений индивидуальной рациональности, которые либо смягчают базовые предпосылки модели полной рациональности, либо включают дополнительные. Все эти определения являются модификациями концепции «ограниченной рациональности» (*bounded rationality*), сформулированной в 1955 г. Г. Саймоном⁵, подразумевающей максимизацию индивидуального благосостояния в условиях ограниченных способностей человека, материальных ресурсов, временных рамок принятия решений, информации об альтернативах и т.д. Другими словами, в модели ограниченной рациональности индивидуальная полезность зависит как от получаемых благ, так и от индивидуальных особенностей человека и социальных условий, в которых он живет.

Концепция ограниченной рациональности потребовала от экономистов формулировки более широкой функции полезности. И таких функций за последние полвека было предложено множество: расширенные функции полезности Г. Беккера, К. Ланкастера, мета-функция полезности А. Сена, информационная функция полезности Дж. Харшаньи и многие другие.

Более корректная с описательной точки зрения концепция ограниченной рациональности позволила экономистам приблизиться в своих теоретических построениях к поведению человека в реальной действительности. Однако поиск решения проблемы соотношения теории и практики в экономическом моделировании человека через включение в функцию полезности все новых переменных в конечном итоге ставит перед исследователями фундаментальное препятствие: чем большее свойств охватывает модель, тем сложнее ее расчет и применение.

Вопросы вызывают и другие, не менее существенные методологические проблемы, характеризующие современный мейнстрим в экономическом моделировании человека.

Во-первых, до сих пор среди экономистов не существует четкого понимания, что представляет собой полезность, причем не только индивидуальная, но и общественная. Является ли полезность одной и той же для двух и более человек? Даже сами экономисты трактуют полезность индивида по-разному: то как

⁵ Simon H. A behavioral model of rational choice // Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69.

материальную переменную (деньги, богатство и т.п.), то как нематериальную (здоровье, свободное время и т.д.). Как следствие, сравнение поведения двух и более человек через единое понятие полезности выглядит по меньшей мере абстрактным.

Во-вторых, если понятие полезности у каждого человека индивидуально, то поведение людей вряд ли может быть исчерпывающе объяснено через единую для всех функцию полезности.

В-третьих, если понятие полезности и функция полезности у каждого человека свои, то исследователь как индивид с собственной функцией полезности и пониманием самой полезности, используя существующие экономические модели, никогда не сможет до конца понять и объяснить поведение другого человека.

В-четвертых, экономическое моделирование человека, базирующееся на предпосылке о рациональности, ограничено интеллектуально мотивированной деятельностью. Любая модель человека – это интеллектуально созданный объект. Следовательно, ни одна экономическая модель не способна до конца выявить суть тех процессов в жизнедеятельности человека, которые не связаны с работой его интеллекта. Любое действие человека, основанное не на работе человеческого разума (например, решения на основе эмоций, чувств и т.д.) противоречит предпосылке о рациональности. Такое поведение также может быть оценено наблюдателем как логическое и благоприятное для человека. Но «рациональность» такого поведения случайна, а результаты его анализа через призму экономических моделей произвольны.

Отмеченные проблемы важны как с методологической точки зрения, так и через призму вопроса эффективности экономического моделирования социальных процессов. Их решение – одна из ключевых методологических задач для экономической науки на современном этапе. В то же время, несмотря на эти проблемы, следует подчеркнуть, что именно экономический подход к моделированию человека делает экономическую науку одним из наиболее эффективных инструментов познания в общественно-научной сфере.

«Методологический индивидуализм» экономической науки

Если человек является основным субъектом социальных процессов для экономической науки, то логично предположить, что и в процессе экономической концептуализации международных отношений, методологические предпосылки экономической модели человека также будут иметь определяющее значение. Несмотря на то что экономическое измерение международных отношений пока остается без аксиоматического ядра с теоретической точки зрения, «методологический индивидуализм» экономической науки позволяет построить вполне непротиворечивую модель международных отношений.

Если абстрагироваться от существующих теоретических взглядов на международные отношения и попытаться дать максимально широкое определение последних, то международные отношения можно определить как *процессы взаимодействия между народами*. Однако это определение не будет жизнеспособным в современных условиях доминирования государственной модели общественного устройства, что требует его «уточнения» как *процессов взаимодействия, выходящих за рамки суверенных государств*. Другими словами,

акцент на государстве необходим и обоснован как его формальной (правовой) независимостью от действий любых других субъектов международных отношений, так и его институциональной свободой выбора пути собственного развития (политического, экономического и т.д.). В то же время в рамках этого определения субъектом (или участником) международных отношений могут быть признаны не только суверенные государства, но и негосударственные структуры (транснациональные корпорации, неправительственные организации, террористические группы и т.д.), а также любой индивид, последствия решений (деятельности) которого не ограничены одним государством⁶.

Использование «методологического индивидуализма» экономической теории в рамках данного выше определения международных отношений не означает дальнейший акцент на человеке как главном, а то и единственном субъекте международных отношений. Напротив, все субъекты международных отношений должны рассматриваться как субъекты, действия которых являются проекцией решений отдельных индивидов. Другими словами, использование методологии экономической науки применительно к международным отношениям позволяет выделить как минимум *три уровня субъектов международных процессов*:

- уровень отдельных индивидов (людей);
- уровень групп индивидов (группы интересов, бизнес-структуры; неправительственные организации);
- уровень суверенного государства (национальные правительства, межправительственные организации).

При этом два последних уровня субъектов международных отношений могут быть рассмотрены либо как агрегированный результат коллективной деятельности человека (микроэкономическое моделирование), либо как экономические системы (макроэкономическое моделирование).

Как было рассмотрено выше, согласно экономической науке, природа любого индивида или субъекта, действия которого являются производными от человеческих решений, рациональна и является проявлением системы предпочтений, присущей рассматриваемому субъекту. При этом при рассмотрении того или иного рационального субъекта стоящая перед ним задача обычно сводится к максимизации степени удовлетворения индивидуальных предпочтений, а сами предпочтения формируются как оценка индивидом тех или иных благ (материальных или нематериальных) по сравнению с другими благами как более или менее необходимых. Последнее ведет к тому, что предпочтения выступают критерием отбора в процессе выбора человека между доступными ему альтернативами.

Международные отношения, с экономической точки зрения, будут иметь аналогичную рациональную природу. Как процесс взаимодействия субъектов, действия которых являются результатом человеческих решений, они характеризуются принципом субъективной рациональности: действия участников направлены на получение результатов, которые максимально соответствуют их

⁶ Дж. Розенау рассматривает индивидов как субъектов международных отношений. *Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, 1990.

предпочтениям. Базовые экономические аспекты участников международных отношений могут быть при этом определены следующим образом:

- *потребности* – спрос субъекта международных отношений (индивида, группы индивидов, суверенного государства или негосударственной структуры) на то или иное благо;
- *возможности* – материальные ресурсы (например, человеческий потенциал, наличие тех или иных природных ресурсов, финансовые возможности и др.) и нематериальные ресурсы (например, членство в международной организации) субъекта международных отношений;
- *окружающие условия* – геополитическое и геоэкономическое положение субъекта международных отношений.

Поскольку все субъекты международных отношений уникальны по своим характеристикам (потребностям, возможностям и окружающим условиям), то отличия потребностей, материальных и нематериальных ресурсов, которыми располагают участники международных отношений, а также их геополитического и геоэкономического положения ведут к формированию различных предпочтений. Их содержание на практике принимает форму официальных формулировок государственных (если одной из сторон является суверенное государство или межгосударственная организация) или частных (индивиды, группы индивидов, транснациональные корпорации и т.д.) интересов. Если интересы взаимодействующих субъектов международных отношений являются комплементарными (то есть объект интересов является частным благом), то отношения между ними будут рыночными и определяться спросом и предложением на данное благо. Такие процессы в академической литературе принято относить к сфере *мировой экономики*. Если интересы субъектов международных отношений характеризуются частичным или полным взаимоисключением и имеет место конфликт интересов, то международные отношения не будут рыночными и будут требовать согласования интересов взаимодействующих субъектов. Такие процессы принято относить к сфере *мировой политики*.

Отличия предпочтений участников международных отношений – предпосылка к возникновению конфликта интересов при их взаимодействии. Поскольку международные отношения – одна из сфер человеческой деятельности, то, как и в других сферах деятельности людей, принцип рационального принятия решений требует от субъектов международных отношений согласования интересов путем урегулирования взаимных прав и свободы действий в отношении объекта конфликта. В условиях, когда объектом интересов участников международных отношений выступают какие-то материальные или нематериальные блага, результатом любых соглашений в международных отношениях будет процесс перераспределения данных благ в более выгодную (предпочитаемую) для взаимодействующих субъектов сторону.

В конечном итоге наиболее эффективным решением любого конфликта интересов в международных отношениях будет, с экономической точки зрения, достижение конфликтующими сторонами определенного согласия о взаимных правах в отношении каких-то благ и свободе действий в отношении этих благ. Последнее позволяет взаимодействующим сторонам снизить издержки и перейти на более эффективный уровень взаимодействия.

Таким образом, человеческое измерение международных отношений с позиций «методологического индивидуализма» экономической науки позволяет констатировать, что международные отношения – это прежде всего процессы взаимодействия, которые имеют место между отдельными субъектами, действия которых являются проекцией человеческих решений. Последствия этих процессов могут затрагивать и других участников международных отношений, однако их характер определяется преимущественно интересами взаимодействующих сторон. Фундаментальными свойствами международных отношений при этом являются следующие:

- субъекты международных отношений имеют разные интересы как следствие их неравного положения (потребностей, возможностей и внешних условий), что ведет к конфликту интересов между ними;
- следствием наличия конфликта интересов между субъектами международных отношений является процесс перераспределения благ между ними;
- субъекты международных отношений в конечном итоге заинтересованы в согласовании своих интересов, поскольку институционализация международных отношений позволяет достигать более выгодных для каждого распределения благ.

Конфликт интересов, процессы перераспределения и институциональный процесс свойственны любому международному процессу взаимодействия. Сами же международные отношения при этом могут иметь либо экономический (рыночный) характер (если интересы взаимодействующих сторон комплементарны), либо политический (если интересы характеризуются частичным или полным взаимоисключением). В последнем случае взаимодействие субъектов международных отношений будет требовать согласования их интересов, то есть создания международных институтов.

Влияние внешнеполитических концепций японских премьер-министров на развитие отношений КНР и Японии

Современные китайско-японские отношения развиваются как одна из наиболее динамичных систем двусторонних связей в Тихоокеанской Азии. Однако, по мнению многих политиков и экспертов, они не лишены противоречий, связанных с «разницей температур» в экономических и политических отношениях Китая и Японии: в экономике – «тепло», а в политике – «холодно». В 2000-е годы китайско-японские экономические отношения развивались в направлении роста взаимозависимости экономик двух стран. Политические контакты, омрачаемые рядом традиционных и вновь возникших проблем, имели неровную динамику. Одним из важных факторов, тормозящих политический диалог между двумя государствами, была частая смена премьер-министров и правительств Японии. С 2001г. по 2013 г. в Японии сменилось 8 премьер-министров. «Климат» китайско-японских отношений менялся в зависимости от позиции каждого нового японского правительства по ключевым вопросам двусторонних связей. Причем каждое правительство стремилось продемонстрировать свою способность к выдвижению новых подходов к решению старых проблем, а каждый новый премьер предлагал свои концепции развития японо-китайских отношений.

Начало XXI в. было отмечено ростом не только экономического и политического сотрудничества, но соперничества Китая и Японии. В ответ на активизацию торгово-экономических и политических контактов между Китаем и странами АСЕАН, премьер-министр Японии Дзюнитиро Коидзуми выступил с концепцией создания Восточноазиатского сообщества, ядром которого должны были стать страны АСЕАН и Японии. Японским интересам в этот момент отвечало не столько сдерживание растущего влияния Китая, сколько противопоставление ему собственного присутствия в регионе. В то же время, нужно было не допустить изоляции Китая, включив его в формат нового сообщества. Для достижения данной цели правительство Коидзуми выдвинуло более широкую концепцию сообщества, предполагающую включение в него помимо стран, входящих АСЕАН, а также Японии, Республики Корея и КНР еще и Австралии, Новой Зеландии и Индии. Наряду с Японией, Австралия, являющаяся военным союзником США, а также Индия, как противовес Китаю, должны были уравновесить китайскую растущую экономическую мощь и политическое влияние. Несмотря на то, что Китай не протестовал собственно против создания расширенного формата такого сообщества, сама инициатива Японии шла вразрез с китайскими концепциями развития восточноазиатского регионализма, которые базировались на развитии формата «АСЕАН плюс 3» (АСЕАН, КНР, Япония и Республика Корея).

В период пребывания у власти правительства Коидзуми произошло «охлаждение» китайско-японских политических отношений. Виной тому недовольство властей Китая японской ориентацией на укрепление японо-американского альянса, а также политико-пропагандистскими выступлениями премьер-министра Японии, в которых усматривалось неуважение к национальным

* *Вода Кристина Рудольфовна* – младший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

чувствам и историческому сознанию народа Китая. Особенно болезненно китайское руководство и общество воспринимали попытки оправдать преступления, совершенные японской армией во время Второй мировой войны. Китайские официальные лица осуждали ежегодные посещения премьер-министром храма Ясукуни (букв. «храм умиротворенной страны») – синтоистского святилища, посвященного японским воинам, который традиционно является местом паломничества националистов. Коидзуми совершал визиты в храм Ясукуни на протяжении всего времени своего пребывания у власти (с 2001 по 2006 гг.). Руководство КНР осуждало эти ритуальные действия, и вынуждено было пойти на сокращение правительственных контактов. Несмотря на то, что еще в октябре 2001 г. Д.Коидзуми нанес официальный визит в Китай, в ходе его правления ни председатели, ни главы Госсовета КНР не посетили Японию. Лидеры стран продолжали проводить встречи на различных многосторонних форумах, однако, в сентябре 2006 г. Китай отменил трехсторонний саммит лидеров Китая, Японии и Южной Кореи, после того, как премьер-министр Японии посетил храм Ясукуни в шестой раз.

Именно в период пребывания у власти в Японии правительств Коидзуми произошел рост антияпонских настроений в Китае. Инциденты с посещением премьер-министром храма Ясукуни, столкновения судов в районе спорных территорий в Восточно-Китайском море, скандалы с участием японских граждан в Китае вызывали недовольство китайской общественности. Оно получало политическое выражение в сборах подписей в китайском Интернете против японских действий, призывах к бойкоту японских товаров и, наконец, массовых уличных выступлениях жителей крупнейших китайских городов. Китайские политологи отмечали, что, несмотря на развитие экономических связей, период правления Коидзуми был наихудшим для китайско-японских отношений со времен их нормализации

Политические контакты на высшем уровне между Китаем и Японией возобновились с приходом на пост премьер-министра Синдзо Абэ. Именно он выдвинул концепцию взаимовыгодных отношений между Японией и Китаем, основанных на стратегических интересах обеих стран. Первый визит Абэ в Китай в октябре 2006 г. был назван в СМИ «разбившим лед» в отношениях между двумя странами. За ним последовали «растопивший лед» визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Токио в 2007 г. Уже после отставки Абэ состоялась поездка председателя КНР Ху Цзиньтао в Токио в 2008 г., названная «принесшей весну».

Несмотря на то, что во время пребывания на посту премьер-министра Абэ (09.2006 – 09.2007) произошло улучшение китайско-японских отношений, его подход к развитию связей с Китаем был сугубо прагматическим. Абэ так формулировал свою позицию: «...Дружба не может решить все вопросы. Дипломатия основывается на интересах государств. Отношения, в которых сохраняются взаимные интересы - это взаимовыгодные отношения».¹ При этом большое внимание Абэ уделял проведению «дипломатии, основанной на общих ценностях», которые у КНР и Японии были различными. Именно в этот период были сформулированы и получили реализацию идеи Таро Асо – министра иностранных дел в правительстве Абэ,

¹ Интервью с премьер-министром Японии С.Абэ // Bungei Shunshu. 2007. May. P.104.

ставшего затем премьер-министром Японии. Асо выступил с концепцией создания «Арки свободы и процветания», куда входят рыночные демократии – Япония, РК, страны АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия, Индия. Союзниками Японии в строительстве «Арки» назывались также США, ЕС и НАТО. Премьер-министр Абе призывал к развитию стратегических отношений с Индией и Австралией, называя эти демократические страны естественными союзниками Японии. В результате Япония подписала с Индией и Австралией соглашения о сотрудничестве в области безопасности. Несмотря на заявление лидеров стран о том, что их соглашения не направлены на какую-либо страну, в китайской политологической литературе стали появляться опасения о создании четырехстороннего союза между Японией, США, Индией и Австралией, целью которого – сдерживание растущего влияния Китая.

Ясуо Фукуда, сменивший Абэ на посту премьер-министра (09.2007 – 09.2008), поддержал идею о «взаимовыгодных отношениях, основанных на стратегических интересах», но отказался от концепции «дипломатии, основанной на общих ценностях». Взамен Фукуда выдвинул свою «Азиатско-Тихоокеанскую стратегию», в которой предложил сделать «Тихий океан внутренним морем», где отношения между странами (Японией, Китаем, Россией, странами АСЕАН, РК, США, Австралией и Новая Зеландией и даже КНДР) будут развиваться на основе открытости и сотрудничества по общим проблемам. Что касается китайско-японских отношений, Фукуда был сторонником дружбы между странами, которая, по его мнению, могла бы принести мир и стабильность в Тихоокеанскую Азию. Однако в Китае понимали изменчивость и нестабильность японской внешней политики на китайском направлении из-за частой смены политических лидеров в Японии. Китайские эксперты и руководители продолжали настороженно относиться к ее новым поворотам. В период пребывания Фукуда на посту премьер-министра прошли наиболее успешные встречи лидеров Японии и КНР. В декабре 2007 г. Фукуда совершил визит в Китай, где помимо встреч с руководством страны посетил Пекинский университет, а также город Цюйфу – родину Конфуция. Фукуда не раз заявлял о важности тесного сотрудничества между Китаем и Японией, а также укрепления взаимопонимания на основании общей культуры и долгой истории политических контактов.² Во время пребывания президента КНР Ху Цзиньтао в Токио 7 мая 2008 г. стороны выступили с совместным заявлением о том, что «взаимовыгодные отношения, основанные на общих стратегических интересах», лежат в основе китайско-японских отношений.³

30 августа 2009 г. в Японии произошла историческая смена власти: на выборах в нижнюю палату парламента убедительную победу одержала Демократическая партия, сменив правившую почти полвека Либерально-демократическую партию. Программа партии предлагала изменение внешней политики Японии: отказ от односторонней ориентации на США и укрепление политических отношений со странами Азии, прежде всего, с Китаем. В декабре 2009 г. состоялся визит в Китай 600 японских парламентариев и бизнесменов,

² Jiangyong L. China-Japan Strategic and Mutual Beneficial Relationship and Asia's "Sea-land Peace and Cooperation" // International Review. 2008. P. 10. (www.siis.org.cn)

³ Joint Statement between the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China on Comprehensive Promotion of a "Mutually Beneficial Relationship Based on Common Strategic Interests." Tokyo. 07.05.2008. (www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint0805.html).

возглавляемых Итиро Одзава – генеральным секретарем Демократической партии, известным своими прокитайскими взглядами. Широкий резонанс вызвал и визит в декабре 2009 г. в Японию Си Цзиньпина – преемника Ху Цзиньтао на посту председателя КНР. Тогда минуя официальный протокол, Одзава устроил Си Цзиньпину встречу с императором Японии. Эта встреча символизировала наивысшее проявление доверия и дружественных отношений между странами.

Особый интерес в КНР вызывала и оригинальная внешнеполитическая концепция нового премьер-министра Японии Юкио Хатояма. Он считал, что внешняя политика Японии, а также всех «маленьких и средних государств Восточной Азии» в новой международной обстановке, когда мощь США снижается, а КНР растет, должна опираться на принцип «уаи» - братства между государствами, стремящихся к мирному устойчивому развитию.⁴ Основываясь на этой концепции, Хатояма призвал создать Восточноазиатское сообщество, главными членами которого должны были стать Япония, Китай, Южная Корея и десятка АСЕАН: «Выдвинув свою инициативу, я предполагаю, что страны, разделяя общие взгляды, будут развивать сотрудничество в различных областях... на основании принципа «открытого регионального сотрудничества»... посредством чего регион превратится в многослойную систему функциональных сообществ». Тем не менее, данные предложения Демократической партии нельзя назвать новаторскими, так как они входили в программы предшествующих правительств, отражая объективную потребность Японии в расширении присутствия на азиатских производственных площадках и рынках. Заявив о намерении создать Восточноазиатское сообщество, новое правительство Японии так и не сумело предложить программу решения внутренних противоречий, препятствующих полноценному японскому участию в подобном проекте, таких как проблема либерализации сельскохозяйственного рынка, а также допуска в Японию иностранной рабочей силы.

Правительство Хатояма было вынуждено уйти в отставку уже в июне 2010 г. из-за снижения рейтинга, вызванного коррупционными скандалами с участием верхушки партии, а также ухудшением отношений с США, в том числе из-за прокитайской риторики лидеров Японии. Пришедшее на смену Хатояма в июне 2010г. правительство премьер-министра Наото Кана стремилось сохранить достижения предыдущего кабинета и укрепить отношения с Китаем. Однако осенью 2010 г. после столкновения китайского рыболовного судна с катерами Морских сил самообороны Японии, японские власти на 16 дней задержали капитана китайского судна. Это вызвало резкую реакцию со стороны Китая, за которой последовало прекращение официальных контактов между странами. Были приостановлены встречи на высшем уровне, прекращены консультации между министерствами. Китайские граждане опять вышли на демонстрации, протестуя против действий Японии. Очевидно, что за громкими пропагандистскими действиями Демократической партии не последовало сколько-нибудь серьезной программы по улучшению оснований китайско-японских отношений. Так что они были вновь отброшены назад, из-за обострения застарелой проблемы споров по поводу акваторий Восточно-Китайского моря.

⁴ *Hatoyama Y. A New Path for Japan. // The New York Times. 27.08.2009.*

В период работы правительства Ёсихико Нода (30.08.2011-26.12.2012) в японо-китайских отношениях сохранялось несоответствие состояния политических отношений уровню развития экономических связей. Возвращение на пост премьер-министра С.Абэ может принести здесь новые тенденции.

В 2000-е – начале 2010-х годов лидерам Китая и Японии удавалось разделять экономическую и политическую сферы двусторонних отношений, наращивая экономическое взаимодействие вне зависимости от политического климата. Однако по мере развития взаимозависимости между экономиками Японии и Китая, политические столкновения в сферах, где их интересы не совпадают, не прекратились. Бизнес обеих стран заинтересован больше политиков в том, чтобы новые лидеры Китая и Япония приложили усилия к развитию дружественных контактов на разных уровнях и к решению проблем двусторонних отношений.

Фактор У.Чавеса: поляризация политических позиций

Цель данной статьи показать важность человеческого фактора в создании дискурсивных практик и в формировании идейно-психологических компонент социально-политической реальности. Прежде всего, речь идет о политических лидерах, чье поведение, не только оказывает влияние на внутривнутриполитические процессы внутри стран, но и на систему международных отношений. Дискурс понимается здесь как совокупность повседневных практик (языковых, культурных, социальных). Дискурс – это, в частности, инструмент, с помощью которого адресуются сообщения от одних социальных и политических субъектов другим. Исследование политического дискурса важно потому, что он может принадлежать одному индивиду и, таким образом, представляет интерес с точки зрения того, как именно индивид использует некоторые лингвистические и психологические средства.

В случае с Венесуэлой, которая на протяжении десятилетий была политически стабильна, являлась оплотом представительной демократии, имела обширный средний класс, богатые природные ресурсы, стабильные доходы можно предположить, что дискурс был достаточно стабилен. Однако ее история знала и кризисы и, как следствие, радикальные смены политического дискурса. Самые серьезные трансформации в стране были связаны с Освободительной Революцией, принятием Пакта «Пунто-Фихо» и рождением демократии, а также с военным переворотом 1992 г.

Правление партии Демократическое действие (АД) и Социал-христианской партии (КОПЕИ) на протяжении сорока лет формировало демократический политический дискурс. Партии поочередно передавали друг другу бразды правления страной. С течением времени такая двухпартийная система серьезно ослабла, а демократия была дискредитирована в глазах общественности. Произошел переворот 1992 г. Эту дату и можно считать началом формирования нового дискурса власти. Переворот показал кризис демократических властных институтов, а победа У.Чавеса на выборах 1998 года – это следствие таких изменений¹.

Рассматривая политический дискурс У.Чавеса, необходимо отметить, что его дискурсивные практики реализовывались в трех различных аспектах: идеологическом, семантическом и поведенческом. Идеологический аспект дискурса – концепция «спасения нации» и конкретные «рецепты» по улучшению ситуации, а также толкование своего политического курса как единственно прогрессивного. Идеологию дополнял дискурс семантический. К нему мы можем отнести то, как субъект (в данном случае Чавес) в публичных выступлениях характеризует своих оппонентов. Самое главное здесь для Чавеса – постоянное повторение идеи о «сломе» старой политической системы и создании новой, а также эмоциональная критика оппонентов. Кроме того, отличительная черта – это использование своеобразной лексики, специальных литературных приемов, в особенности гипербола и метафор.

Чавес применял известные семиотические коды, например, описание объекта или ситуации таким образом, чтобы в сознании слушателей описываемому объекту

* *Русакова Татьяна Юрьевна* – кандидат политических наук, научный сотрудник ИЛА РАН.

¹ *Bolívar A. Discurso y democracia en Venezuela // Discurso y sociedad. 2003. Vol. 4. P. 110.*

присваивался определенный образ². Например, образ овцы использовался как символ трусости, образ сердца как символ любви, меча как символ справедливой борьбы. С помощью этих риторических приемов Чавес создавал свой собственный неповторимый политический язык. Это было удачной находкой для взаимодействия с выбранной им социальной базой для установления и укрепления своего режима.

Избегая говорить обтекаемыми неясными формулировками, Чавес никогда не использовал абстрактных понятий и высказываний. Он старался, чтобы его речи мгновенно достигли нужной аудитории и вызвали яркую реакцию, позитивную или негативную. Например, Венесуэлу в период руководства его политических оппонентов – партий АД и КОПЕИ, он называл страной, «страдающей гангреной», политическую систему – «агонизирующей, умирающей системой, не имеющей шансов на выздоровление», проводимый ими политический курс – «движением корабля без капитана». Даже Основной закон страны был назван Чавесом «умирающим», когда он приносил присягу старой Конституции³. Причиной «смерти» назывались политические оппоненты, в данном случае – АД и КОПЕИ. Их пребывание у власти, по словам Чавеса, вылилось в коррупцию, обман и разложение властных институтов⁴. Риторика Чавеса не только обличала его соперников, но и подводила аудиторию к единственному выходу из сложившегося кризиса. «Рецептом спасения» он называл созыв Национальной Конституционной Ассамблеи (НКА). Ее создание – было реализацией намерения Чавеса перекроить всю политическую систему Венесуэлы и создать совершенно новые, чистые властные институты. Он дал понять обществу, что сам является агентом властной реконструкции: «Я придам импульс коллективному движению..., чтобы мы решили серьезные проблемы страны»⁵.

Свою риторику Чавес адресовал бедным слоям общества. Его дискурс, действия и направленность риторики давали ему возможность одновременно играть и роль агента социально-политических изменений, и роль простого человека из народа. Поэтому в дискурсе Чавеса неоднократно затрагивается тема бедности, маргинальной части социума, людей, которые оказались на обочине гражданского общества. Такое частое упоминание им темы бедности и несправедливости не случайно. Именно опираясь на бедняков, Чавес впоследствии будет укреплять свой политический режим, создавая ему социальную базу под предлогом расширения участия в политической жизни страны именно этого социального слоя.

С идеологической точки зрения, Чавес обязан был предложить путь выхода из кризиса, с семантической, главная цель его дискурса – дискредитировать и лишить легитимности предыдущие политические режимы.

В арсенале лингвистических практик Чавеса также сохранялось использование гипербол, отсылка к религиозным темам (обычно – библейским), активное использование спортивной лексики. Например, он говорил: «Мы непобедимы, пока с нами Бог. Четыреста лет наша родина стоит на коленях. Кто поможет ей подняться?» Будучи ярым поклонником бейсбола, когда-то всерьез

² Méndez A. Democracia y discurso político: Caldera, Pérez y Chávez. Caracas, 2004. P. 156.

³ Chávez Frías H. Discurso de toma de posesión. 02.02.1999. www.analitica.com/Bitblibio/hchavez/toma.asp.

⁴ Ibid.

⁵ Barrero Tyska A., Marcano C. Hugo Chávez sin uniforme. Mexico, 2006. P. 238.

помышлявшим о спортивной карьере, Чавес щедро разбавлял свои речи специфическим лексиконом бейсболистов. В Венесуэле бейсбол – один из самых любимых видов спорта. Подобная фразеология также является верной стратегией приближения «к народу»⁶.

Профессия Чавеса также наложила отпечаток на его последующий политический лексикон, в котором много военных профессионализмов. Например, его президентская кампания была построена таким образом, как будто бы имелась конфронтация между двумя армиями, ведущими войну за независимость. Такой же дискурс использовался и после его вступления в должность президента: «Нужно дать им бой, пусть будут готовы те, из другого лагеря, потому что мы дадим им бой... На поле битвы будут две группировки, те, которые хотят изменений в своей стране и те, которые хотят катастрофы – с другой стороны. Те, которые хотят, чтобы катастрофа продолжалась... пусть поднимут руки и признают свое поражение»⁷. Некоторые венесуэльские исследователи, анализируя нарративную структуру его высказываний, выделяют концептуальные темы: «герой», то есть сам Чавес, «жертва» – народ и «антиподы героя» – оппозиционеры, старая политическая система⁸.

Кроме того, для языка Чавеса была характерна персонализация политики. Можно было часто встретить упоминания национальных символов, и сама риторика Чавеса обильно сдабривалась цитатами из речей С. Боливара. Чавес использовал авторитет выдающегося лидера в качестве фундамента своей деятельности, отождествляя тем самым себя с ним⁹. Он стремился показать электорату, что его мнения, стратегии, видение ситуации и т.д. совпадают с ценностями венесуэльцев. Поэтому некоторые реформы и теоретические концепции – это последствия применения Чавесом проектов, о которых мечтали национальные герои. Например, в таком качестве выступала идея о необходимости создания моральной ветви власти, о которой когда-то говорил Боливар. В аналогичном ключе использовался концепт о необходимости объединения армии с народом – Чавес опирался на авторитет народного освободителя Э. Самора.

Чавес был очень убедителен, когда говорил о культурных ценностях и история отечества. Он взывал к боливарианским ценностям, к ценностям независимой Венесуэлы и к аргументам ее освободителей – за счет этих высказываний он представлял свою стратегию избирателям.

Персонализация политических идей Чавеса осуществлялась не только за счет отсылок к Боливару, как к реально существовавшему лицу, но и поддерживалась с помощью упрощенных моделей интерпретации аналитических схем и идеологических принципов. Он стремился свести их к действиям самого лидера, к самому себе. Его дискурс формировался в качестве серии лингвистических элементов, воплощенных в риторике следующим образом:

- представление страны как деградирующего организма, нуждающегося в принципиально ином правительстве;

⁶ Bolívar A. Discurso y democracia en Venezuela // Discurso y sociedad. 2003. Vol. 4. P. 39.

⁷ El Nacional. 31.03.1999.

⁸ Krauze E. El Poder y el Delirio. México, 2008. P. 167.

⁹ Gott R. In the shadow of the liberator: Hugo Chávez and the transformation of Venezuela. L., 2000.; Gott R., Bartoli G. Hugo Chávez and the Bolivarian Revolution. L., 2005.

- описание характеристик героя-спасителя;
- сравнение своих политических действий с действиями исторических личностей, играющих роль национальных героев в Венесуэле;
- характеристика особых отношений, которые сближают государство, народ и правителя друг с другом, превращая их единое целое.

Представление в позитивном ключе собственной фигуры, а также негативное описание своих оппонентов было характерным для Чавеса. Оно наблюдается как в выборе понятий, так и в лексических полях. Например, в лексическом поле идеи «восстановления» Чавес ссылаясь на конституцию, а также на сам процесс «создания основ новой Венесуэлы». Негативное отражение господствовавшей политической системы – это лексическое поле идеи «разрушения». Главные виновники бед страны – это политические партии АД и КОПЕИ, а также еще две ветви власти – законодательная и исполнительная. Созданный Чавесом дискурс имел влияние не только на внутривластные процессы, но и на внешнеполитический курс страны. Он содержал в себе мощное конфликтогенное начало, вызывавшее противоречия со странами-соседями.

В течение правления У. Чавеса шел поиск нового властного дискурса и утверждение через него принципов пропаганды лидера абсолютно нового типа, не имеющего ничего общего с лидерами демократических партий, стоявших у руля страны на протяжении 40 лет. Решающим здесь был 2007 г., который ознаменовался изменениями в курсе У. Чавеса – сдвигом его резко влево. В их основе лежала радикализация идей «партиципативной демократии» и создание правительственной партии Единой социалистической партии Венесуэлы (ПСУВ). Когда устойчивость режима Чавеса в 2010-е годы оказалась под вопросом, а сам он заболел, изменилась и его риторика. Например, агрессивный лозунг «Родина-социализм или смерть» сменился на более примирительную формулировку: "Выживем и победим". После операции и проведенного лечения Чавес взывал к единству и солидарности в рядах своих соратников перед грядущими президентскими выборами. Это был призыв сплотиться вокруг его фигуры, неординарной мессианской личности, достойная альтернатива которой отсутствует. В его речах в тот период проскальзывало, что ему нужно учиться делегировать полномочия. Каков будет политический дискурс Венесуэлы после Чавеса – будет ясно уже в ближайшие 2-3 года.

Национальные и международные аспекты формирования европейской идентичности

*Кузнецов А.В.**

Языковые барьеры в Европейском Союзе

Уже многие годы ЕС демонстрирует пример успешной интеграции большого числа стран, населенных разными народами. Однако формально существующая в ЕС свобода движения товаров, услуг, капиталов и людей часто наталкивается на неформальные межстрановые барьеры. Это ярко проявилось в условиях последнего мирового экономического кризиса, когда разброс, например, в уровне безработицы между 27 странами ЕС стал многократным, что говорит о больших сложностях перемещения основной массы работников из одной страны в другую. Так, если в IV кв. 2012 г. в среднем по ЕС-27 безработица была 10,7%, то в Германии, Австрии, Люксембурге и Нидерландах – меньше 6%, зато в Греции и Испании – больше 26%, Португалии – 17%, Ирландии, Словакии и Латвии – свыше 14%¹. В этом повинны регулирование национальных рынков труда и разные системы образования в странах-членах, но нельзя упускать из виду также языковые барьеры. Языковое разнообразие справедливо охраняется в ЕС, но оно же оказывается серьезным препятствием для функционирования единого экономического пространства ЕС.

Языковое разнообразие в ЕС

До вступления в июле 2013 г. Хорватии в ЕС в интеграционной группировке использовались 23 официальных языка. Их перечень определяется набором официальных языков стран-членов². В результате среди официальных языков ЕС есть, например, такой «редкий» язык, как мальтийский (его знают 0,4 млн. чел. из более чем 500-миллионного населения ЕС). Наряду с официальными в ЕС широко употребляются так называемые региональные языки (ранее часто относимые к диалектам), языки местных национальных меньшинств (некоторые получили официальный статус в отдельных провинциях), а также языки мигрантских общин.

Несмотря на рост с начала 1990-х гг. внимания в ЕС к региональным языкам и языкам меньшинств, число которых превышает 60, источники статистической информации о языковом разнообразии довольно скудные. Можно выделить три типа источников – национальные переписи, аналитические работы по отдельным языкам и общеевропейские опросы о владении жителями ЕС различными языками. К сожалению, в переписях населения, которые могли бы давать наиболее достоверную и полную информацию, далеко не во всех странах должное внимание уделяется ре-

* *Кузнецов Алексей Владимирович* – член-корреспондент РАН, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

¹ Basic figures on the EU. Summer 2013 edition / Eurostat. P. 5 (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

² Правда, при наличии 2-3 языков страна может предложить ЕС в качестве официальных не все. Так, люксембургский язык, хотя и получил в Люксембурге в 1984 г. статус официального (наряду с французским и немецким), официальным языком ЕС не стал. Ирландский гэльский получил такой статус спустя почти четверть века после вступления в ЕС Ирландии, где он уже давно стал государственным наряду с английским.

гиональным языкам. Необходимо учитывать, что их носители обычно свободно владеют и государственным языком (то есть по меньшей мере двуязычны), пользуясь родным языком главным образом в быту. К тому же многие региональные языки и языки меньшинств сильно притеснялись на стадии формирования национальных государств, особенно в XIX – первой половине XX вв. Отчасти лишь углубление европейской интеграции, когда страны передали часть суверенитета на наднациональный уровень, позволило получить больше самостоятельности регионам, в том числе в языковой сфере³.

Вместе с тем ЕС имеет ограниченные возможности проведения собственной языковой политики и связанной с нею образовательной политики. Прежде всего ЕС стремится расширять многоязычие, побуждая страны-члены к массовому преподаванию иностранных языков (в том числе официальных языков ЕС). Кроме того, ЕС выполняет важную информационную функцию – в частности, с 1992 г. им инициирована программа углубленного исследования региональных языков и языков меньшинств «Евромозаика». На сайте этой программы, например, можно получить детальную информацию о географическом распространении этих языков, их истории и современном статусе, возможностях изучения, использования в СМИ, искусстве и других сферах. В частности, именно этот ресурс сообщает, что главным образом во Франции живут примерно 6 млн. носителей окситанского (провансальского) языка, что ставит его в двадцатку наиболее распространенных в ЕС⁴.

Что касается общеевропейских исследований, то они проводятся редко. Так, Евростат до сих пор в качестве самых свежих приводит данные об уровне владения разными языками для 2007 г. Ценность этого ресурса заключается в данных о некоторых региональных языках и языках меньшинств (главным образом в Испании). При этом по странам ЕС и почти 40 языкам вычленены сведения о доле лиц, владеющих ими в качестве родного. Эти данные лишь частично обновлены в ходе очередного опроса Евробарометра в 2012 г., в котором участвовали только 26,8 тыс. чел., что не позволило определить роль региональных языков и языков меньшинств (если доля носителей того или иного языка в стране меньше 1%). Правда, социологов интересовали другие вопросы, прежде всего связанные с отношением жителей ЕС к изучению иностранных языков, куда были зачислены и языки меньшинств, представляющих титульные народности других стран (но учитывалось и владение вторым местным языком)⁵.

На основе данных 2012 г., скорректированных с учетом сведений о региональных языках и языках меньшинств 2007 г., нами определены самые распространенные в ЕС языки. Несмотря на стремительное проникновение английского во все сферы жизни под давлением глобализации, в той или иной степени им владеет менее 60% населения ЕС (см. табл. 1). Значительные позиции сохраняют французский, немецкий и испанский языки, на которых говорит основная часть населения нескольких стран и которые по-прежнему активно изучают в качестве иностранного языка жители других членов ЕС. Позиции итальянского, польского и нидерландского (фла-

³ *Trenz H.-J.* Reconciling diversity and unity: Language minorities and European integration // *Ethnicities*. 2007. №2. P.157-185.

⁴ The Euromosaic study (<http://ec.europa.eu/languages/euromosaic/>).

⁵ Europeans and their languages // *Special Eurobarometer 386*. June 2012. P.19 (<http://ec.europa.eu>). Предыдущий опрос проводился в 2005 г.

мандского и голландского диалектов) объясняются прежде всего большой численностью населения соответствующих стран.

В группу лидеров попадает также русский язык, причем по трем причинам. Во-первых, в ряде стран есть заметные по численности местные русские меньшинства. В Эстонии и Латвии русский вообще знает больше населения, нежели официальные языки (в 2007 г. соответственно 93% против 88% и свыше 98% против 95,5%, при том что родным он являлся для 35% жителей Эстонии и 37% жителей Латвии⁶). Во-вторых, русский учили и учат как иностранный, особенно в славянских странах. В целом по ЕС русский как иностранный на 5-м месте, но в Словакии в 2007 г. им владели почти 48% населения, а Польше и Болгарии – по 42%. Для сравнения: немецкий в той или иной степени знали 31% словаков, 18% поляков и 10% болгар, а английский – 30% словаков, 25% поляков и 21% болгар. Наиболее распространенный из иностранных языков в Словакии был, однако, чешский (почти 64% жителей, при том что родным он является у 1%). Правда, опрос Евробарометра 2012 г. показал заметное падение числа людей, хорошо говорящих по-русски. В-третьих, в ряде стран ЕС уже значительны общины русскоязычных мигрантов. Так, в Германии в 2007 г. 3,3% населения родным назвали именно русский (впереди только немецкий – 85,7%, а также турецкий – 3,6%), на Кипре – 2,1% (впереди греческий и английский), в Греции и Болгарии – по 1,6%, Финляндии – 0,6%⁷.

Таблица 1. Наиболее распространенные языки ЕС в 2012 г.

Язык	Владение языком, млн. чел.	Доля жителей ЕС, %	Родной язык, млн. чел.	Очень хорошо знают ⁸ , млн. чел.	Страны, где язык родной или его очень хорошо знают более 1 млн. чел. (в порядке убывания)
Английский	290	57,7	60	70	Великобритания, ФРГ, Италия, Нидерланды, Польша, Ирландия, Греция, Швеция и еще 10 стран
Французский	174	34,5	66	14	Франция, Бельгия, Италия, ФРГ, Великобритания
Немецкий	168	33,4	80	17	ФРГ, Австрия, Франция, Нидерланды, Польша
Испанский	116	23,0	39	18	Испания, Франция, Италия
Итальянский	88	17,5	61	4	Италия, Испания
Польский	46	9,1	40	0,6	Польша, ФРГ, Великобритания
Русский	43	8,5	5	6	ФРГ, Польша, Великобритания, Латвия
Нидер-	29	5,8	22	1,9	Нидерланды, Бельгия, ФРГ

⁶ По данным Евробарометра за 2012 г. русский назвали родным лишь 19% жителей Эстонии и 27% жителей Латвии. См.: Special Eurobarometer 386. June 2012. P.11.

⁷ Интерактивные таблицы Евростата – Language knowledge (self-reported) (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

⁸ Были возможны 3 варианта – «очень хорошо», «хорошо» и «базовые знания», однако число знающих соответствующие языки «хорошо» оказалось меньше тех, кто способен вести на них разговор (то есть часть людей оценила так свою способность неплохо читать).

Язык	Владение языком, млн. чел.	Доля жителей ЕС, %	Родной язык, млн. чел.	Очень хорошо знают ⁸ , млн. чел.	Страны, где язык родной или его очень хорошо знают более 1 млн. чел. (в порядке убывания)
ландский					
Румынский	23	4,6	21	0,8	Румыния, Испания
Португальский	18	3,7	10	0,6	Португалия
Чешский	16	3,3	10	1,5	Чехия, Словакия
Шведский	15	3,0	9	0,8	Швеция
Венгерский	15	2,9	12	0,8	Венгрия, Румыния
Греческий	13	2,6	11	0,4	Греция
Каталанский	11	2,2	4	5	Испания

Источник: расчет автора на основе оценок Евробарометра (Special Eurobarometer 386. June 2012. P. T36-T59, T70-T75) и данных Евростата (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

При этом сложился стереотип, что наиболее распространенными языками в ЕС, не входящими в число официальных, стали турецкий и арабский. Отчасти это связано с резким ростом роли русского лишь после недавних расширений ЕС на Восток. Показательно, что в проведенном в 2000 г. по заказу Директората Еврокомиссии по образованию и культуре исследовании распространенности разных языков (с целью оценки экономической эффективности перевода документов) русский язык отдельно не выделялся (в отличие от арабского, турецкого и даже китайского)⁹. На самом деле, как показали опросы уже 2007 г., турецким и арабским языками владели лишь по 6-7 млн. жителей ЕС. Арабский распространен в основном во Франции (однако менее 3 млн. чел. или 4,3% населения) и Испании (чуть более 1 млн. чел. или 2,5% жителей), а турецкий в Германии (более 3,5 млн. чел. или 4,5% населения). Данные Евробарометра в 2012 г. в целом подтвердили эти цифры. При этом надо также помнить, что в Болгарии существует местное турецкое меньшинство (которое, как и русские в странах Балтии, дискриминируется) – около 0,8 млн. жителей страны считают родным именно турецкий язык.

Политизация проблемы переводов на языки народов ЕС

В рамках ЕС наблюдаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, влияние глобализации и экономическая целесообразность требуют широкого использования в интеграционной группировке очень ограниченного числа языков. С другой стороны, языковое разнообразие считается важной культурной ценностью ЕС. Оно поощряется двумя путями – защитой национальных языков и поощрением многоязычия населения. По данным проведенного в 2012 г. опроса Евробарометра 54% жителей ЕС могли разговаривать хотя бы на одном языке помимо родного, при этом каждый четвертый говорил на двух языках кроме своего, а 10% – на трех.

⁹ Ginsburgh V., Weber Sh. Language Disenfranchisement in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2005. №2. P.273-286.

Правда, максимальные показатели владения чужими языками были в странах со смешанным этническим составом – в Люксембурге (98% жителей), Латвии (95%) и Нидерландах (94%). Быстрее всего по сравнению с предыдущим опросом Евробарометра (в 2005 г.) показатели росли в малых странах – в Австрии (на 16 проц. пунктов до 78%), Финляндии и Ирландии (на 6 пунктов соответственно до 75% и 40%). Правда, в ряде стран ЦВЕ показатели, напротив, сократились, поскольку жители стали хуже владеть русским и немецким, а другие иностранные языки учить особо не начали. Явным аутсайдером оказались Великобритания (из-за широкого распространения в мире английского в этой стране уделяется мало внимания обучению иностранным языкам), а также Португалия, Италия и Венгрия (менее 40% их жителей могут разговаривать на каком-либо языке кроме родного)¹⁰.

Что касается защиты языков со сравнительно небольшим числом носителей, то она в основном нацелена на официальные языки ЕС. Защита региональных языков в большинстве стран ЕС носит в основном декларативный характер в отличие, например, от ЮАР или России, где возможности преподавания и конкретная практика официального употребления языков малых народов довольно подробно прописаны в законодательстве. Не случайно, почти ассимилировали многие малые европейские народы – например, корнцы (носители корнуэльского языка) в Великобритании, бретонцы во Франции, сорбы-лужичане в Германии, ретороманцы (фриулы и ладины) в Италии, русины-лемки в Польше и т.д.

Примечательно, что до сих пор далеко не все члены ЕС подписали и ратифицировали Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, принятую в 1992 г. Советом Европы. При этом страна-участник сама определяет перечень защищаемых языков, исключая из них диалекты государственного языка, языки мигрантов и «нетерриториальные языки», что позволяет весьма широкие трактовки. Примечательно, что даже на уровне ЕС почти все социологические исследования игнорируют существенное распространение в некоторых странах-членах таких языков, как окситанский и цыганский¹¹.

Если же говорить о сохранении языков мигрантских общин, то оно в принципе в ЕС не приветствуется. Применение таких языков рассматривается как один из источников бедности, некачественного образования и социальной изолированности их носителей (по своей сути любые «редкие» языки – как местных, так и пришлых этносов – отчасти повинны в некоторых социокультурных проблемах интеграции в мировую или общеевропейскую цивилизацию при сравнении с крупнейшими народами)¹². В случае признания в качестве иностранных мигрантов национальных меньшинств, которые являются титульными народами других государств, такая политика приводит к откровенной дискриминации и попыткам насильственной ассимиляции. Самые яркие, но не единственные примеры – Латвия и Эстония, где официальная политика

¹⁰ Europeans and their languages // Special Eurobarometer 386. June 2012. P.15-16.

¹¹ Цыгане, которых в ЕС от 6 до 12 млн. чел., являются самым многочисленным, но при этом по-прежнему дискриминируемым национальным меньшинством. Их язык, вернее множество диалектов изучены слабо. См.: *Uzunova I.* Roma Integration in Europe: why minority rights are failing // *Arizona Journal of International & Comparative Law*. 2010. №1. P. 283-323.

¹² *Yağmur K., Extra G.* Urban multilingualism in Europe: Educational responses to increasing diversity // *Journal of Pragmatics*. 2011. №5. P. 1185-1195. При этом весьма спорными такие суждения оказываются по отношению к языкам крупнейших народов (например, русскому).

нацелена на искоренение билингвизма населения¹³, а значительная часть русских жителей после отделения республик от Советского Союза лишена гражданства.

Принцип формирования перечня официальных языков ЕС был введен Регламентом ЕС №1 от 1958 г. Тогда у 6 стран-членов было 4 официальных языка – французский, немецкий, итальянский и нидерландский. В 1973 г. к ним добавились датский и английский, в 1981 г. греческий, а в 1986 г. португальский и испанский. Таким образом, в ЕС-12 было уже 9 официальных языков, но это были самые распространенные языки в интеграционной группировке¹⁴.

Ситуация стала меняться в ходе последующих расширений, особенно – в 2004 г. за счет малых стран. Помимо уже упомянутого мальтийского языка, можно отметить эстонский (1,3 млн. носителей), словенский и латышский (по 2,2 млн. чел.). Кроме того, в 2007 г. статус официального языка получил ирландский гэльский, которым в той или иной мере владеют не более 1,7 млн. чел., поскольку в Ирландии основным языком является английский. Для сравнения – каталанским, который не имеет на уровне ЕС официального статуса, владеют свыше 10 млн. чел., причем для 4 млн. он родной (в основном в испанской автономной области Каталония). Кроме того, родным признали галисийский язык 2,5 млн. жителей Испании, а валенсийский¹⁵ – 2 млн. чел. С ними сопоставим уже упомянутый окситанский язык (помимо Франции компактные группы его носителей проживают в Италии и Испании)¹⁶.

В этой связи регулярная работа по переводу огромного массива информации на все официальные языки ЕС выглядит во многом политизированной, причем нацеленной на сохранение не столько языкового разнообразия, сколько одного из элементов национального суверенитета стран-членов. Правда, ряд документов на все языки все-таки не переводится, зато помимо законодательства на 23 (а после вступления Хорватии – 24) официальных языка переводится значительный объем справочной информации. Для этого в ЕС существует специальный Директорат по переводу, постоянный штат которого составляет 2,3 тыс. чел. (причем около 1,5 тыс. – переводчики). Почти 30% перевода отдается на аутсорсинг (в 1997 г. лишь 16,4% объема документов, а в 2010 г. уже 28%)¹⁷. При этом исследователи подвергают сомнению экономическую целесообразность такой колоссальной работы¹⁸. Годовой бюджет Директората по переводам ЕС составляет 330 млн. евро, все издержки по переводу в институтах ЕС – свыше 1 млрд. евро.

Более того, перевод на все официальные языки ЕС слабо тормозит тенденцию превращения английского в «lingua franca» интеграционного объединения, по-

¹³ Pavlenko A. Language rights versus speakers' rights: on the applicability of Western language rights approaches in Eastern European contexts // Language Policy. 2011. №10. P. 37-58.

¹⁴ European Commission. DGs. DG Translation (<http://ec.europa.eu/dgs/translation/>).

¹⁵ В отличие от населения и политиков, филологи считают каталанский и валенсийский языки диалектами одного языка окситано-романской подгруппы индоевропейской семьи.

¹⁶ Точное число людей, считающих его родным, определить сложно. Официальный статус (как аранский язык) он имеет лишь в небольшом районе Испании. Во Франции ряд ученых его объединяет с франко-провансальским (арпитанским) языком, относимым к вымирающим (в итальянской автономной области Валле-д'Аоста арпитанский язык охраняется).

¹⁷ Translation and multilingualism. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. P. 7, 10; Translation in figures. P.2 (<http://ec.europa.eu>).

¹⁸ Ginsburgh V., Weber Sh. Op. cit.

сколько именно английский все чаще становится первоисточником. Если в 1997 г. Директорат по переводам ЕС перевел 1,1 млн. страниц, из которых 45% были написаны на английском, 40,5% на французском, а 5,5% на немецком, то в 2008 г. объем переводимых документов возрос до 1,8 млн. страниц, а на английский как первоисточник пришлось 72,5% (на французский – 12%, немецкий – 2,5%). В последние годы процесс лишь ускорился. В 2010 г. было переведено 1,86 млн. страниц, 77% которых были изначально написаны на английском. При этом на сам английский переведено почти 263 тыс. страниц, что также делает его абсолютным лидером. Для сравнения: на французский переведено 145 тыс. страниц, на немецкий – 114 тыс., остальные официальные языки (кроме ирландского гэльского) – по 59–78 тыс. страниц¹⁹. В текущей деятельности органов ЕС английский язык пока не является доминирующим, но ученые определяют ситуацию как «гегемонистское многоязычие», когда лишь несколько официальных языков оказываются рабочими²⁰.

Более действенным является развитие многоязычия посредством школьного образования. В 2002 г. на сессии Европейского совета в Барселоне было рекомендовано в школах каждого ребенка учить не менее чем двум иностранным языкам с раннего возраста. Изначально конкретные шаги предлагалось определять в национальном законодательстве, однако в 2008 г. приняли Стратегию ЕС по достижению многоязычия. Тем не менее по-прежнему только 2/3 школьников учат два и более неродных языков, причем заметно усилилась лишь роль английского. Так, на 3-й образовательной ступени (ISCED-3) количество учеников, изучающих английский, в среднем по ЕС-27 выросло с 79,6% в 2005 г. до 94,6% в 2009 г. При этом по французскому показатель снизился (с 27,7% до 25,7%), а по немецкому лишь незначительно вырос (с 25,4% до 26,5%)²¹. Кроме того, в ряде районов началось некоторое возрождение региональных языков и языков меньшинств. К тому же необходимо понимать, что данный процесс очень инерционный – в основном многоязычие охватило в странах ЕС лишь молодежь. Так, по данным Евробарометра, 74% жителей в возрасте 15-24 лет могут разговаривать на языке, отличном от родного, а 37% – по крайней мере на двух. В возрастной группе 25-39 лет показатели падают уже до 64% и 31%, а среди людей старше 55 лет – до 38% и 17% соответственно.

Языковые барьеры в бизнесе

Языковые различия оказываются существенным барьером для безработных, готовых сменить страну в поисках занятости. Более того, в ЕС лишаются работы преимущественно люди с невысоким образовательным уровнем, в том числе языковым. Так, среди имеющих работу менеджеров в ЕС 77% разговаривают хотя бы на одном языке кроме родного, среди других «белых воротничков» – 62%, среди рабочих – 51%, а среди безработных – только 48%. При этом необходимо учитывать, что «первый» неродной язык может быть языком второго основного этноса в той же

¹⁹ Translation and multilingualism. P. 8; Translation in figures. P.1.

²⁰ *Krzyżanowski M., Wodak R.* Hegemonic Multilingualism in/of the EU Institutions: An Inside-Outside Perspective on European Language Policies and Practices // *Mehrsprachigkeit aus der Perspektive zweier EU-Projekte* / Hülmbauer C. et. al. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P.115-133.

²¹ Europe in figures. Eurostat yearbook 2012. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. P.207–208.

стране либо официальным языком соседней страны с такой же неблагоприятной ситуацией на рынках труда. Если же посмотреть на хорошее владение «вторым иностранным», то в ЕС этим похвастаться могут лишь 22% безработных против 38% занятых менеджеров и 31% других «белых воротничков»²².

Существенные издержки от многоязычия в ЕС несут и компании. Ежегодно тратятся миллиарды евро на перевод информации о товарах и подробных инструкций на самые разные языки. Во многих случаях многоязычные руководства к технике требуются на законодательном уровне, однако и без этого незнание многими жителями ЕС даже самых распространенных языков ведет к необходимости дублировать тексты. При этом маркетологи отмечают неоднозначность эффекта появления многоязычных инструкций в упаковке товаров, предназначенных для продажи сразу в нескольких странах ЕС. С одной стороны, продажа прибора с книжечкой на 5-10, а то и 15 языков экономит издержки по печати и упаковке, а с другой стороны, слишком объемные инструкции, где надо найти родной язык среди нескольких близкородственных, раздражает многих покупателей²³.

При этом в случае технически сложных товаров речь идет не просто о переводе текстов на несколько языков сразу, а о грамотной и однозначной передаче смысла, лишенной возможности нарушить ограничения по монтажу и безопасному использованию. Часто профессиональные переводческие бюро с этой задачей не справляются. Почти любому потребителю хорошо известно их творчество – сначала излагаются вводные предложения, причем красиво и многословно (поскольку перевод обычно оплачивается в зависимости от объема), а потом крайне двусмысленно и коротко даются содержательные инструкции. Для такой работы обычно подходят лишь инженеры-специалисты, притом носители языков, на которые переводят инструкции (что существенно повышает издержки фирм по переводу).

Многоязычие в ЕС ведет к дополнительным затратам на рекламу с целью учета языковой специфики, осложняет координацию внутри транснациональных корпораций. Не случайно, многие инвесторы за рубежом ориентируются прежде всего на страны, где значительная часть деловой элиты, а то и простого населения (потенциальных работников дочерних предприятий) владеет их языком. Так, нами был рассчитан коэффициент корреляции по членам ЕС между долей Германии в общей сумме прямых иностранных инвестиций и числом говорящих на немецком языке в получающей капитал стране, который оказался равен 0,6²⁴.

Вместе с тем многоязычие в сфере экономики не является непреодолимой проблемой. Так, долгие годы оно было повинно в больших по сравнению с США и Японией издержках по патентованию в Европе (в ЕС и ряде сопредельных стран), что притормаживало инновационные процессы в регионе. Например, накануне расширения ЕС на Восток в 2004 г. издержки на 10-летнюю патентную защиту в ЕС колебались от 12 до 56 тыс. евро в зависимости от количества стран, где зарегистрированная заявка проходила утверждение, тогда как в США стоимость составляла 14 тыс. евро, а в Японии – 8 тыс. евро. При этом из 56 тыс. евро на перевод уходило

²² Europeans and their languages // Special Eurobarometer 386. June 2012. P.18.

²³ Translation of manuals and multilingual manuals // Tip of the month from PRC (Peter Ring Consultants). 4 May 1997 (<http://www.prc.dk>).

²⁴ Bestandserhebung über Direktinvestitionen // Deutsche Bundesbank. Statistische Sonderveröffentlichung 10. April 2012.

порядка четверти расходов²⁵. Однако с мая 2008 г. в силу вступило Лондонское соглашение 2000 года, которое упростило процедуру перевода текста патента, заявка на который подавалась на одном из официальных языков Европейского патентного ведомства (английском, немецком или французском). Так, Франция, Германия, Великобритания и Люксембург (а фактически и Ирландия) отказались от требования перевода, часть стран (в ЕС – Швеция, Нидерланды, Дания, а с 2011 г. также Венгрия и Финляндия) требуют теперь перевода всего текста на английский (что дешевле), а на национальный язык лишь формулы изобретения и описания патента. Часть государств (в ЕС – Латвия, Словения, а с 2009 г. и Литва) требуют перевода лишь формулы на свои официальные языки.

Проблема ЕС в сфере языковой политики не в том, что языковое разнообразие обуславливает сохранение экономических барьеров между странами, а в том, что странам-членам требуется долгая и кропотливая работа по усилению многоязычия жителей. При этом декларируемая в ЕС с начала XXI века цель перейти к обязательному изучению двух неродных языков, будучи сама по себе труднодостижимой, все же не решает двух основных задач, стоящих перед интеграционной группировкой – сократить языковые барьеры, избежав доминирования английского. Если среднестатистический житель ЕС через 20–30 лет будет говорить на трех языках, то один из них будет официальным языком его родного государства, второй – языком местного меньшинства (возможно, также со статусом официального в отдельных регионах страны) либо традиционным для изучения в этой стране иностранным, а третий – под давлением глобализации английским. При этом сами англичане вряд ли сильно улучшат свою образовательную систему и, скорее всего, будут в обязательном порядке учить лишь один неродной язык. Порядок языков для конкретного человека может меняться, поскольку родным может быть, например, язык национального меньшинства. Например, типичный житель Каталонии, скорее всего, будет говорить на каталанском, испанском и английском, типичный болгарин – на болгарском, английском и русском, типичный австриец – на немецком, английском и итальянском и т.д. Таким образом, из-за усиления роли английского другие наиболее распространенные в ЕС языки будут бороться за свое выживание в рамках традиционных ареалов распространения, что приведет, вероятно, к консервации политически мотивированного перевода на все официальные языки ЕС.

При этом глобализация не должна рассматриваться лишь как независимый внешний фактор. Английский становится доминирующим в мире не только благодаря лидерству США во многих сферах и легкости овладения базовым уровнем этого языка, но и потому что другие крупнейшие по числу носителей языки не могут составить ему конкуренцию. С одной стороны, Германия, Франция и некоторые другие страны ЕС пытаются поощрять изучение своих официальных языков в качестве иностранных по всему миру. С другой стороны, язык нужен не сам по себе, а как средство общения. К сожалению, например, наиболее близкие по культуре к ЕС страны постсоветского пространства уже многие годы отгорожены визовыми барьерами, что снижает интенсивность туристических потоков и деловых контактов, при том что многие страны СНГ активно интегрируются в мировую экономику. Не случайно, в

²⁵ *Guellec D., van Pottelsberghe de la Potterie B. The Economics of the European Patent System. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P.196.*

итоге в последние годы Россия, Украина и некоторые другие постсоветские государства ввели в качестве обязательного школьного предмета английский язык (тогда как раньше вместо него значительная часть школьников изучала немецкий или французский).

* * *

Одновременное решение двух названных задач языковой политики ЕС – сохранение многоязычия при повышении экономической эффективности, на наш взгляд, способно обеспечить лишь повсеместное четырехязычие. Это означает прибавление к названной триаде языков обязательного изучения еще одного из самых распространенных официальных языков ЕС – немецкого, французского или испанского. В таких условиях удастся избежать постепенного превращения английского в доминирующий язык ЕС. Однако на сегодняшний день лишь каждый десятый житель ЕС помимо родного способен говорить на трех других языках. Даже в возрастных группах до 40 лет таких людей только 12%. При этом резкое увеличение показателя явно требует радикальной перестройки школьного и дополнительного образования в большинстве стран ЕС.

Сфера образования как инструмент формирования европейской идентичности

Возрастающее культурное многообразие на расширяющейся территории ЕС создало такие условия, когда знания, совершенствование человеческого капитала, повышение мобильности человеческих ресурсов приобретают определяющее значение для перспектив укрепления его позиций на международной арене. Образовательная интеграция в ЕС стремительно набирает темпы. Европейские политики вынуждены обращать пристальное внимание на качество рынка труда, от которого напрямую зависят ускорение темпов экономического роста и повышение конкурентоспособности стран ЕС. Между тем продолжение политической интеграции ЕС невозможно без интеграции социальной, которая, в свою очередь, предполагает создание единого образовательного пространства, способного благоприятным образом повлиять на укрепление статуса «европейского гражданина» и формирование наднациональной европейской идентичности.

Проблема становления европейской идентичности

Популярность термина «идентичность» в современных социальных науках чрезвычайно велика. Сегодня мы с трудом можем обойтись без этого термина при исследовании самых различных социальных и политических феноменов. При этом приходится сталкиваться с многочисленными интерпретациями этого термина: этническая и религиозная идентичность, региональная и транснациональная идентичность, индивидуальная и коллективная идентичность и т.д. Так, например, известный британский социолог С. Холл отметил, что «в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции идентичности», и это при том, что данное понятие довольно трудно уловимо в плане поиска приемлемой дефиниции, а рядом исследователей само его использование подвергается критике. Тем не менее, подчеркивает С. Холл, идентичность представляет собой «идею, о которой нельзя мыслить в старой форме, но без которой некоторые ключевые вопросы не могут быть осмыслены вообще»¹.

На протяжении многовековой истории ощущение европейской идентичности, если исключить христианство, тесно объединявшее жителей Европы в Средние века, было свойственно в основном представителям элиты². Даже в Новое и Новейшее время европейцами чувствовали себя в первую очередь представители политической элиты. После Второй мировой войны Р. Шуман, Ж. Монне, К. Аденауэр и Де Гаспери уже не только мечтали о возведении единого «европейского здания», основанного на сотрудничестве держав Старого Света, но и предложили реальные проекты обеспечения экономической и политической интеграции региона. Впоследствии, уже в общеевропейских рамках, идея интеграции, как правило, «спускалась» сверху. По этой причине единая Европа сформировалась благодаря

* Бадаева Анна Сергеевна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Сектора теории политики ИМЭМО РАН.

¹ Hall S. Who Needs «Identity»? // Questions of Cultural Identity. L., 1996.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

усилиям правительств стран – участниц Европейского Союза. Активно строился общеевропейский рынок и создавалась новая западноевропейская система безопасности. В итоге удалось значительно продвинуться в экономической интеграции, создать общие европейские структуры, тогда как в контексте глобального, многополярного мира со множеством различных культур все острее ощущается необходимость политического единства, строительство которого в ЕС столкнулось с рядом трудностей. И эти трудности как раз напрямую связаны с проблематикой идентичности. До сих пор не произошла «моральная» интеграция, понимаемая как процесс, объединяющий его участников через осознание ими своей принадлежности к единому целому³. Преодоление подобных барьеров возможно через формирование европейского сознания путем активного участия граждан в политической и общественной жизни, в формулировании и проведении в жизнь политики, продвигающей общие культурные ценности, то есть укрепление новой европейской культурной и гражданской идентичности.

Маастрихтский договор был призван превратить Европу из экономической организации в политический союз. Однако практика показала, что политическое объединение – это не одномоментный акт. Недостаточно одного юридического объединения ЕС. Необходимо придать легитимность этому союзу в глазах рядовых граждан. А для этого нужна особая политика, строящаяся на идентификации граждан Европы с европейскими институтами. Европейская идентичность – ключевой элемент, позволяющий гражданам стран ЕС почувствовать себя частью единого целого не только в силу исторических фактов или географического положения.

Становление общей идентичности стало приоритетной частью европейского политического проекта и ключевым направлением деятельности структур ЕС. Раньше Европу объединяли общая история и география. Такая концепция выглядит устаревшей. Границы ЕС расширяются. Политические и стратегические соображения явно преобладают над географическими рамками и историческим опытом. Поэтому перед европейцами встают новые, ранее не возникавшие вопросы: где проходят границы Союза? Кто может считать себя жителем Европы? Европейскому Союзу сегодня необходимо сочетать интеграцию по географическому признаку с некими иными, общими для всех его членов ценностями.

В настоящее время в Европе можно наблюдать два процесса, на первый взгляд, с прямо противоположной направленностью: интеграцию и постепенное превращение Европейского Союза в федеративное государство, с одной стороны, и этнический сепаратизм во многих из европейских стран⁴. Проблема этнического сепаратизма не должна замалчиваться, тем более в рамках правового государства ее невозможно преодолеть силовым путем. Только увидев возможность реализации своих собственных устремлений в политических действиях наднациональных структур ЕС, его граждане смогут перенести часть лояльности на общеевропейский уровень. В противном случае, не обнаруживая общих ценностей и общей идентичности, при серьезных трудностях граждане Евросоюза будут склонны скорее

³ Куарони К. Европейская идентичность, или как помочь людям ощутить себя гражданами Европы // Журнал Европейского Союза. 2004. № 35. (www.delrus.ec.europa.eu/em/39/eu35_07.htm).

⁴ Единая Европа: идея и практика. М.: ИВИ РАН, 2002. С.45.

солидаризироваться со своими национально-государственными или этническими сообществами, нежели с ЕС.

Необходимо учитывать особенность Европейского Союза как политической и социальной структуры: отсутствие четко установленной с политической точки зрения государственной территории, европейского гражданства, европейских политических партий, общего языка, однородной культуры. При этом в ЕС учреждены наднациональные структуры для создания нового европейского конституционного порядка, имеющие верховенство над национальными законодательствами и напрямую воздействующие на каждого человека. Отсюда – присутствие в истории процесса европейской интеграции как элементов, отражающих теории «*союзного национализма*», выделяющего в качестве критериев идентификации культурно-исторические ценности, так и элементов *космополитизма*, так называемого патриотического конституционализма, базирующегося на общей политической культуре, которая исповедует лояльность по отношению к универсальным принципам⁵.

Концепция «союзного национализма» исходит из невозможности отделить историко-культурную принадлежность от политической. Чувство общей принадлежности, а также ряд взаимных обязанностей – необходимые предварительные условия для осознания политической и социальной легитимности и справедливости. Эта теория находит оправдание в констатации того, что субъективные интересы европейцев все еще находятся на национальном уровне при всей возросшей объективной взаимозависимости между европейскими странами. Европейская идентичность должна основываться на общем прошлом, с упором на культурную однородность, общую экономическую жизнь и общие цели социальной политики. В итоге должно появиться новое чувство принадлежности к единому целому, которое главенствовало бы над принадлежностью к отдельному государству. ЕС, как наднациональная организация, гарантирующая выживание национальных государств и защиту их национальных интересов, очевидно, многое черпает в этой теории. При этом важно, чтобы новая европейская политическая идентичность признавала некоторые национальные или региональные особенности стран-участниц, чтобы не возрастал в современных демократических государствах риск того, что отдельные граждане потеряют интерес к общественной жизни. Это позволит предотвратить появление большого числа партий националистического толка, в то время как политическая ситуация требует наличия транснациональных партий в ЕС.

Космополитизм, наиболее яркими выразителями которого стали Ю. Хабермас и представители Франкфуртской школы, предлагает взять за основу европейской идентичности универсальные демократические принципы, концепцию правового государства и уважение имеющихся различий⁶. По мнению сторонников этой теории, связи между жителями ЕС должны основываться на юридических, политических и моральных аспектах, а не на исторических, культурных или географических, как

⁵ Паныковский С.И. Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2003. С.56–57.

⁶ Рубинский Ю.И. Европа XXI века: государство и гражданское общество // Доклады института Европы РАН. М., 2004. № 65. С.64.

утверждают представители теории «союзного национализма». Политическая идентичность основывается на следовании общим принципам политической справедливости и на создании институтов и структур, через которые эти принципы осуществляются. Сторонники такого подхода не отрицают, что национальные государства сыграли важнейшую роль в истории, позволив утвердиться демократическим ценностям и концепции народного суверенитета, однако считают необходимым предпринять следующий шаг, отойдя от доминирующей в Европе начиная с позднего Средневековья модели национальных государств. Для этого необходимо абстрагироваться от национальной культуры, мифологии, истории каждой страны и стремиться к сосуществованию, сотрудничеству и лучшему знакомству с жизнью других стран ЕС. По мнению теоретиков космополитизма, гражданином Европы можно стать благодаря приверженности принципам политической этики и моральным принципам. Эти идеи нашли свое отражение как в договоре о создании ЕС (ст. 6), так и в Копенгагенских критериях («ЕС основывается на принципах свободы, демократии и на уважении правового государства; все эти принципы едины для всех стран ЕС»). Вместе с тем стоит заметить, что ни в договоре о создании ЕС, ни среди требований, введенных в 1993 г. на сессии Европейского совета на уровне глав государств и правительств в Копенгагене, предъявляемых государствам, стремящимся вступить в Европейский Союз, не говорится об исторической или культурной общности.

Обобщая, элементами европейской идентичности можно считать общие исторические и культурные корни, экономические и социальные цели, демократические идеалы (правовое общество, уважение человеческой личности, терпимость и секуляризация). Усвоение указанных элементов связано с разработкой концепции «европейского гражданина», что в свою очередь требует особой политики в области культуры и образования.

Залогом прогрессивных интеграционных преобразований должно стать не простое применение правовых норм, а стимулирование социальной активности граждан. Именно повседневный индивидуальный опыт способен оказать наибольшее влияние на становление чувства общности с Европой. Отсутствие границ, свободное перемещение людей, открывающиеся новые возможности для профессиональной и социальной самореализации, для знакомства с культурой друг друга оказываются самыми ощутимыми и значимыми компонентами европейской идентичности. Она утверждается «только в контакте с собратьями-европейцами»⁷. В то же время становление европейской идентичности, получившее реальную ценность благодаря институционализации и применению на практике европейского гражданства, невозможно без соответствующей социальной политики, которая бы превратила различия из чего-то разделяющего в положительное понятие, в общеевропейскую ценность.

Европейские образовательные инициативы

⁷ Обобщенные данные опросов фокус-групп, проводившихся во Франции, Нидерландах и Великобритании. Результаты, а также вопросы анкет и описание методологии исследования представлены в кн.: *Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity*. N.Y., 2005. P.151–165.

Европейский Союз уже более пяти десятилетий ведет работу над сближением европейских образовательных систем. Интеграцию европейского образовательного пространства бесспорно можно рассматривать как эффективное средство, способствующее разрешению насущной проблемы формирования европейской идентичности. С подписанием в 1999 г. Болонской декларации образовательная интеграция приобрела дополнительную динамику, начался качественно новый этап сотрудничества в сфере образования в ЕС, характеризующийся интенсивным углублением и расширением интеграционных процессов. Произошли институциональные изменения, а именно появились наднациональные структуры, координирующие деятельность европейского образовательного пространства, которое, в свою очередь, также активно изменяется, приобретая очертания сети.

Наиболее влиятельным наднациональным институтом, выполняющим законодательную функцию по вопросам образования, можно считать Совет по вопросам культуры, образования и делам молодежи Европейского совета, где регулярно встречаются министры образования стран – членов ЕС. В области законотворчества Совет по образованию обязан сотрудничать с Европейским парламентом, где сформирован специальный Комитет по культуре и образованию. Третьим наднациональным органом ЕС, занятым вопросами образования, является Генеральный директорат Европейской комиссии по образованию и культуре. Именно этот орган осуществляет основную координационную работу по интеграции европейского образования. По инициативе и при финансовой поддержке Генерального директората образовательное пространство ЕС покрывается сетью различных взаимосвязанных структур, имеющих единую цель максимального сближения систем образования стран – членов ЕС и активно использующих для этого открытый метод координации. Благодаря этому методу становится возможным в постоянном интерактивном режиме координировать организационные процессы и принимать совместные решения следующим важным составным элементам европейской образовательной сети:

- региональным образовательным структурам (например, таким как Сеть агентств по обеспечению качества в высшем образовании стран Центральной и Восточной Европы и Скандинавская ассоциация по обеспечению качества в сфере высшего образования;
- Группе четырех, а именно Европейской ассоциации университетов, Европейской ассоциации высших учебных заведений, Европейскому союзу студентов и Европейской сети по гарантии качества в высшем образовании;
- исследовательским и исполнительным структурам ЕС, включая Европейский институт инноваций и технологий.

К другим немаловажным инициативам Генерального директората Европейской комиссии по образованию и культуре можно отнести создание европейской структуры квалификаций и рамочных программ ЕС, занятых финансированием реформы образования и НИОКР. Также Генеральный директорат совместно с Исполнительным агентством по образованию, культуре и аудиовизуальной информации реализуют в настоящее время следующие программы образовательной мобильности:

- «Эразмус Мундус»;
- «Темпус»;

- Академическое сотрудничество со странами группы Африка – Карибы – Тихоокеанский бассейн;
- «Двухстороннее сотрудничество»⁸;
- «Обучение в течение жизни».

Предполагается, что именно эти образовательные и культурные проекты ЕС способны внести весомый вклад в становление европейской идентичности, поскольку они стимулируют передвижение молодежи по территории ЕС (и других стран мира), а также всех вовлеченных в профессиональную деятельность людей, что постепенно способствует новой социализации граждан Европы. Особые надежды возлагаются на программу «Обучение в течение жизни». Эта программа, бюджет которой на период с 2007 по 2013 гг. составляет 7 млрд евро⁹, объединяет 6 образовательных подпрограмм: «Комениус», «Эразмус», «Лингва», «Грундтвиг», «Леонардо» и «Жан Монне». Подпрограмма «Комениус» занимается сферой школьного обучения, подпрограммы «Эразмус», «Леонардо» и «Грундтвиг» охватывают сферы высшего образования, профессионального образования и обучения взрослого населения соответственно. «Жан Монне», в свою очередь, имеет целью расширение знаний о Европе в рамках высшего образования, а «Лингва» продвигает языкознание.

Предполагается, что подобные международные культурные и образовательные проекты закладывают в участвующих в них гражданах подсознательное самоотождествление с Европой, которое, в свою очередь, создает основу для дальнейшего плодотворного конструирования общей идентичности. Европейская идентичность имеет два связанных друг с другом наднациональных компонента: гражданский и культурный. Гражданский компонент базируется на ценностях демократии, гражданских свобод, свободном передвижении людей, экономическом благосостоянии. Культурная составляющая европейской идентичности – это мир и гармония благодаря политике добрососедства, уважению других культур и преемственности. Позитивным моментом в развитии европейской идентичности способен стать вопрос об ответственности европейской культуры перед неевропейскими сообществами, внесшими вклад в ее развитие. В результате европейская идентичность должна утвердиться не путем отрицания исторического прошлого (межъевропейские войны) и не в результате противопоставления Европы другим политическим сообществам (бывший коммунистический блок, США в качестве державы-гегемона), а через укоренение чувства принадлежности к Европе как к единому целому, через рост значимости самоотождествления с Европой как с гражданской и культурно-цивилизационной общностью.

Образовательная реформа ЕС в контексте проблемы идентичности

Для формирования европейского гражданства недостаточно просто открыть границы между европейскими государствами. Переход сообществ от одних границ к другим возможен только вместе с их социальной трансформацией, в ходе которой

⁸ В рамках данной программы двухстороннее сотрудничество в сфере высшего образования осуществляется Европейским Союзом с Канадой, США, Японией, Новой Зеландией, Австралией и Южной Кореей.

⁹ См.: официальный сайт Европейской Комиссии (ec.europa.eu/education/lifelong-learning-programme/index_en.htm).

положение тех или иных элементов по отношению к границам системы (внутри или вовне) меняется вместе с их атрибутами и с атрибутами самого сообщества¹⁰. Так, включение граждан других государств в состав политического сообщества возможно только одновременно с постановкой этих групп в новые смысловые цепочки (например, определение их как «соотечественников», «братьев»), трансформацией самоопределения нации в этническом ключе. Психологи, социологи, антропологи уже десятилетиями разрабатывают тему индивидуальной и групповой самоидентификации. Особое внимание заслуживает предложенное И. Нойманом¹¹ выделение четырех подходов к изучению идентичности, актуальных для политологических исследований: этнографического, психологического, подхода континентальной философии и так называемого восточного дискурса.

В центре этнографического подхода находится фигура Ф. Барта, классика социальной антропологии XX века. Барт показал, что «этнические группы воспроизводятся благодаря самому поддержанию границ, отделяющих их от других групп»¹². Граница между «Я» и «Другим» необходима, таким образом, для конституирования «Я». Но выбор тех или иных конкретных культурных особенностей (Барт называет их диакритиками), которые в конкретном социальном контексте описывают границу сообщества, в значительной степени случаен: это может быть язык, религия, раса или, например, обычаи гостеприимства. В более поздних работах Барт несколько смягчил этот тезис, признав, что некоторые различия (например, языковые) по сравнению с другими имеют гораздо больше шансов стать пограничными¹³. Однако если в сферу интересов попадают не только этнические, но и национальные, государственные и, возможно, другие идентичности, то тезис Барта о случайной природе диакритик оказывается важным. Барт подчеркивает, что границу сообщества следует определять не по формальным показателям, а на основании эмпирического исследования соответствующих социальных и политических практик.

Современная образовательная реформа в ЕС призвана качественным образом изменить внутреннее содержание социальной системы Союза. Как это происходит? Созданное благодаря образовательной реформе пространство характеризуется одновременно открытием границ и нарастающей мобильностью проживающих на его территории граждан. При этом активно поощряется свободное перемещение по территории ЕС не только молодежи, получающей высшее или среднее образование, но и всего населения. Подобного рода мобильность стимулируется привлекательными условиями работы за рубежом, возможностью повысить квалификацию, получить образование. Процессы открытия границ и мобильности взаимно дополняют друг друга и, в свою очередь, постепенно снимают внутренние (соответствующие старым национальным границам) барьеры,

¹⁰ Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2006. Т. 4, №1 (10).

¹¹ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

¹² Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown and Company, 1969.

¹³ Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Amsterdam: Spinhuis, 1994.

препятствующие формированию и развитию транснациональной европейской идентичности. Предлагаемая сегодня европейская образовательная стратегия отличается именно своей транскультурностью, преодолением психологических барьеров между людьми разных национальностей. Происходит это путем включения в процесс социализации максимального количества индивидуумов, каждый из которых является носителем своей культуры и своего языка, порой даже неевропейских. Здесь нет «чужого», каждый имеет равные права и каждый вносит свой вклад в становление европейской идентичности.

Теперь обратимся к психологическому подходу в исследовании идентичности. Он сосредоточивает внимание на различении категорий «свой – чужой» как одном из фундаментальных свойств человеческого сознания. Терминологический инструментарий здесь весьма обширен: он может включать такие понятия, как «образ врага», «культурные коды», «групповые действия», однако ими трудно оперировать, описывая механизмы взаимодействия между персональной самоидентификацией и идентичностью таких больших сообществ, как Европейский Союз. Наиболее подходит для нашего исследования традиция, опирающаяся на труды французского философа Ж. Лакана. Он исходил из того, что непременным условием формирования индивидуальности выступает социализация. Американский политолог Э. Нортон, развивая традицию Лакана, приходит к заключению об отсутствии принципиального логического барьера между индивидуальной и коллективной идентичностями¹⁴. Иными словами, социализация формирует индивидуальность, они одно целое. В этом плане система образования становится ключевым моментом в формировании личности. Психологический подход объясняет, почему сегодня в ЕС уделяется так много внимания межкультурным проектам на уровне не только высшего образования, но и среднего, почему так много говорят о необходимости изучать несколько иностранных языков, начиная еще с дошкольного возраста, когда происходит самый ответственный момент социализации личности, закладываются ее фундаментальные качества. В этом ключе европейские политики все чаще говорят об идее «второго родного языка», активным сторонником которой можно назвать А. Маалуфа, руководителя специальной группы экспертов, созданной по инициативе Европейской комиссии. Для успешной реализации идеи «второго родного языка» А. Маалуф и его команда предлагают начинать изучать иностранный язык еще с дошкольного возраста, в школьные годы активизировать изучение классической литературы на соответствующем языке и международный обмен учащимися в рамках школьных программ мобильности¹⁵, например, таких как «Комениус».

Единственным минусом психологического подхода можно считать то, что он подходит не для всего населения Европы, а для его наиболее активной части, которая участвует в процессе социализации. Борясь с этим недостатком, образовательная политика активно продвигает программу «Обучение в течение жизни», рассчитанную на подключение к социализации всех возрастных категорий.

¹⁴ Norton A. Reflections on Political Identity. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.

¹⁵ A rewarding challenge. How the multiplicity of languages could strengthen Europe. Brussels: European Commission. 2008 (ec.europa.eu/education/languages/archive/doc/maalouf/report_en.pdf.)

Мы наблюдаем, как интеграция проникает сегодня все глубже в европейское общество, вызывая различные социально-структурные изменения и трансформации. Одним из основных рычагов в этом процессе является создание единого европейского образовательного пространства путем сращивания различных систем образования европейских стран на основе единых принципов и целей.

Особенно важным сегодня представляется то, что на пути продвижения европейской интеграции стоит Россия, и в этом свете особую актуальность приобретает европейско-российский образовательный диалог, где проблемы социальной трансформации российских образовательных структур занимают одну из ключевых позиций. Очевидно, что это длительный процесс, и он ставит множество вопросов, которые касаются будущего российского образования, сохранения русской культуры и общества, национальной идентичности и менталитета будущих поколений России.

Североевропейское общество как институциональная предпосылка развития наукоемкого бизнеса

В статье рассмотрены особенности североевропейского общества как важнейшего фактора роста наукоемкого бизнеса в регионе. Основной тезис, подвергаемый анализу и доказательству, гласит, что в странах Северной Европы качество человеческого капитала и ряд культурных особенностей региона благоприятствуют генерации, распространению и потреблению нововведений. Кроме того, в регионе отмечается феномен трансформации изобретательской активности в творческую, что способствует вовлечению в инновационную деятельность широких слоев населения и создает плодотворную почву для роста наукоемких компаний.

Достижения Северной Европы в сфере изобретательства

Сегодня страны Северной Европы лидируют по многим показателям инновационного развития. Они занимают ведущие места не только по удельным затратам на НИОКР, что само по себе иллюстрирует инновационный и наукоемкий характер их экономик, но и по ряду интегральных показателей инновационности. Например, согласно Европейскому инновационному табло (Innovation Union Scoreboard, ранее European Innovation Scoreboard) – отчету, выпускаемому Европейской Комиссией, – по итогам 2011 г. Швеция и Дания заняли 1-е и 2-е места соответственно, а Финляндия оказалась на 4-м месте¹. Вместе с Германией, идущей на 3-м месте, эти страны образуют группу европейских инновационных лидеров, значительно опережающих остальные страны ЕС по ключевым показателям. Норвегия, обладающая значительными запасами энергоресурсов, несколько отстает и пока что относится исследователями к группе «умеренных» новаторов.

Главной причиной высоких позиций стран Северной Европы является наличие в регионе крупных субъектов наукоемкого бизнеса – мировых и европейских лидеров в производстве самой разной продукции: от лекарств до истребителей и высокоточного оружия. Достаточно сказать, что совокупная выручка первой тридцатки крупнейших наукоемких компаний Северной Европы составляет порядка 225 млрд. долл., что сравнимо с ВВП ОАЭ, Израиля или той же Дании².

Говоря о предпосылках развития наукоемкого бизнеса, исследователи обычно акцентируют много внимания на институциональных надстройках, которые часто являются скорее следствием сложившегося распределения сил и призваны сгладить определенные диспропорции, упуская из вида население. При этом главное преимущество стран Северной Европы заключается как раз в том высоком качестве, которого достиг региональный человеческий капитал.

Ключевая особенность североевропейского «общества знания» состоит в том, что инновации здесь не являются спорадически возникающими вспышками в «ост-

* Хавронин Сергей Борисович – младший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Innovation Union Scoreboard 2011 // European Commission, 2012. P.7.

² Хавронин С.Б. Наукоемкий бизнес Северной Европы и модернизация российской экономики // Вестник ФГУ Государственная регистрационная палата при Минюсте РФ. 2012. №2. С.28-29.

ровках роста», но пронизывают все области народного хозяйства, а также способствуют вовлечению в инновационный процесс отдельных граждан, положительно воспринимающих нововведения и непосредственно участвующих в генерировании нового.

Один из главных показателей, определяющих инновационное общество, – наличие традиций изобретательства и активность изобретательской деятельности в настоящее время. Традиции обычно представляют в описательной форме, переосмысливая изобретения данной страны и оценивая их вклад в научно-технический прогресс. Современная активность изобретательской деятельности чаще всего является составным элементом разных интегральных коэффициентов, характеризующих уровень развитости страны и ее конкурентоспособности, и предстает в виде, например, количества патентных заявок на душу населения за год.

Если обратиться к патентной статистике (см. табл. 1), то становится ясно, что граждане всех стран Северной Европы, за исключением Норвегии, значительно чаще патентуют изобретения (опытные модели, торговые марки), чем другие европейцы. Особенно высокие позиции у Швеции. Финляндия же, обгонявшая Швецию на старте тысячелетия, несколько сбавила объемы патентования, что связано с уменьшением активности патентования со стороны компаний телекоммуникационной отрасли и электроники, прошедших стадию бурного роста.

Таблица 1. Количество патентных заявок в Европейское патентное ведомство в расчете на 1 млн. жителей

Страна	2000	2008
Дания	184	228
Финляндия	277	233
Швеция	259	294
Норвегия	90	93
Франция	121	134
Германия	269	276
ЕС-27	107	112

Источник: Eurostat. Patent applications to the European Patent Office (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Две компании Северной Европы (шведская «Ericsson» и финская «Nokia») входят в двадцатку мировых лидеров по числу поданных международных патентных заявок в 2010 г.³ Надо, однако, иметь в виду, что на основании одной лишь патентной статистики нецелесообразно делать далеко идущие выводы. Причиной тому служат межстрановые различия в экономической ценности патентов, традициях патентования изобретений и торговых марок, прямая зависимость количества патентных заявок от структуры экономики страны и т.п.

В связи с этим обратимся к качественному анализу инновационной активности населения Северной Европы – в Швеции существуют особенно богатые традиции изобретательства⁴. Действительно, учитывая, что население этой страны составля-

³ World Intellectual Property Indicators 2011. Geneva, 2011. P.65.

⁴ Антюшина Н. Страны Северной Европы: наукоемкий тип развития // Экономист. 2007. №10. С.34.

ет сегодня около 9 млн. человек, ее вклад в мировую копилку изобретений по-другому как феноменальным назвать нельзя. Между 1880 г. и началом Первой мировой войны в стране проходила быстрая индустриализация, во многом основанная на отечественных изобретениях, таких как динамит, шарикоподшипники, молочные сепараторы, ацетиленовые маяки, трёхфазные моторы, теплообменники. Данные изобретения, в свою очередь, послужили плодородной почвой для роста промышленных компаний, которые до сих пор являются ведущими в шведской экономике, а многие из них (например, «Ericsson», «Volvo», «SKF», «ABB») превратились в ТНК. «Среди самых известных изобретателей и ученых А. Нобель – изобретатель динамита, искусственного шелка, каучука, синтетических нитей и лаков; Й. Эрикссон – создатель модели гребного винта для судов; Г. де Лавалль – конструктор молочного сепаратора. Л. Эрикссон усовершенствовал телефонную связь, а С. Вингквист изобрел сферические шарикоподшипники, которые широко используются в современном машиностроении»⁵. Интересно также, что именно шведские химики открыли больше всего элементов из таблицы Менделеева⁶.

В статье Н.М. Антюшиной по поводу более современных шведских изобретений отмечается также следующее: «В 1950-е гг. революцию в пищевой промышленности совершила шведская упаковка для жидких продуктов «Тетра Пак», а в автомобильной промышленности широкое применение получил трехточечный ремень безопасности для автомобилей, основанный на принципе безопасности, используемом в альпинизме. Системы NMT и GSM, цифровое устройство, на основе которого была сконструирована компьютерная мышь, цветная компьютерная графика, усовершенствование системы спутниковой навигации и связи, эффект жидких кристаллов – все эти шведские изобретения и усовершенствования оказали влияние на развитие современных коммуникационных и информационных технологий. Заметны достижения Швеции в области медицины: кардиостимулятор, электрофорез, хирургический лазерный нож, кардиография, искусственная почка, зубные титановые имплантаты – все это было изобретено в Швеции. Шведы разработали ряд эффективных лекарственных препаратов против язвы желудка, астмы, ангины, заболеваний сердца и т.д.»⁷.

Соседи Швеции тоже отличились на изобретательском фронте, хотя и в меньшей степени. Финляндия дала миру такие изобретения, как радиозонд, силосная система AIV (финский химик А.И. Виртанен благодаря своему изобретению стал лауреатом Нобелевской премии в 1945 г.), взвешенная плавка в производстве меди, ряд изобретений в области автоматизации бумагоделательных машин. К изобретениям недавнего времени можно отнести аппарат для измерения частоты пульса, биоизменяемые хирургические имплантаты (для срачивания сломанных костей), операционная система Linux, ряд нововведений в области мобильной связи (в основном усилиями исследовательских центров «Nokia») и пищевой промышленности, особенно в области функциональных продуктов питания⁸.

⁵ Там же.

⁶ Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. М., 1991. С.52.

⁷ Антюшина Н. Указ. соч.

⁸ Гасик Т. Выдающиеся финские изобретения XX века // Финляндский торговый путь. 2006. №5 (<http://www.kauppatie.com/05-2006/15.htm>).

Дания, которая относительно недавно из сугубо сельскохозяйственной страны превратилась в государство, практикующее инновационную модель развития (при все еще очень высокой доле сельского хозяйства), не может похвастаться сильными традициями изобретательства. Однако именно в этой небольшой стране изобретены печатная машинка, язык программирования С++, водородный показатель рН и др. Кроме того, с 1918 г. Дания стала одним из крупных центров изучения физики атома (ведущую роль в этом сыграл Н. Бор), а с 1920-х годов датские ученые внесли огромный вклад в развитие фармацевтики. Известны также прорывные исследования ботаника, физиолога и генетика В. Йохансена, который ввел понятия «ген», «гено-тип». Совсем недавно, в 2003 г., датчанин Я. Фрийс и швед Н. Зенстрём прославились благодаря разработке программы Skype, позволяющей людям со всех уголков планеты бесплатно общаться при помощи интернет-видеосвязи.

Слабейшие позиции в Северной Европе по такому показателю как традиции изобретательства имеет Норвегия. Хотя и эта страна генерировала интересные изобретения, существенно повлиявшие на человеческую жизнь. Норвежцы подарили миру аэрозольный баллон, первый промышленный образец газовой турбины и канцелярскую скрепку.

Итак, контент-анализ разных источников на предмет сравнения с другими странами вкупе с данными патентной статистики дает нам понять, что изобретательность свойственна североевропейским народам. Одно из логичных объяснений основывается на тезисе, что суровые географические условия служат стимулом к изобретательству, так как изобретения помогают выживать в этих условиях, избегать тяжелого физического труда, связанного с необходимостью пребывать на Севере⁹. Скорее всего, такую точку зрения стоит признать близкой к истине, тем более, что она коррелирует с теорией географического POSSИБИЛИЗМА и концепцией Вызова-и-Ответа А.Дж. Тойнби¹⁰.

Инновационная активность североевропейских стран в последнее время проявляется не только в прорывных изобретениях. Инновации являются результатом творческого процесса поиска каких-либо решений. В Северной Европе творческий подход к решению повседневных проблем стал чуть ли не девизом региона¹¹. Изучая генезис и распространение инноваций в пределах экономики такой малой страны как Дания, Б.-А. Лундваль пришел к выводу, что инновация является не дискретным, а кумулятивным процессом. Иными словами, каждый день создается что-то новое, новые идеи накапливаются в более значительные изобретения. Здесь он всту-

⁹ Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., 2008. С.195.

¹⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. Концепция Вызова-и-Ответа заключается в том, что перед цивилизацией (обществом, человеком) постоянно возникают Вызовы различной природы. Своими Ответами на Вызовы цивилизация (общество, человек) решает возникшую задачу и переводит себя в более совершенное состояние. Обычно чем сильнее Вызов – тем более нестандартен Ответ. Однако при этом Вызов может быть слишком силен, и невозможность дать адекватный Ответ будет означать деградацию цивилизации (общества, человека). Отсутствие вызова означает отсутствие стимула к росту и развитию, что также приводит к деградации.

¹¹ National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / Ed. by B.-A. Lundvall. L., 1992.

пил в заочный научный спор с концепцией «созидательного разрушения» Й. Шумпетера, который утверждал, что главной движущей силой прогресса является предприниматель, который периодически потрясает мир новым изобретением, разрушающим старую и создающим новую систему, экономически более прогрессивную. Лундваль же утверждает, что инновация является не только кумулятивным, но и повсеместным процессом. В условиях малой страны очень многие люди создают инновации, и невозможно отделить одну инновацию от другой, так как они построены друг на друге. Теория Лундваля является важным дополнением теории Шумпетера, без которой сложно понять специфику инновационных процессов, способствующих развитию малых стран. Именно Лундваль ввел понятие добавочной инновации (incremental innovation) для обозначения особого типа технологического прогресса, характерного для скандинавских стран и Финляндии, и противопоставил его понятию радикальной инновации (radical innovation) – более характерного фактора развития для крупных стран, например, США¹².

Одним из главных следствий такого положения вещей является взрывной рост качества отношений между производителями и потребителями на рынке. Во-первых, добавочные инновации способствуют росту конкуренции, ведь адаптация инноваций в условиях малой страны происходит в кратчайшие сроки. Таким образом, почти все субъекты рынка малой страны в каждый момент времени располагают примерно одинаковой информацией об уровне развития производственных сил. Во-вторых, сам факт осознания простым потребителем своей возможности влиять на ход рыночных процессов и постоянная информированность о нововведениях вследствие жесткой конкуренции трансформировали рынки малых стран в сторону большего доверия между покупателем и продавцом и способствовали устранению информационной асимметрии, характерной для рынков большинства стран.

Все субъекты рынка стран Северной Европы, таким образом, постоянно находятся в процессе обучения и обмена мнениями, что также первым показал Б.-О. Лундваль. Датский ученый для обозначения феномена ввел специальный термин «экономика обучения»¹³. Постоянное обучение, в свою очередь, порождает «качественного» потребителя, чьи потребности может удовлетворить только честный, конкурентоспособный и такой же, постоянно нацеленный на обучение и развитие, продавец. Рынки скандинавских стран и Финляндии (как и рынки многих других малых стран Западной Европы) – это рынки, где покупатель и продавец развиваются вместе, и где их отношения достигли высокого уровня доверия.

Феномен творческой индустрии Северной Европы

Отвечая тенденциям современного постиндустриального общества, североевропейское общество стало генерировать инновации и в нематериальном секторе. Широкую известность и признание получили североевропейские дизайнеры, чьи решения отличаются повышенной утилитарностью, экологичностью, доступностью, нацеленностью на гармоничное сосуществование человека и природы. Немаловажную роль в конкурентоспособности североевропейской промышленной продукции на мировых рынках играет именно высокий уровень дизайнерского решения. Высокой

¹² Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. Смоленск, 2005. С. 117.

¹³ National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive.

оценки заслуживают также североевропейские архитектурные проекты. Среди них особенно стоит выделить строительство моста через пролив Эресунн в 2000 г., приведшее к появлению нового динамичного транснационального региона с повышенным значением наукоемких предприятий.

Не стоит на месте и творческая деятельность других направлений. Литература, музыка, театр, кинематограф Северной Европы ежегодно дарят читателям и зрителям массу чудесных произведений. Многие из них поднимают перед обычным гражданином злободневные темы, такие как отношения между титульной нацией и иммигрантами, переоценка ценности брака и отношений в семье, потеря ориентиров в современном мире, пронизанном информационными потоками, но не оставляющем места морали, настоящей дружбе и взаимопониманию. При оценке жанровой принадлежности многие значимые произведения искусства Северной Европы получают эпитет «интеллектуальный». Известен также и тот факт, что Швеция является третьим экспортером музыкальной продукции в мире, уступая только США и Великобритании¹⁴. А жители Осло гордятся тем фактом, что в исчислении на душу населения в их городе ежегодно проходит столько же живых концертов, сколько в Нью-Йорке. На наш взгляд, эти показатели в достаточной мере иллюстрируют чрезвычайно плодотворный характер творческой активности населения данного региона.

Нет смысла перечислять всех современных североевропейских деятелей культуры. Однако факт «трансляции» культурного влияния из этого небольшого региона на тысячи километров не вызывает сегодня сомнения. Продолжая анализ гипотезы о сильных традициях изобретательства и предрасположенности населения стран Северной Европы к инновационной деятельности, на основании последних рассуждений можно сделать еще одно предположение: в современных постиндустриальных реалиях изобретательство не перестает играть одну из ключевых ролей в обеспечении количественного и качественного роста экономики, оно лишь трансформируется в другие виды творческой активности, инновационные по самой своей сути. В данном контексте уместно обратиться к понятию «creative industries», которое можно перевести на русский как «творческие отрасли» («творческие индустрии») или, более обобщенно, «творческая индустрия».

Понятие «творческая индустрия» впервые было введено в широкий обиход в Великобритании в 1997 г. премьер-министром Э. Блэром, который использовал его для объяснения своего видения перспектив роста постиндустриальных экономик. Впоследствии Блэр еще не раз обращался к этому термину. Вот одно из его высказываний: «Нашей целью должно стать воспитание такой нации, в которой творчески талантливые люди будут являться основным звеном в строительстве конкурентоспособной экономики 21 века, – вот тогда мы будем конкурировать за счет мозгов, а не мускул»¹⁵.

Существуют споры по поводу точного определения творческих индустрий, но обобщая, с определенной погрешностью можно сказать, что это совокупность отраслей экономики, в которых творческие способности личности являются основным ин-

¹⁴ Hildibrandsdóttir A.H., Power D. NOMEX: Nordic Music Exports directions and strategies // Collaboration strategy document. September 2009. P. 5 (http://www.musex.fi/images/content/NOMEX_Nordic%20Music%20Exports%20Strategy_September%202009.pdf).

¹⁵ Flew T. The Creative Industries. Culture and Policy. L.: Sage Publications, 2012. P.10 (http://www.sagepub.com/upm-data/42872_Flew.pdf).

струментом создания стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности¹⁶. Творческая индустрия включает широкий спектр видов предпринимательской активности. Есть консенсус по поводу отнесения к творческой индустрии следующих видов деятельности:

- издательское дело и полиграфия
- дизайн и мода
- промышленный дизайн
- производство модной одежды и реклама
- изобразительное искусство (живопись, скульптура и декоративно-прикладное искусство)
- ремесла
- архитектура
- сценические формы искусства (театр, танцы)
- музыка (классическая, популярная и народная)
- аудио-визуальное искусство и СМИ (кино, телевидение, радио, фотография, производство видеофильмов)
- разработка и выпуск программного обеспечения, интерактивные компьютерные игры¹⁷.

Данный сектор представлен в основном малыми предприятиями, а также индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица. Их отличает творческая энергия, восприимчивость к инновациям, гибкость и способность адаптироваться к быстро изменяющейся обстановке на рынке, производство продукции и услуг по индивидуальным заказам. Творческая индустрия неразрывно связана с информационными технологиями, более того, современные компьютерные технологии придают индивидуальному творчеству масштаб и характер «индустрии»: компьютерные издательские комплексы, технологии веб-дизайна, средства мультимедиа, электронная коммерция и т.д. Таким образом, связь творческих индустрий и наукоемкого бизнеса достаточно очевидна.

Сегодня все больше людей признают, что реализация продукции и услуг малых предприятий творческой индустрии оказывает влияние на инфраструктуру туризма и отдыха, способствует развитию маленьких художественных галерей, кафе, ресторанов, клубов, зарождению новых «достопримечательностей 21 века». Что самое важное, при высоком качестве продукции национальной творческой индустрии более высокое качество приобретает и человеческий капитал, привыкая к новому, эстетичному, социально-ориентированному.

В странах Северной Европы творческая индустрия отличается высоким уровнем развития. Более того, существует масса мер поддержки данного сектора, что делает его все более конкурентоспособным и позволяет каждому раскрыть свой творческий потенциал. Под эгидой Nordisk Innovations Center (Северный центр инноваций – одна из организаций Северного Совета) сегодня реализуется ряд проектов,

¹⁶ См.: Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики. М., 2009. С.9.

¹⁷ Сайт Проекта развития творческой индустрии Санкт-Петербурга (<http://www.creative.leontief.net/industries.html>); Flew T. Op. cit.

направленных на комплексное развитие творческой индустрии в Скандинавских странах и Финляндии, а также Прибалтике. Механизмы поддержки самые разные – привлечение инвестиций в предприятия творческой индустрии, находящиеся на посевной стадии, бесплатное обучение и повышение квалификации в определенных областях, создание региональных кластеров творческой индустрии и др.¹⁸ В Швеции в 2009 г. правительство выделило 73 млн. шведских крон (около 10 млн. долл.) на создание «Плана действий в отношении культурной и творческой индустрии» при содействии новой организации – Совета по культурной и творческой индустрии. План действий направлен на создание благоприятных долгосрочных условий для предпринимательской деятельности в области культурной и творческой индустрии, а также на развитие кооперации между культурой и бизнесом с целью взаимовыгодного сотрудничества и реализации творческих идей¹⁹.

Власти североевропейских стран вполне серьезно рассматривают творческие индустрии в качестве инструментов региональной политики. Известен пример превращения депрессивного шведского муниципалитета Бутчурка (Botkyrka) близ Стокгольма в творческий кластер со специализацией на цирковом искусстве. В итоге Бутчурка превратилась в муниципалитет-достопримечательность, где творческие индустрии не только решили острые социальные проблемы, но и создали базу для развития туризма²⁰. Сам Стокгольм был одним из первых европейских городов, где на место бывших заводов в 1990-е годы стали приходить выставочные комплексы.

В качестве примера теоретической проработки понятия «творческие индустрии» в странах Северной Европы можно привести бестселлер представителей Стокгольмской школы экономики Нордстрема и Риддерстрале «Бизнес в стиле фанк»²¹. Эта книга многократно переиздана и дополнена, заняв достойное место в современной бизнес-литературе.

Доступность информации в странах Северной Европы

Одним из важнейших признаков экономики обучения является также доступность информации. В Северной Европе обеспеченность домохозяйств и предприятий важнейшими информационными каналами достигла самых высоких показателей. Страны Северной Европы являются мировыми лидерами как по обеспеченности домохозяйств Интернетом (немного отстает Финляндия), так и по частоте его пользования (см. табл. 2).

Таблица 2. Использование сети Интернет в домохозяйствах

Страна	Обеспеченность домохозяйств доступом к сети Интернет, %		Частота использования сети Интернет жителями хотя бы раз в неделю, %	
	2006	2011	2006	2011

¹⁸ Официальный сайт Северного центра инноваций (<http://www.nordicinnovation.net/>).

¹⁹ The Council for Cultural and Creative Industries // Официальный сайт Правительства Швеции. 27.06.2011 (<http://www.government.se/sb/d/3009/a/171720>).

²⁰ «Subtopia»: опыт построения успешного творческого кластера в Швеции // Сайт проектного и аналитического агентства «Творческие индустрии». 06.06.2009 (http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/lecture_englen).

²¹ Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: капитализм в удовольствии. М., 2011.

Страна	Обеспеченность домохозяйств доступом к сети Интернет, %		Частота использования сети Интернет жителями хотя бы раз в неделю, %	
	2006	2011	2006	2011
Дания	79	90	78	87
Финляндия	65	84	71	86
Норвегия	69	92	77	91
Швеция	77	91	80	91
Франция	41	76	39	74
Германия	67	83	59	77

Источники: Eurostat. Level of Internet access – households (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>); Nordic Statistical Yearbook 2010. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2010. P. 58; Eurostat. Individuals – Frequency of internet use (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Обеспеченность Интернетом предприятий является несколько менее ярким показателем в силу того, что почти все развитые страны имеют в данном случае значение больше 90%, однако здесь интересен единственный в своем роде пример Финляндии, где 100% предприятий имеют доступ к сети Интернет. Интересно также, что около 80% североевропейских компаний имеют собственный сайт, что говорит об очень высокой информационной открытости бизнеса²². К примеру, среднее значение данного показателя для ЕС-27 составляет 65%, а для ЕС-15 – 69%²³.

Огромную роль в поддержании инновационного общества Северной Европы играют также социокультурные особенности региона, хотя зачастую сложно сказать, где здесь причина, а где следствие (может быть, та инновационно-дружественная среда, которая сложилась в Северной Европе, поспособствовала кардинальным изменениям социокультурного характера?). Одним из существенных плюсов для североевропейских государств является знание их жителями нескольких языков. Более половины жителей региона старше 25 лет знают на каком-либо уровне как минимум два иностранных языка, а в Норвегии – вообще $\frac{3}{4}$ населения (см. табл. 3 **Ошибка! Источник ссылки не найден.**).

Таблица 3. Доля жителей старше 25 лет, владеющих двумя и более иностранными языками, %

Страна	Дания	Финляндия	Норвегия	Швеция	Франция	Германия
2007 год	52,1	67,9	74,7	50,4	22,9	30,2

Источник: Eurostat. Number of foreign languages known (self-reported) by age group (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Еще одна отличительная особенность стран Северной Европы заключается в особом стиле менеджмента, основанном на доверии, командной работе, поиске наиболее неординарных идей и наивысших показателей участия женщин в управлении. Женская нацеленность на семью, стабильность, спокойствие выполняет в рабочих коллективах роль проводника групповых ценностей. Работа в команде и учет мнения самых молодых («неотягощенных стереотипами») сотрудников ведет к получению самых эффективных и неординарных решений. Помимо прочего, это дает всем со-

²² Nordic Statistical Yearbook 2010. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2010. P.57.

²³ Eurostat. Enterprises having website/homepage (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

трудникам ощущение своей возможности влиять на принятие серьезных управленческих решений, что прекрасно мотивирует на эффективную работу. Повышенная степень свободы североευропейских сотрудников проявляется во всем: от стиля одежды до манеры общения. В большинстве компаний региона практикуются «плоские структуры» – с минимальным количеством уровней соподчиненности. Такие гиганты шведского бизнеса, как «IKEA», «Ericsson», «Volvo Group», «Scania», «Sandvik» используют матричные и дивизиональные системы управления, где работники трудятся в небольших, гибко перестраиваемых коллективах, организуемых по проектному принципу²⁴.

Комплексное воспитание потребности в постоянном поиске (в том числе самого себя), улучшении, инновационной деятельности, творческой активности дает свои плоды. Еще одним косвенным доказательством опережающего развития человеческого потенциала в странах Северной Европы можно считать результаты социологического исследования, проводившегося в 1996-2006 гг. во многих государствах мира²⁵. В ходе исследования респондентам задавались вопросы, ответы на которые должны были показать уровень научной грамотности населения страны. Наибольшее значение интегрального индикатора, который рассчитывался как среднее количество правильных ответов на предложенные тестовые вопросы, оказалось именно в странах Северной Европы. Пятерка стран-лидеров выглядела так: Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Нидерланды. Это единственные страны, жители которых дали более 70% правильных ответов. Для сравнения, Россия оказалась на 32-м месте (46% правильных ответов), США – на 20-м (59%). В отличие от лидеров, в нашей стране по некоторым вопросам наблюдается даже не недостаток знаний, а всеобщее заблуждение: 44% респондентов уверены, что радиация создана человеком; 36% считают, что обычные растения не содержат генов, а генетически модифицированные растения содержат и т.п. На наш взгляд, такие знания влияют на поведение людей как потребителей, воспринимающих и использующих в практической деятельности информацию о назначении, безопасности и эффективности новых продуктов и технологий. Отсутствие понимания необходимости базовых научных знаний в повседневной жизни у определенной части населения является одним из важнейших факторов, сдерживающих создание и распространение инноваций.

В этом кроется то огромное преимущество, которое есть у стран Северной Европы. В этих странах сформировалась социальная масса, восприимчивая к инновациям и понимающая, что научно-технический прогресс при грамотном использовании его достижений ведет к всеобщему благополучию. Когда в обществе есть такое понимание, гражданин становится не просто созерцателем того, что происходит вокруг, но формирует определенные требования к потребляемым им материальной продукции, услугам, информации. В результате от рынка продавца общество переходит к гораздо более гармоничному рынку, где продавец и покупатель достигают консенсуса благодаря тому, что первый производит и продает качественный, функциональный, полезный продукт, а второй его потребляет и платит за это разумные деньги. Это рынок, где классическая информационная асимметрия сведена к минимуму, потому что потребитель образован и информирован, а продавец вынужден

²⁴ Маркелова Е.Ю. Страны Северной Европы: факторы успеха. СПб., 2007. С.18–21.

²⁵ Шувалова О.Р. «Образ» науки: восприятие населением результатов научной деятельности // Форсайт. 2007. №2. С.50–59.

вести честную игру, так как в противном случае, его вытеснят более конкурентоспособные и добросовестные игроки. Именно такое общество и такой рынок являются тем необходимым условием, без которого по-настоящему инновационное развитие с повышенной ролью наукоемких производств сложно представить. По замечанию Л.П. Ночевкиной из ИМЭМО РАН «инновационное развитие – это не технологическая инъекция извне, а внутренняя готовность к нововведениям на каждой ступени структурной пирамиды»²⁶. В Северной Европе такую внутреннюю готовность обеспечивает само общество, непосредственным образом участвуя в работе регионального «конвейера инноваций».

²⁶ *Ночевкина Л.П.* Необходимы ли отраслевые предпочтения для инноваций? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. №12. С.13.

Влияние демографических и социально-экономических факторов на политику расширения ЕС

В настоящее время ЕС объединяет 27 государств с населением 495,5 млн человек¹. Это крупнейшее интеграционное объединение с точки зрения социально-экономического и демографического потенциала. ЕС входит в круг приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации. Для ЕС характерно постоянное усиление роли на мировой арене, а также процесс расширения. Объединение вовлекает в себя все новые государства в Восточной Европе. Процесс расширения ЕС обусловлен рядом причин, но считается, что среди них доминируют экономические и геополитические. В статье рассматривается роль демографического фактора в расширении ЕС, который «выпал» из поля зрения ученых, аналитиков, экспертов, которые занимаются проблемами расширения группировки.

В большинстве государств ЕС происходит сокращение численности населения, в некоторых странах сокращается количество трудовых ресурсов, усугубляется дефицит экономически активного населения, параллельно происходит старение населения. Совершенно очевидно, что ЕС находится в демографическом кризисе. А демографический кризис по меткому выражению П.Дж. Бьюкенена - одна «из четырех проблем, представляющих наибольшую угрозу Западу [...], поэтому европейским правительствам приходится увеличивать налоги, отодвигать сроки выхода на пенсию и отменять льготы пожилым – или импортировать рабочие руки из-за рубежа²».

Миграционные потоки в ЕС из Африки, Азии, Латинской Америки усиливаются. Миграция в последние годы существенно изменила этнический состав населения в ЕС, сформировались крупные диаспоры, ранее не свойственных европейской культуре, усилились межнациональные конфликты. С.П. Хантингтон называет иммиграцию «главным бичом нашего времени»³. Бьюкенен пишет, что межнациональные конфликты «это предвестники «горячих денечков», ожидающих Европу в будущем⁴».

Все это вынуждает ЕС искать возможности компенсации своих демографических потерь и сглаживать негативные этнокультурные факторы. Такой выход найден - это расширение ЕС в сторону Центральной и Восточной Европы, в которых проживает население близкое к населению Западной Европы по менталитету, историческим особенностям, этническим и религиозным характеристикам. Именно поэтому исследование роли демографических и социально-экономических фактора в расширении ЕС представляется важным и актуальным с научной и практической точек зрения.

* *Боженко Виталий Валерьевич* – кандидат экономических наук, в.н.с., Институт социально-политических исследований РАН.

¹ *Pison G.* Tous les pays du monde // *Population and Societies*. 2007. No. 436. P. 6.

² *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М.: «АСТ», 2003. С.316–317.

³ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations. New York, Simon and Schuster, 1996. P.305.

⁴ *Бьюкенен П.Дж.* Указ. соч. С. 317.

Современная динамика численности населения ЕС

Расширение ЕС сопровождалось серьезными социально-демографическими изменениями внутри интеграционной группировки. По итогам 2008 г. ЕС вышел на третье место в мире по численности населения, после Китая и Индии. В ЕС-27 проживали 497,8 млн человек. Наиболее населенные страны Европейского союза: Германия (82 млн), Франция (62,4 млн), Великобритания (61,6 млн), Италия (60 млн), Испания (45,8 млн), Польша (38,1 млн), Румыния (21,5 млн человек)⁵. Однако, они существенно разнятся по направленности динамики численности населения. Прогнозы до 2030 г. показывают, что страны ЕС делятся на три группы: с ростом населения, сокращением численности населения и стабильным населением.

Максимальный рост численности населения будет отмечаться во Франции и Великобритании – на 4,5 млн в каждой из стран к 2030 г., Испании – на 2,4 млн человек. Менее заметно, но существенно, вырастит население в Нидерландах - на 1,3 млн, Ирландии - на 1 млн, Швеции – на 0,9 млн, Бельгии – на 0,6 млн, Австрии – на 0,3 млн человек (см. табл. 1). Однако, в большинстве этих стран основной «позитивный» вклад в рост численности населения вносит иммиграция. Если миграционный прирост будет нулевым, то численность населения во многих из них сократится.

Таблица 1. Динамика численности населения в странах ЕС в 2008-2030 гг., млн человек

	Значительное увеличение (сокращение)	Среднее увеличение (сокращение)	Незначительное увеличение (сокращение)
Страны с ростом численности населения	Франция (+4,5), Великобритания (+4,5), Испания (+2,4)	Нидерланды (+1,3), Ирландия (+1,0), Швеция (+0,9), Бельгия (+0,6)	Австрия (+0,3), Греция (+0,2), Португалия (+0,2), Дания (+0,2), Финляндия (+0,2), Люксембург (+0,1), Мальта (+0,1), Кипр (+0,1),
Страны с сокращением численности населения	Румыния (-1,8), Польша (-1,7)	Италия (-1,4), Германия (-1,4), Болгария (-1,2)	Венгрия (-0,6), Чехия (-0,5), Литва (-0,3), Латвия (-0,3), Словакия (-0,2), Эстония (-0,1)
Страны с неизменной численностью населения		Словения (0,0)	

Источник: составлено по European Demographic Data Sheet 2010. International Institute for Applied System Analysis, Vienna, 2011. www.populationeurope.org.

По оценке Международного института системного анализа к 2030 г. численность населения ЕС возрастет лишь на 30 млн до 527,7 млн человек (если не принимать во внимание возможное территориальное расширение). Если представить себе, что миграционный прирост будет нулевым, то население ЕС сократится до 493,7 млн человек. Учитывая, что в Евросоюзе набирает силу процесс старения населения, можно сказать, что без территориальных присоединений и миграции регион обречен на демографическую стагнацию и старение. Наглядный

⁵ Здесь и далее данные указываются по European Demographic Data Sheet 2010. International Institute for Applied System Analysis, Vienna, 2011. (www.populationeurope.org).

пример, самая крупная по населению страна Европы – Германии, в которой население к 2030 г. сократится до 81 млн человек. Причем, если не будет притока иммигрантов, то численность населения сократится значительно до 76,9 млн человек. В аналогичной ситуации находится Италия, которая потеряет к 2030 г. 1,4 млн человек. Сокращается население также в большинстве новых членах ЕС.

Это обусловлено тем, что в большинстве стран ЕС сложился слаборасширенный тип воспроизводства населения, в условиях которого едва обеспечивается простое замещение поколений, при этом естественный прирост минимален. Например, в Великобритании, Австрии, Бельгии, Испании, Финляндии и Португалии он составлял в последнее время всего 0,1%, в Дании – 0,2%, на Мальте – по 0,3%, Франции, Нидерландах и Люксембурге – по 0,4%. Естественный прирост равный нулю отмечается в Греции, Польше и Словакии. Отрицательные значения имеет показатель естественного прироста в Германии, Италии, Словении и Швеции на уровне минус 0,1%, Румынии, Чехии и Литве - по минус 0,2%, Венгрии и Эстонии - по минус 0,4%, Болгарии – минус 0,5%, Латвии – минус 0,6%. Только в некоторых странах ЕС существует расширенное воспроизводство населения. Соответственно коэффициент естественного прироста имеет достаточно высокие значения: в Ирландии и на Кипре – по 0,5%. Но эти небольшие страны не могут «спасти» остальную Европу.

Фундаментальная причина - старение населения, которое является следствием растущей продолжительности жизни и сокращения рождаемости. Сокращение рождаемости связано с изменением ценностей, изменением образа жизни людей и вовлеченностью женщин в общественную жизнь. Все эти факторы действуют в комплексе и имеют определенную специфику по странам, ведь свою роль играют традиции, религиозные установки, нормы морали и пр. Рождаемость может сильно отличаться в религиозных, расовых и этнических группах в пределах одного государства и региона. В большинстве стран ЕС рождаемость стала очень низкой.

Если в среднем в мире на одну женщину репродуктивного возраста приходится 2,7 ребенка, то в странах ЕС этот показатель значительно ниже. Причем он падает быстрыми темпами. Например, в 2006 г. на одну женщину в ЕС приходилось 1,72 ребенка, то в 2008 г. – 1,6. Наиболее высокой среди стран ЕС рождаемость остается в Ирландии – 2,1, Франции – 1,99 и Великобритании – 1,96 ребенка.

Значительный вклад в рождаемость в странах ЕС обеспечивают выходцы из арабских и азиатских стран, в семьях которых сильны традиционные установки на несколько детей. Например, относительно высок показатель рождаемости в странах, где сформировались крупные мусульманские общины: Франция и Бельгия. Также высокие показатели рождаемости во Франции и Скандинавских объясняются существенными мерами социальной поддержки семьи (около 4% своего ВВП)⁶. Неслучайно, в Швеции суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,91, в Дании – 1,89, в Финляндии – 1,85. Можно было бы предположить, что определенное влияние на брачность, разводимость и рождаемость оказывает в некоторых странах

⁶ Атлас демографического развития России. / отв. ред. Г.В. Осипов, С.В. Рязанцева. М., 2009. С.15.

ЕС католическая церковь, которая не приветствует разводы и запрещает аборты. Однако, даже в странах с традиционно сильными позициями католической церкви отмечаются низкие показатели рождаемости: Испания - 1,46, Италия – 1,42, Польша – 1,39, Португалии – 1,36. Очень низкой рождаемость остается в новых членах ЕС. Причем рождаемость в них продолжает падать. Например, в Эстонии она всего 1,65, в Словении – 1,53, в Чехии – 1,5, на Мальте – 1,44, в Латвии – 1,44, в Румынии – 1,35, в Словакии – 1,32 ребенка на женщину репродуктивного возраста. Здесь это усугубляется экономическим кризисом и низким уровнем жизни значительной части населения. Низка рождаемость и в остальных странах членах ЕС - в Греции – 1,51, в Австрии – 1,41, в Германии – 1,38.

Тенденция снижения рождаемости в Европе наблюдается уже не одно десятилетие. Так, в 1950-1955 гг. суммарный коэффициент фертильности составлял 2,7.⁷ К 1975-1980 гг. значение данного показателя опустилось до 2, а к 2000-2005 гг. достигло минимальной отметки 1,3 ребёнка на женщину. При этом, начиная с 1975 г., уровень рождаемости в Европе находится на низком уровне, который не обеспечивает простого воспроизводства населения. Таким образом, рождаемость стала основным фактором сокращения естественного прироста и изменения соотношения между возрастными группами населения Европы в 1950-2000 гг. Снижение рождаемости привело к росту доли старших возрастных групп в совокупном населении из-за постепенного уменьшения численности новых поколений. Это фундаментальная проблема ЕС: не обеспечивается уровень простого воспроизводства населения (необходимо 2,14 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста, чтобы избежать депопуляции)⁸.

Своего наибольшего значения миграционный прирост в ЕС достиг в 2003 г., тогда он превысил 2 млн человек (почти 2,035 млн человек в ЕС-27). Этому в значительной степени способствовала реализация программ урегулирования положения незаконных мигрантов в Испании и Италии. К 2008 г. объем «чистой» миграции сократился до 1,6 млн человек в рамках ЕС-27, а по итогам 2009 г. миграционный прирост составил 938 тыс. человек. В итоге, за последние пять лет (после расширения) население ЕС-27 возросло за счет миграции почти на 8 млн человек. Таким образом, демографическая ситуация в странах ЕС только относительно благоприятна и прирост населения объясняется в основном иммиграцией.

Таблица 2. Соотношение показателей естественного прироста (убыли) и миграционного прироста (убыли) населения в странах ЕС в 2009 г., тыс. человек

	Общий прирост населения	Общая убыль населения
Естественный прирост и миграционный прирост	Франция (+263,9 и +74,8), Великобритания (+214,7 и +186,0), Испания (+126,9 и +78,9) Нидерланды (+49,5 и +39,7), Ирландия (+46,9 и +43,9), Швеция (+17,9 и +67,6), Чехия (+14,7 и +35,0), Греция (+10,3 и +35,9), Дания (+10,4 и +27,8),	

⁷ World Population Ageing: 1950–2050. UN, 2001. P.76.

⁸ Атлас демографического развития России. С.25.

	Финляндия (+10,4 и +13,5), Словакия (+4,2 и +3,9), Кипр (+4,0 и +0,9), Словения (+3,5 и +18,0), Австрия (+2,7 и +17,6), Люксембург (+2,0 и +6,8), Португалия (+0,3 и +14,6), Мальта (+0,9 и +2,1)	
Естественный прирост и миграционная убыль	Польша (+35,1 и -15,4)	
Естественная убыль и миграционный прирост	Бельгия (-23,4 и +55,1), Италия (-5,9 и +384,4)	Венгрия (-30,9 и +15,7), Эстония (-0,7 и +0,1)
Естественная убыль и миграционная убыль		Германия (-161,9 и -55,7), Болга- рия (-32,8 и -0,9), Румыния (-31,3 и -2,5), Литва (-8,7 и -15,5), Латвия (-7,1 и -4,6)

Источник: составлено по данным European Demographic Data Sheet 2010.

Трансформация возрастной и этнической структуры населения ЕС

ЕС в настоящее время столкнулся с серьезными социально-экономическими проблемами, обусловленными демографическими факторами. Прежде всего, это процесс старения населения, который отражается на росте расходов пенсионных фондов. И неизбежным выходом из этой ситуации - повышение пенсионного возраста. Это крайне непопулярная мера, но порой необходимая. События во Франции в 2010 г. это показали наглядно. После того, когда парламент принял закон о повышении пенсионного возраста – французы вышли на демонстрации протеста.

В ЕС наблюдаются существенные изменения в возрастной структуре населения под воздействием демографической волны, возникшей из-за спада рождаемости после Второй мировой войны. В связи с ней наблюдается уменьшение доли населения средних возрастов в первой половине 1950-х гг. и старших возрастов в 1980-1990-х годах. Баланс между возрастными группами смещается в пользу старшего населения. В результате перехода к низкой рождаемости в 1970-х годах доля населения в возрасте 0-14 лет снизилась с 26,7% в 1965 г. до 15,9% в 2005 г. Возрастная группа 15-64 лет составляла 65,6% в 1950 г., и в результате совместного влияния снижения рождаемости и падения смертности в средних возрастах увеличила свою долю до 68,2% в 2005 г. Также увеличивался относительный размер старшей возрастной группы, к чему кроме упомянутых причин привело увеличение продолжительности жизни. В результате, доля населения в возрасте 65 лет и старше поднялась с 8,2% в 1950 г. до 15,9% в 2005 г., то есть выросла почти в два раза. Таким образом, темп прироста доли населения старших возрастов был выше темпа прироста населения средних возрастов, что за указанный период привело к росту демографической нагрузки на население трудоспособного возраста со стороны населения пенсионного возраста с 12,5% до 23,3%⁹. В результате описанных демографических тенденций возрастная структура населения ЕС существенно «постарела» и этот процесс необратим. Доля людей в

⁹ Атлас демографического развития России. С. 42.

возрасте старше 65 лет увеличится с 17,2% в 2008 г. до 23,7% в 2030 г. Внутри ЕС есть определенная дифференциация. Наиболее «старыми» можно считать Германию, Грецию, Швецию и Португалию. А в перспективе – в 2030 г. лидерами по этому показателю в ЕС станут Германия, Италия, Финляндия, Греция.

Таблица 3. Типология стран ЕС и их соседей по уровню старости в 2008 г.

Уровень старости	Доля пожилых людей (в возрасте 60 лет и старше)	Примеры стран
Демографическая молодость	7,9% и менее	Турция (6,8%)
Первое преддверие старости	От 8,0% до 9,9%	Албания (9,5%)
Собственно преддверие старости	От 10,0% до 11,9%	Молдова (10,2), Ирландия (11%), Македония (11,5%)
Демографическая старость, в том числе	12,0% и более	
- начальный уровень демографической старости	От 12,0% до 13,9%	Польша (13%)
- средний уровень демографической старости	От 14,0% до 15,9%	Дания (15%)
- высокий уровень демографической старости	От 16,0% до 17,9%	Франция (16%), Великобритания (16%), Испания (17%), ЕС-27 (17,2%), Бельгия (17%), Португалия (17,6%), Швеция (17,8%)
- очень высокий уровень демографической старости	18,0% и выше	Греция (18,7%), Италия (20,1%), Германия (20,4%)

Источник: составлено по данным European Demographic Data Sheet 2010.

Последствия старения населения, носящие глобальный и долговременный характер, порождают острые проблемы для всех стран, но одновременно открывают огромные возможности. Некоторые ученые отмечают, что старики будут обладать высокой профессиональной и образовательной подготовкой, будут, скорее всего, более здоровыми людьми, чем предыдущие поколения их возрастной группы. Уже сейчас в странах ЕС наблюдается такой феномен, как «молодые старики». Суть его заключается в том, что людей, достигших возраста 65 лет (который до последнего времени официально считался границей между молодостью и старостью), ни внешне, ни по каким-либо иным критериям, в том числе по состоянию здоровья, нельзя отнести к числу престарелого населения¹⁰.

Прогнозы возрастной структуры населения стран ЕС неутешительны. Очевидно, что в перспективе продолжится старение населения, хотя темпы в ЕС ниже, чем в других регионах мира, тем не менее, изменение возрастной структуры будет иметь негативные социально-экономические последствия. Многие страны долгое время пытались механически восполнять численность населения мигрантами, прежде всего трудовыми. Возник даже термин «замещающая миграция», который обозначал миграционные потоки, компенсировавшие сокращение численности населения или отдельных возрастных контингентов населения. Однако, как показала практика, масштабная замещающая миграция принесла с собой массу культурных, социальных и даже политических проблем. В

¹⁰ Уайтхауз Э. Пенсионная панорама: Пенсионные системы 53 стран. М.: Изд-во «Весь мир», 2008. С.17-18.

настоящее время миграционная политика ЕС становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме того, все большее внимание страны уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми.

Этнический состав мигрантов в Европе также значительно менялся от десятилетия к десятилетию и сильно повлиял на этнический состав населения ЕС. В 1950-1960-х годах основные потоки миграции в континентальные западноевропейские страны, принимавшие мигрантов, происходили из Италии, Испании, Греции, Югославии и Турции. Великобритания в это время принимала практически весь поток из Индии, Пакистана и Бангладеш. В 1960-х годах около 45% всех африканцев, выезжающих из Африки, направлялись во Францию, в три раза меньшее количество - в Италию, Германию, Великобританию и Испанию. В 1970-е годы основной поток мигрантов уже шел в основном из Турции, Марокко, Алжира и Туниса. В 1980-х годах в него влились мигранты с Ближнего Востока, из Южной Америки, причем направление миграционных потоков постепенно смещается от ядра Евросоюза на его периферию, в средиземноморские страны¹¹. С конца 1980-х и в 1990-е годы ЕС начинает принимать беженцев и мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы и с Балкан. Этот поток к концу 1990-х годов все больше становился потоком трудовой миграции, доля трудовых мигрантов из стран региона в общем потоке постоянно возрастает.

В итоге к началу XXI в. этнический состав потоков во многие страны меняется. Так, в Германии и Франции, традиционно преобладала миграция из стран Африки, Турции. В настоящее время эти страны получают все больше мигрантов из Украины, Молдавии, Албании, а в последнее время и из Латинской Америки.

К 2007 г. основными этническими группами мигрантов в Испании стали эквадорцы, колумбийцы, румыны и аргентинцы, а не марокканцы, как прежде. В тех странах, которые на рубеже веков провели программы амнистии, количество трудовых мигрантов выросло в несколько раз. В Испании, Италии, Греции, Франции, Бельгии, Португалии, Люксембурге и Великобритании в 1995-2002 гг. были легализованы 2,5 млн человек. В Италии оказалось, что из 705 тыс. заявлений на легализацию на первом месте по числу заявлений оказались выходцы из Румынии (20%), украинцы (15%) и по 8% заявлений подали албанцы и марокканцы. В Португалии украинцы опередили выходцев из Бразилии. В Греции албанцы все еще доминирующая группа, но доля выходцев из СНГ неуклонно растет. Меняется этнический состав миграционных потоков в Великобританию, Ирландию и Швецию, где уже разрешено работать мигрантам из новых стран-членов ЕС и куда за последний год возрос поток из этих стран (Венгрии, Польши, и Балтийских стран)¹².

В результате, сейчас мигранты в европейских странах распределены весьма избирательно. Более 60% приехавших в Европу турок живут в Германии (именно турки – самая многочисленная группа иммигрантов-неевропейцев в странах ЕС). Алжирцы и тунисцы, как правило, выбирают Францию, албанцы же выезжают почти исключительно в Италию и Грецию, где составляют абсолютное большинство как

¹¹ Pison G. Tous les pays du monde (2007) // Population and Societies. 2007. No. 436. P.3.

¹² Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. С.256-257.

легальных, так и нелегальных мигрантов. В Испании и Португалии традиционно много выходцев из стран Латинской Америки. Марокканцы распределены по всем европейским странам¹³.

Миграционные потоки не распределяются равномерно по территории стран приема, а идут в конкретные города и регионы. Трудовая миграция, как правило, ориентирована на современные секторы экономики и сферу обслуживания, поэтому иммигранты концентрируются, в первую очередь, в крупных городах и городских агломерациях. Например, в Великобритании мигранты из Азии проживают в основном в районе Большого Лондона, Большого Манчестера, Бирмингема и прилегающей зоны Йоркшира (город Бредфорд называют «маленький Пакистан»). Во Франции насчитывается, по крайней мере, 10 млн граждан, у которых как минимум один из родителей иностранец. Большая часть их живет в Большом Париже (38,3%), районе Рона-Альпы с центром в Лионе (12%) и в районе Прованс-Альпы-Лазурный Берег, между Марселем и Ниццей (8,4%). В Германии отмечаются сходные тенденции: самое большое количество мигрантов в абсолютном выражении проживает в больших городах (Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Франкфурте на Майне, Кёльне, Штутгарте). В последних трех городах, а также в Оффенбахе доля мигрантов достигает 20% всего населения. В западных городах уже сложились этнические анклавы - чайна-тауны, арабские кварталы, индо-пакистанские и т.д. Этому во многом способствовали программы строительства социального жилья для малоимущих, которые были развернуты в Западной Европе, начиная с 1930-х годов, поэтому максимальная концентрация мигрантов отмечается именно там.

Европейский центр наблюдения за противодействием расизму и ксенофобии, расположенный в Вене, недавно выступил с предупреждением политикам стран ЕС. Центр выразил озабоченность появлением исламофобии в обществе европейских стран¹⁴. Это проявляется в СМИ, а также исламофобия обнаруживается в высказываниях политиков. Все это способствует формированию негативного стереотипа мусульманина-иммигранта как террориста и врага. Это обернулось увеличением случаев расовой и религиозной нетерпимости, главными жертвами которой становятся женщины в исламской одежде. Наиболее заметны эти настроения, в Великобритании, Франции, Нидерландах, Швеции, Дании. Во Франции на пост нового лидера ультраправой партии «Национальный фронт» избрана М. Ле Пен, дочь Ж.-М. Ле Пена, который занимал эту должность на протяжении почти 40 лет. В 2002 г. 82-летний Ж.-М. Ле Пен занял второе место в первом туре выборов президента Франции, а во втором туре уступил Ж. Шираку. М. Ле Пен заявляла, что на предстоящих в 2012 г. президентских выборах станет кандидатом от «Национального фронта», если получит пост лидера партии¹⁵.

Европейская комиссия признает потенциальную пользу иммиграции, но, тем не менее, озабочена последствиями продолжающегося или даже возрастающего притока мигрантов в страны-члены ЕС, в том числе и его последствиями для

¹³ Французский взгляд на мигрантов в Европе // Росбалт. 15.10.2006. (www.rosbalt.ru).

¹⁴ Immigrant Youth in Cultural Transition: Acculturation, Identity, and Adaptation Across National Contexts. Eds. Berry J.B., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. London: Lawrence Erlbaum, 2006. P.221.

¹⁵ Дочь за отца: Марин Ле Пен во главе "Национального фронта" // EuroNews. 15.02.2011. ru.euronews.net.

развивающихся стран. Таким образом, в свете наблюдаемых в Европе тенденций, вопрос об упорядочении миграционных процессов и управлении миграцией, обусловленной экономическими причинами, представляется достаточно актуальным. Поэтому иммиграция становится одной из главных проблем, которыми ЕС придется заниматься в ближайшие годы. В связи с этим ЕС видит необходимость сформулировать свою политику в области внешних сношений с учетом глубинных причин международной миграции с тем, чтобы снизить миграционное давление¹⁶.

¹⁶ UNFPA, International Migration and the Millennium Development Goals: Selected Papers of the UNFPA Expert Group Meeting, Marrakech, Morocco. May 2005. P.92.

Агропродовольственный комплекс ЕС как область реализации конкурентной политики

Наличие конкуренции – общепризнанный необходимый атрибут формирования конкурентоспособной экономики. К сожалению, история экономического развития стран показала, что смитовская «невидимая рука» не обеспечивает эффективного функционирования рыночной системы. Из-за различных отклонений и ограничений конкуренции возникает необходимость реализации государством политики, направленной на поддержание оптимального уровня конкуренции. При этом практическая реализация подобной политики требует учета отраслевой специфики. В данной статье анализируются особенности конкурентного правоприменения в отраслях агропродовольственного комплекса.

Общие принципы конкурентной политики ЕС

Как известно, функционирование рыночной экономики основано на действии механизмов конкурентного взаимодействия между независимыми друг от друга хозяйствующими субъектами. Зачастую на реально существующих рынках конкурентный механизм искажается и подавляется доминирующими хозяйствующими субъектами, которые склонны устанавливать и поддерживать необоснованно завышенные цены на производимые ими товары и/или услуги, поддерживать сложившиеся преимущества за счет вытеснения с рынка конкурентов и/или ограничения доступа на рынок новых конкурентов. Предоставленная самой себе конкуренция может приводить к чрезмерной монополизации рынка, что в свою очередь оказывает негативное влияние на функционирование хозяйственного механизма в целом. Отсюда возникает потребность установления определенных правил конкуренции, реализации на государственном уровне антимонопольных мер, проведении так называемой конкурентной (антимонопольной) политики.

Российские экономисты А. Шаститко и С. Авдашева определяют конкурентную политику как направленную «на поддержание и/или создание ситуации конкуренции на рынках посредством установления и обеспечения соблюдения правил, запрещающих (в том числе по определению или в зависимости от соотношения выгод и издержек) отдельные способы поведения на рынке»¹.

Согласно ст. 3 Договора о функционировании ЕС сфера установления правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка относится к исключительной компетенции Союза. Основной массив конкурентных взаимоотношений в ЕС регулируется общими правилами конкуренции, прописанными в ст. 101 (посвящена антиконкурентным соглашениям между предприятиями), ст. 102 (о злоупотреблении доминирующим положением), ст. 107-109 (о помощи, предоставляе-

* Зайцева Александра Леонидовна – аспирантка МГИМО (У) МИД России.

¹ Авдашева С., Шаститко А. Промышленная и конкурентная политика: проблемы взаимодействия и уроки для России // Вопросы экономики. 2003. №9. С.18–32.

мой государствами) Договора о функционировании ЕС², и рядом регламентов по отдельным аспектам конкурентной политики.

Основой чертой конкурентной политики ЕС является, во-первых, ориентация на единый внутренний рынок, для чего необходимо противодействовать подмене ликвидированных в результате интеграционных процессов государственных торговых ограничений и барьеров схожими мерами частного характера. Во-вторых, для реализации конкурентной политики в ЕС характерно децентрализованное правоприменение, когда Европейская Комиссия рассматривает наиболее важные дела, например, имеющие масштаб Сообщества, или несущие в себе какие-то новые элементы, ранее не попадавшие во внимание конкурентных ведомств. В последнем случае Еврокомиссия как бы задает тональность для рассмотрения аналогичных дел в будущем в целях обеспечения единообразного применения законодательных норм во всех странах-членах Союза. При этом национальные суды и компетентные ведомства активно вовлечены в конкурентное правоприменение посредством прямого применения ст. 101 и ст. 102 Договора. В-третьих, конкурентное правоприменение в ЕС строится на сочетании двух подходов, а именно: запрета «по букве закона» (*per se*) и правила разумности. Первый из них предполагает выявление действий хозяйствующих субъектов, которые оказывают явное антиконкурентное воздействие, и их запрете как таковых *per se*. Второй подход более гибкий, так как предполагает проведение экономического анализа положительных и отрицательных для конкуренции последствий в результате реализации того или иного соглашения (решения). Наконец, существенное значение для эффективной конкурентной политики имеет учет специфических особенностей отдельных отраслей, выражающийся, например, в принятии законодательных актов по отраслевым вопросам, в частности, в области текстильной промышленности, транспорта, сельского хозяйства, автомобилестроения, телекоммуникаций, фармацевтики.

Параллельно расследованию действий отдельных предприятий Еврокомиссия периодически проводит углубленный анализ отдельной отрасли или категории соглашений между предприятиями в случае, если тенденция в торговле между государствами-членами, жесткость цен или иные обстоятельства могут свидетельствовать об ограничении конкуренции на внутреннем рынке³. Проведение таких точечных исследований повышает качество принимаемых конкурентными органами решений в отношении компаний, оперирующих в анализируемой отрасли. Нередко сам факт проведения исследования побуждает хозяйствующие субъекты прекращать антиконкурентные действия, не дожидаясь официального расследования и вынесения решения Еврокомиссией.

Отношение к кооперации в агропродовольственном комплексе

Отрасли агропродовольственного комплекса включают в себя широкий спектр видов деятельности, объединенных единой продовольственной цепочкой, звенья ко-

² Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: ИНФРА-М, 2008.

³ Art. 17. Council Regulation (EC) №1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in the Articles 81 and 82 of the Treaty // Official Journal. 04.01.2003.

торой связывают поставщиков сырья и компонентов для сельхозпроизводителей, фермерские хозяйства, компании по переработке сельхозсырья, производителей продуктов питания, упаковщиков, транспортных агентов, компании оптовой и розничной торговли, предприятия общественного питания. Количество звеньев в цепи, набор участников, характер построения связей между ними, степень интеграции между звеньями варьируются по подотраслям и национальным рынкам.

Так, мясная отрасль Польши отличается от рынков других стран наличием большого числа посредников, связывающих производителей непосредственно туш животных (обычно это небольшие фермерские хозяйства) со специализированными предприятиями по разделке и переработке частей туши животного в различные полуфабрикаты. В винодельческом секторе Франции исторически огромную роль играют предприятия оптовой торговли, реализующие часть производственно-маркетинговых функций. В Великобритании и Ирландии в пивной отрасли получили распространение специальные контракты поставок сваренного пива, заключаемые между пивоварнями и точками общественного питания (кафе, ресторанами, пабами). Разнообразная типология задействованных в продовольственной цепочке предприятий и разный характер отношений между ними ведут к широкому распространению методов нестандартной контрактации⁴.

Отличительной чертой сельскохозяйственного сектора ЕС является доминирование небольших фермерских хозяйств, зачастую семейного типа. Как видно из таблицы 1, в ЕС хозяйства с площадью земель менее 5 га составляют 70% от общего числа предприятий по площадям используемых ими земель.

Таблица 1. Распределение сельхозпредприятий в 2007 г. (по площади угодий), тыс.

Страна	до 5 га	от 5 до 20 га	от 20 до 50 га	от 50 га
ЕС в целом	9644,8	2553,2	804,3	698,1
Австрия	55,3	65,5	33,3	11,3
Бельгия	12,2	13,7	13,3	8,8
Болгария	467,8	15,5	3,6	6,2
Великобритания	119,3	60,1	46,5	74,0
Венгрия	560,2	41,6	12,4	12,2
Германия	83,6	119,6	81,9	85,4
Греция	655,1	167,7	30,3	7,1
Дания	1,7	17,2	10,5	15,3
Ирландия	8,4	46,7	50,4	22,7
Испания	551,4	279,7	111,7	101,2
Италия	1230,7	325,3	83,4	40,0
Кипр	34,7	4,3	0,8	0,4
Латвия	44,1	47,8	10,8	5,1
Литва	139,3	71,1	13,0	6,9
Люксембург	0,4	0,4	0,4	1,1
Мальта	10,7	0,3	0,0	0,0
Нидерланды	21,5	23,1	21,0	11,2

⁴ Например: *Ménard C.* Economie néo-institutionnelle et politique de la concurrence : les cas des formes organisationnelles hybrides // *Economie rurale*. 2003. №277–278. P.45–60.

Страна	до 5 га	от 5 до 20 га	от 20 до 50 га	от 50 га
Польша	1637,3	628,7	101,4	23,6
Португалия	199,6	53,5	12,2	9,8
Румыния	3530,7	370,1	16,1	14,4
Словакия	60,2	4,6	1,4	2,9
Словения	44,5	27,7	2,8	0,4
Финляндия	6,6	23,3	24,2	14,1
Франция	130,4	100,6	99,2	197,1
Чехия	19,8	8,5	4,5	6,6
Швеция	10,9	27,3	16,5	17,9
Эстония	8,4	9,3	3,0	2,6

Источник: данные Евростата (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Ввиду такой разношерстности сельскохозяйственного производства в ЕС особое значение для успешного функционирования отрасли имеют процессы кооперации между сельхозпредприятиями. Уже на начальном этапе формирования конкурентной политики в ЕС сельскохозяйственный сектор подпал под особый режим применения правил конкуренции. Так, из общего запрета на антиконкурентные соглашения и действия компаний были изъяты соглашения, решения и действия, составляющие неотъемлемую часть национальной организации рынка того или иного сельскохозяйственного товара либо являющиеся необходимым условием достижения целей Общей сельскохозяйственной политики ЕС (ОСП), а также соглашения между фермерскими хозяйствами и ассоциациями фермеров какого-то одного государства-члена, если они не содержат обязательств по установлению идентичных цен⁵.

В целом предоставление указанных изъятий в конкурентном правоприменении ЕС носит незначительный характер. Ведь изъятие из общих правил конкуренции предполагает, что заключаемое соглашение (решение) должно одновременно способствовать достижению всех целей ОСП⁶, а именно: росту производительности, обеспечению достойных стандартов жизни для сельскохозяйственных производителей, стабилизации товарных рынков, обеспечению физической и экономической доступности продовольственных продуктов для населения.

Европейские конкурентные ведомства выказывают благосклонность разным формам кооперации сельскохозяйственных субъектов, особенно малого и среднего размера, как на уровне производства, так и на уровне организации маркетинговой, коммерческой, научной и других видов деятельности. Тесная кооперация между экономическими агентами приветствуется до тех пор, пока обеспечивает более высокую экономическую эффективность, способствует инновациям в сельском хозяйстве, улучшению качества товаров и не создает угрозу конкуренции. Хотя соглашения между конкурентами, фиксирующие единую цену продажи продукта, должны быть запрещены как таковые, применительно к агропродовольственным отраслям органы

⁵ Art. 2. Council Regulation (EC) №1184/2006.

⁶ См. рабочий документ Генерального Директората по конкуренции – The interface between EU competition policy and the Common Agricultural Policy. Brussels, 16.02.2010 (<http://www.europa.eu>).

ЕС оставляют возможность их изъятия в некоторых случаях. Во-первых, если крупный покупатель не желает иметь дело с многочисленными разрозненными поставщиками, а значит, с многочисленными разрозненными ценами и требует установить единую цену поставки. Во-вторых, установление идентичной цены разными производителями допускается, если последние совместно выпускают на рынок новый продукт, например, единый бренд молока, сыра или региональное наименование (марку) вина.

В вопросах кооперации сельхозпроизводителей особое место занимает проблематика функционирования профессиональных отраслевых и межотраслевых объединений. С одной стороны, подобные объединения являются эффективным инструментом организации рынков, структуризации агропродовольственных отраслей и подотраслей, создают благоприятные условия для установления и развития взаимоотношений между экономическими субъектами и органами власти. С другой, чересчур активные объединения оказываются вовлеченными в антиконкурентную деятельность. Наиболее известным примером является «дело о французской говядине» 2003 г., в результате которого Еврокомиссия приняла решение о применении штрафных санкций на сумму 16,7 млн. евро в отношении 6 французских федераций в отрасли производства говядины. Эти федерации заключили антиконкурентное соглашение, предусматривающее минимальную цену продажи продукции и ограничение импорта говядины на территорию Франции.

Важной чертой агропродовольственного комплекса в целом, а не только его сельскохозяйственной составляющей, является доминирование предприятий малого бизнеса, число занятых в которых не превышает 20 человек. Доля подобных предприятий в общем количестве хозяйствующих субъектов отрасли составляет 86%, при этом лишь на одном предприятии из 100 число занятых будет 250 и более⁷.

Отношение к ведущим агропродовольственным ТНК

Среди примерно 310 тысяч небольших производственных предприятий (сельскохозяйственных и обрабатывающих) возвышается относительно небольшое число транснациональных корпораций (ТНК), производящих продовольственные товары, крупнейшие из которых представлены в таблице 2.

Таблица 2. Рейтинг мировых агропродовольственных ТНК по годовому обороту

Название	Страна	Отчетный месяц	Оборот, млрд. евро	Число занятых, тыс. чел.	Специализация
Nestlé	Швейцария	XII '10	82,7	281	разное
Cargill	США	V '10	79,3	131	разное
Archer Daniels Midland	США	VI '10	45,9	29	переработка зерновых
Pepsico	США	XII '10	41,4	285	напитки, снеки
Kraft Foods	США	XII '10	37,1	127	молочная продукция, снеки, напитки

⁷ Study on the Competitiveness of the European Meat Processing Industry. Brussels, 2011.

Название	Страна	Отчет- ный ме- сяц	Оборот, млрд. евро	Число за- нятых, тыс. чел.	Специализация
The Coca-Cola Company	США	XII '10	26,5	140	напитки
Anheuser-Bush InBev	Бельгия	XII '09	25,0	116	пиво
Unilever	Нидерланды /Великобрит.	XII '10	22,8	167	разное
Mars	США	XII '10	22,6	65	полуфабрикаты, кондитерские изделия
Tyson Foods	США	IX '10	21,4	115	мясо
SABMiller	США	III '10	18,9	70	пиво
Groupe Danone	Франция	XII '10	17,0	81	молочные продукты, вода, детское и медицинское питание
Kirin Brewery Company	Япония	XII '10	16,7	35	пиво, алкогольные напитки
Heineken	Нидерланды	XII '10	16,1	66	пиво
Asahi Breweries	Япония	XII '09	16,0	17	пиво, алкогольные напитки
Suntory	Япония	XII '10	15,0	25	алкогольные напитки
Associated British Food	Великобритания	IX '10	11,7	97	сахар, крахмал, полуфабрикаты
Diageo	Великобритания	VI '10	11,4	23	алкогольные напитки
General Mills	США	V '10	10,3	33	полуфабрикаты
ConAgra Foods	США	V '10	9,1	24	полуфабрикаты
Kellogg Company	США	XII '09	9,0	31	сухие завтраки, готовые к употреблению продукты
Vion	Нидерланды	XII '09	9,0	27	разное
Lactalis	Франция	XII '09	8,5		молочные продукты
Fonterra	Новая Зеландия	VII '10	8,2	16	молочные продукты
Royal Friesland Campina	Нидерланды	XII '09	8,2	20	молочные продукты
Dean Foods Company	США	XII '09	8,0	27	молочные продукты
Smithfield Foods	США	IV '10	8,0	48	мясо, полуфабрикаты

Название	Страна	Отчет- ный ме- сяц	Оборот, млрд. евро	Число за- нятых, тыс. чел.	Специализация
Sara Lee Corporation	США	VI '10	7,9	33	полуфабрикаты
HJ Heinz Company	США	IV '10	7,9	33	полуфабрикаты

Источник: Европейский портал производителей продуктов питания и напитков (<http://www.fooddrinkeurope.eu>).

Рейтинг крупнейших европейских агропродовольственных компаний исходя из объема продаж, реализуемых ими непосредственно на европейских рынках, несколько иной. Хотя на первом месте по-прежнему швейцарская «Nestlé» (25,1 млрд. евро в 2010 г.) далее следуют «Unilever» (12,0 млрд.), «Heineken» (11,0 млрд.), «Groupe Danone» (9,4 млрд.) и «Vion» (8,2 млрд.). Среди американских компаний лучшие позиции принадлежат «HJ Heinz Company», которая занимает лишь 20-е место (2,5 млрд. евро), а роль японских ТНК вообще очень скромная. Вместе с тем выделяется ряд компаний стран ЕС, не попавших в число ведущих агропродовольственных ТНК мира. Так, на 7-м и 9-м местах соответственно находятся датские компании «Carlsberg» (пиво) и «Danish Crown» – 7,3 млрд. и 6,1 млрд. евро, на 8-м месте (6,3 млрд.) итальянская «Ferrero» (кондитерские изделия), на 10-м и 12-м местах (5,7 млрд. и 5,1 млрд.) германские «Südzucker» (сахар) и «Oetker Group» (широкий спектр продукции). При этом незначительное число крупных предприятий контролирует значительную часть рынка (см. табл. 3).

Таблица 3. Соотношение сил в агропродовольственном комплексе ЕС в 2005 г.

Производимые товары	Доля малых предприятий (менее 20 занятых) от общего числа, %	Рыночная доля крупных предприятий (более 250 занятых), %
Мясо	84,5	44,5
Рыба	70,7	39,2
Фрукты и овощи	80,3	48,5
Масла и жиры	96,4	34,6
Молочная продукция	83,8	59,3
Зерновые и крахмал	88,0	50,0
Животные корма	76,0	34,2
Напитки	86,7	60,2

Источник: The impact of private labels on the competitiveness of the European food supply chain, 2011 (http://ec.europa.eu/enterprise/sectors/food/files/study_privlab04042011_en.pdf).

Деятельность ТНК агропродовольственного комплекса неоднократно оказывалась в центре внимания конкурентных ведомств ЕС в делах о картелях и о злоупотреблении доминирующим положением на рынке. Среди наиболее значительных картелей можно отметить выявленный в 2008 г. банановый картель между компаниями «Dole», «Del Monte» и «Chiquita»⁸ и обнаруженный в 2007 г. сговор между произво-

⁸ The Banana Cartel Decision (http://ec.europa.eu/competition/publications/cpn/2009_1_17.pdf).

дителями пива «Heineken», «Grolsh», «Bavaria» и «InBev»⁹. Злоупотребление доминирующим положением сводилось к разнообразным ограничивающим конкуренцию практикам. Например, в 2004 г. в деле против «Coca-Cola» отмечались эксклюзивный сбыт, предоставление скидок на нарастающий объем закупок, привязка лидирующих брендов к менее популярным продуктам, монополизация холодильных мощностей в точках конечной реализации товара¹⁰.

Если рассматривать агропродовольственный комплекс в общем, то уровень концентрации в нем можно назвать умеренным, но, если анализировать его отдельные подотрасли и товарные рынки, то легко заметить, что некоторые из них являются высококонцентрированными, например производство маргарина, пива, мороженого, крахмала и др. (см. табл. 4).

Таблица 4. Концентрация по подотраслям в 5 странах ЕС, %

Подотрасль	Франция (C ₄ , 2006)	Германия (C ₄ , 2008)	Венгрия (C ₄ , 2008)	Италия (C ₄ , 2006)	Нидерланды (C ₅ , 2008)
Мясо (кроме птицы)	24	30-35	35	30	65
Мясо птицы	29	30	44	72	85
Мясная продукция	16	5-10	81	30	30
Рыба	26	45	98	более 40	45
Продукты из картофеля	90	25-40	98	н/д	90
Фруктовые и овощные соки	62	30	89	45	100
Фрукты и овощи	40	25	31	более 40	20
Маргарин	100	более 65	100	н/д	100
Молоко	50	н/д	н/д	60	н/д
Масло	56	н/д	н/д	30	н/д
Сыр	31	н/д	56	2-64	н/д
Мороженое	70	65	93	60	20
Мука	62	н/д	42	н/д	70
Крахмал	94	н/д	100	н/д	90
Свежий хлеб и выпечка	н/д	10	11	н/д	5
Другая выпечка	н/д	40-45	72	н/д	20
Макаронные изделия	н/д	н/д	67	60	н/д
Сахар	79	20	100	н/д	100
Кондитерские изделия	60	25	82	54	40
Кофе и чай	68	30	63	н/д	90
Заправки и соусы	72	35	84	н/д	35
Крепкие спиртные напитки	75	н/д	46	н/д	20
Вино	22	40	32	7	н/д

⁹ Commission fines Dutch brewers over €273 million for a beer cartel (http://ec.europa.eu/competition/publications/cpn/2007_3_55.pdf).

¹⁰ См.: IP/04/1247 от 19.10.2004.

Подотрасль	Франция (C ₄ , 2006)	Германия (C ₄ , 2008)	Венгрия (C ₄ , 2008)	Италия (C ₄ , 2006)	Нидерланды (C ₅ , 2008)
Пиво	94	30	99	более 60	95
Солод	91	10	100	н/д	н/д
Минеральная вода и безалкогольные на- питки	Более 70	35	76	н/д	100
C ₄ – доля 4 крупнейших компаний, C ₅ – доля 5 крупнейших компаний					

Источник: The impact of private labels on the competitiveness of the European food supply chain, 2011.

Применительно к таким высококонцентрированным рынкам особенно важно проводить тщательный экономический анализ при оценке операций слияний и поглощений между хозяйствующими субъектами, чтобы не допустить роста искажающих конкуренцию тенденций. В то же время консолидация участников рынка является необходимым условием для повышений конкурентоспособности ряда европейских агропродовольственных подотраслей, например, в сфере производства мяса, где европейские компании значительно уступают своим бразильским и американским конкурентам по масштабам производства.

Связующим элементом между производителями продовольствия и конечными потребителями является сбытовое звено, представленное торговлей продовольственными товарами и обслуживанием потребителей в местах общественного питания. При этом в торговле превалирует сбыт через крупные торговые сети, число которых ограничено: в большинстве стран-членов ЕС 5 крупнейших сетей гипер- и супермаркетов контролируют около 70% рынка¹¹. Таким образом, множеству производственных компаний противостоит ограниченное число сбытовых сетей, находящихся в положении «сильного» при ведении переговоров, так как зачастую в силу незначительных масштабов деятельности производственные предприятия лишены возможности прямого выхода на потребителя и оказываются в зависимости от дистрибьюторов. Для улучшения своей переговорной позиции поставщики прибегают к антиконкурентным действиям, вплоть до вступления в сговор. Так, в недавнем исследовании конкурентоспособности европейской мясной промышленности была отмечена тенденция к увеличению случаев картельного сговора между процессинговыми компаниями в целях улучшения своих позиций в переговорном процессе со сбытовыми сетями¹².

Ограничивающее влияние могут оказывать и применяемые в отношениях дистрибьютор-поставщик частные схемы сертификации. Хотя применение подобных схем вызвано объективными причинами, связанными с необходимостью поддерживать репутацию и минимизировать риски в отношении безопасности продуктов питания, число применяемых схем и их специфические характеристики могут оказывать сдерживающее воздействие на конкуренцию, так как ведут к значительному росту издержек перехода поставщика от одной сбытовой компании к другой. Еще одним ограничивающим конкуренцию элементом отношений между производителями и

¹¹ Wijnands J., van der Meulen B., Poppe K. Competitiveness of the European Food Industry. An economic and legal assessment, 2007 // European Commission study.

¹² Study on the competitiveness of the European Meat Processing Industry, 2011.

сбытовыми сетями является взимание платы за доступ на торговые полки (slotting allowances), а также платы за включение поставщика в предварительный лист поставок (listing allowances).

В то же время сбытовые сети находятся в слабой переговорной позиции по отношению к ТНК, а потому прибегают к разного рода техникам для улучшения своих позиций. Например, они заключают соглашения о совместных закупках в целях увеличения критической массы для получения лучшей цены у ТНК или соглашений об эксклюзивных поставках, привязывающих поставщика продукции к определенной сбытовой компании.

Резкое повышение цен практически на все сельскохозяйственные товары в 2007-2008 гг. вызвало рост цен и на продовольственные товары в целом. К концу 2008 г. в ЕС наметилась тенденция к снижению цен на сельскохозяйственное сырье, но потребительские цены на продовольствие не снизились. Этот факт послужил поводом для проведения Еврокомиссией расследования функционирования продовольственной цепочки¹³. По результатам проведенного совместно с национальными конкурентными ведомствами расследования было установлено, что негибкость потребительских цен на продовольственные товары по большей части вызвана рядом структурных причин, не связанных с искажением конкуренции. При этом имели место высокие побочные (не связанные с закупкой сельскохозяйственного сырья) затраты при высокой степени переработки. Несмотря на олигополистический характер, дистрибуция в ЕС характеризуется достаточно высоким уровнем конкуренции: крупные сети гипер- и супермаркетов конкурируют как друг с другом, так и с иными формами и каналами сбыта (традиционная торговля через специализированные магазины и рынки, Интернет-торговля).

Вместе с тем европейские конкурентные власти отметили, что такие практики, как заключение соглашений (альянсов) о совместных закупках, рост использования сетями собственных марок, не являясь антиконкурентными как таковые, несут риск искажения конкуренции в определенных ситуациях, а потому заслуживают пристального внимания со стороны компетентных органов¹⁴. Практика внедрения сетями собственных брендов заключается в том, что эти сети заключают с рядом производителей договоры на производство того или иного товара под маркой дистрибьютора. При этом, с точки зрения конкуренции, сбытовые компании находятся в более выгодном положении, так как непосредственно контактируют с конечным потребителем и «чувствуют» рынок.

Непрозрачность ценовых взаимоотношений между поставщиками и производителями и труднодоступность сведений о затратах осложняют деятельность антимонопольных ведомств по выявлению нарушений конкурентного законодательства. Например, сложно доказать тактику «хищнических цен», когда компания в доминирующем положении сбывает в краткосрочной перспективе свою продукцию по ценам ниже уровня предельных производственных издержек с целью вытеснения с рынка своих конкурентов. Для констатации факта злоупотребления доминирующим поло-

¹³ Tackling the challenge of rising food prices // Directions for EU action, Brussels, 20.05.2008 COM (2008) 321 final (<http://www.europa.eu>).

¹⁴ Competition in the food supply chain // European Commission, Brussels, 28.10.2009, SEC (2009) 1449 (<http://www.europa.eu>).

жением приходится ограничиваться ярко выраженными свидетельствами, такими как практика «связывания» контрактных условий, необоснованный отказ поставлять продукцию, отказ в доступе к инфраструктуре.

Контроль над государственной помощью

Контроль за предоставляемой государствами ЕС помощью национальным компаниям составляет неотъемлемую часть конкурентной политики в различных отраслях экономики. Применительно к агропродовольственному комплексу данное направление конкурентной политики распадается на два направления. Первое затрагивает сельскохозяйственных производителей, получающих финансирование в рамках ОСП. На протяжении нескольких десятилетий государственная финансовая поддержка играла основополагающую роль в развитии европейского сельского хозяйства. С середины 90-х годов ОСП непрерывно находится в процессе реформирования, задачей которого является приблизить сельскохозяйственного производителя к конечному потребителю, заставить его ориентироваться в своей деятельности на рыночные сигналы, тем самым сделать рынки продовольствия более эффективными с точки зрения конкуренции на них.

Ко второму относятся общие правила оказания государственной помощи национальным предприятиям правительствами государств-членов. Политика Еврокомиссии в отношении общих мер государственной поддержки строится на трех принципах¹⁵. Во-первых, односторонняя государственная помощь должна согласовываться с общей политикой в той или иной области, иначе вместо положительного влияния подобная помощь приведет к соперничеству между странами-членами ЕС, перетеканию проблем из государства в государство. Еврокомиссия исполняет своего рода координирующую роль, следит за тем, чтобы оказываемая помощь была эффективной с точки зрения достижения общего блага. Во-вторых, при минимальном ограничивающем воздействии на конкурентные механизмы меры государственной поддержки должны максимально способствовать решению региональных и отраслевых структурных проблем. Подобная помощь должна носить временный характер, она не может быть направлена на покрытие операционных издержек хозяйствующих субъектов и сохранения устоявшихся рыночных структур. Наконец, при принятии решений по поводу оказания государственной поддержки важно учитывать социальные факторы.

Регулирование в условиях продуктовой дифференциации

Для чрезвычайно фрагментированных подотраслей агропродовольственного комплекса характерно широкое распространение производителями стратегии продуктовой дифференциации, что может быть объяснено несколькими факторами. Во-первых, еще Дж. Робинсон выделила дифференциацию как один из методов конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, имеющих своей целью ограничить возможности входа на рынок новых конкурентов¹⁶. Во-вторых, несмотря на нивелирующие различия процессы глобализации, продовольственные рынки стран ЕС (и не

¹⁵ First Report on Competition policy // ECSC, EEC & EAEC Commission. Brussels, Luxembourg, April 1972. P.17–18.

¹⁶ Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986. С.252, 254.

только) существенно отличаются друг друга в силу исторически сложившихся вкусовых пристрастий и привычек, гастрономических традиций. Вспомним хотя бы хрестоматийный пример кока-колы, уровень содержания сахара в которой варьируется от региона к региону. В-третьих, одной из характеристик современного общества является расцвет индивидуализма, когда конечный потребитель предъявляет к приобретаемым им товарам ряд специфических, индивидуальных требований. Производители вынуждены учитывать эти тенденции в своей деятельности и предлагать широкий ассортимент продуктов.

Что касается конкурентного правоприменения, подобная продуктовая дифференциация затрудняет проведение четких товарных границ рынка, например, при анализе сделок экономической концентрации. Таблица 5 содержит данные по количеству внедренных на рынок только за один 2009 г. новых продуктов по ряду подотраслей пищевой промышленности.

Таблица 5. Количество внедренных продуктов в 2009 г.

Продукты	Фран- ция	Герма- ния	Венг- рия	Ита- лия	Нидер- ланды	Испа- ния	Вели- кобри- тания	Всего
Хлебопекарные ин- гредиенты	33	124	15	72	74	6	54	378
Хлеб и булочные изделия	104	94	37	218	151	32	65	701
Сухие завтраки	42	75	22	40	66	7	71	323
Торты и пирожные	90	166	18	202	95	16	230	817
Зерновые и энерге- тические батончики	43	68	18	61	27	7	84	308
Соленые крекеры	29	85	20	89	60	7	42	332
Печенье	187	251	60	232	122	26	159	1037
Сыр	218	202	71	350	34	13	43	931
Сливки	11	17	18	18	2	0	12	78
Альтернативные молочные напитки	11	3	4	20	21	5	13	77
Молочные напитки	24	96	30	69	31	24	43	317
Жиры и спреды	10	17	35	28	6	0	11	107
Йогурты	89	176	30	77	18	24	84	498
Фрукты	86	66	10	103	38	6	51	360
Продукты из кар- тофеля	39	36	2	43	10	5	13	148
Овощи	199	63	3	215	31	7	49	567
Соки и нектары	191	148	34	174	88	14	92	741

Источник: The impact of private labels on the competitiveness of the European food supply chain, 2011.

По большей части новые продукты в агропродовольственных отраслях являются вариацией на тему уже существующих. Как явствует из данной таблицы, наибольшее количество нововведений приходится на продукты молочной отрасли, в которой производители неустанно выпускают на рынок разные модификации (по вкусовым характеристикам и упаковке) йогуртов, молочных напитков, сыров, мороженого, других десертов и т.д.

Инновации в агропродовольственном секторе ориентированы скорее на производственные и управленческие процессы и маркетинг. Так, при производстве продовольственных товаров технологии термальной обработки ингредиентов постепенно вытесняются не термальными методами воздействия, например переработка сырья под высоким давлением. В соответствии с изменившимся образом жизни потребителей производители делают акцент на продажах готовых блюд, полуфабрикатов, различных снеков для перекусов. В ответ на такие демографические тенденции, как уменьшение размеров средней семьи в европейских странах и снижение числа регистрируемых браков, на рынке все чаще появляются продукты в индивидуальной упаковке небольшого объема, рассчитанной на одноразовое потребление одним человеком, например: бутылки вина емкостью 0,3 л, упаковки молока емкостью 0,25 л, минибэгеты и т.д.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конкурентное правоприменение в агропродовольственном комплексе осуществляется с учетом его отраслевой специфики. Наиболее значимые отличия связаны с сельским хозяйством, правила конкуренции в котором применяются с некоторыми изъятиями. Это, впрочем, не дает повода утверждать, что данная отрасль находится вне поля конкурентного правоприменения. Внимание компетентных ведомств чаще всего акцентируется на двух «точках доминирования», представленных двумя группами хозяйствующих субъектов, а именно ТНК и сетями розничной торговли.

К основным сложностям конкурентного правоприменения относятся чрезвычайная фрагментация рынков, широкое использование стратегии продуктовой дифференциации, запутанность системы взаимоотношений между участниками различных звеньев продовольственной цепочки. Ряд применяемых в отрасли коммерческих практик на данный момент не нашел должного отражения в системе конкурентного правоприменения. Прежде всего речь идет о набирающей обороты тенденции сбыта торговыми сетями продовольственных товаров под своими собственными марками. Реальное воздействие этой тенденции на состояние конкуренции на соответствующих рынках еще только предстоит изучить.